

Сергей Куреев

ЛЮДИ ИДУТ ПО ДОРОГЕ

Скифия
Санкт-Петербург
2018

ББК 84 (2Рос=Рус)

УДК 882

К43

Сергей Киреев

ЛЮДИ ИДУТ ПО ДОРОГЕ

Киреев С.

К43 Люди идут по дороге. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2018. — 428 с.

ISBN: 978-5-00025-146-1

© Киреев С., 2018

© Издательство «Скифия», 2018

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. 12

Раздел I

Помнишь, как влюбилась ты в юного спортсмена 15

Дорогая Смирнова Надюха 19

Родная окраина, Богом забытый угол 34

Он вошёл — живот вперёд 36

А в облако месяц вонзился, как бивень моржовый 39

Вон окошко светится в сталинской высотке 40

Он огонь умел глотать, он об стёкла спички чиркал 48

Били в рельсу, вставал затемно 49

Меня советский строй, как молот стопудовый 50

Люди едут в далёкие дали 52

Мне любые дела по плечу 54

Он тащится чуть не волоком 56

Ну, что тебе сказать, мой друг читатель? 59

Коромыслом нынче дым 96

Скучно ей, одиноко жить в рыбацком посёлке 97

Я вернулся в этот двор 99

Под летящей листвой 100

Ничего, что вдоль по всей России 102

Сотню лет не вылезать бы из норы укромной	104
Она романсы пела, соседка наша Томка	105
Я когда-то с ним учился в ВУЗе	106
Я сегодня немного волнуясь	108
Петька, твой старый, по детскому саду дружок	115
Ночь на город легла, как тюленья туша	116
Нет на Кубе ракет	117
И дом продрог на холоде, и дождик-дуралей	119
А ему было худо, и камень на сердце тяжкий	120
Ёлку нарядила, стол накрыла	121
Верка крутит обнову	122
Ты с утра сам себе варишь кофе и кашу	124
Я всегда по жизни был	129
А нам бы с ней чай потихоньку хлебать из блюдца	130

Раздел II

Хоть и движемся мы строго порознь	132
---	-----

Раздел III

Подъём. Двое в связке — сильны ж они, черти, ей-Богу! ...	138
Мы были молоды, сильны и бесшабашны	140
Чёрных елей угрюмый конвой	143
Фарватер сложен. Русло скручено в петлю	144
Буйной силой, звериным оскалом	147
Он шутил, он шёл неплохо	149
Рождает же свет дуралеев!	151
Был же он, был при деле	153

Сам поэт Евтушенко сочинял ему гимны	155
Солнце тает в рассветном тумане	157

Раздел IV

Я очки уронил	166
Эх, судьбина лютая	169
Был почти что принц голубых кровей	171
Нынче с выживанием плохо дело	173
Я — свободный российский фермер	178
Стук колёс. Гармонь. Три поллитры	181
В окнах знакомых погасли огни	186
Покинь этот дом, с ним всё ясно, чего же ты медлишь? . . .	187
Богом проклята эта земля, здесь дышать уже нечем	189
Я пить перестал, я закончил по улицам шляться	190
Парни под раскладушками	192
Осень нас развела, ты уехала за три моря	196
На дверях замки, и газон пострижен	197
Мне страх царапает мозги, нутро кроит	200
«Пьянству — бой!» — есть указ. Есть ответ ему	202
Он заходит свободно и гордо	205
Пусть работой и жизнью ушиблены мы и контужены	207
«От пьянства люди лечатся», — сказал мне зам. по тылу . . .	209
Во хмелю, в раздумьях горьких	213
Они дворцы воздвигли, и всё до фонаря им	214
Их туда увезли, где война	220
Ах, этот август! Бред. В Москве войска	222
В старом саду третий месяц затишье	224
Ломовую чувиху с понтовым фэйсом	226

Что с тобою случилось, родная земля?	228
Друг возглавил фирму. Повезло.	230
Партнёр мой — Лёнька... ..	233
Мы со Светкой — на новом этапе	235
У них опять путч, а у нас любовь.	239
Наш товарищ Шура, блудный сын Арбата	241
Ой, время нынче подлое, лихое	244
Очнувшись от сладких снов	247
Я со всех постов смещенный, я собрался в даль степную ...	249
Я певец и плясун, мне везло и везёт.	251
Слышишь шорох дождя... ..	253
Столбы за окном, как скелеты.	254
Под балконом черешня поспела.	256
Суббота. Утро. Гомон-крик. Толпа штурмует гастроном. ...	257
Я — кукла	259
Ты бывший морпех, ты теперь городской глава	261
Я хожу по степи в печали	263
Ты напрасно его не трогай.	268
Я в Крыму выходные провёл.	270

Раздел V

Глухомань дремучая давит, мучает	273
С картой меченой в колоде	277
Вася первым парнем был	279
Эй, эй, вставайте, братцы	284
Что ж, вы, ребяташки, что ж, вы, хорошие.	286
Чтоб в песнях прославил я.	287
Гости в доме пьют-гуляют	289

Мы люди пропащие, бедные	291
Наизнанку, кверху дном	293
Ночь глухая, окаянная!	295
Звёзды — как поганки.	298
Ой, злодейка-вьюга	300
Невесёлые нынче у нас дела	305
Мы на марше, мы в строю!	307
В штабе с дружками.	308
Ваня едет на телеге. У него похмелье	310
Ой, ты, земля чужая.	311
Он не шарамыжник, он купец.	313
Эй, народ честной	315
Кошки, псы дворовые	319
Ой, да навек уснул дремучий.	322
Спят буржуи вечным сном в могилах	324
Он землю родную оставить не в силах	327
Дом достроить не смог он.	328
Ты послушай, дочь, как плачет ветер	330
Не скучай, народ, а ну!	331
Мы поутру, спозаранку	344

Раздел VI

То улицей, то площадью.	337
Она держалась под руку	338
У вас гулянка и народу полон дом	340
Я пришёл к ней — галстук в клетку	342
У Женьки	344
По улице по Каланчевской.	345

Дождь-доходяга отморосил, от мира сего отцепился	347
Снова кровь бурлит во мне, волнуется	348
Любовь у меня — хоть сейчас околеть	349
Путь-дорога далека...	350
Он модель собирал, он приклеивал к планеру крылья	352
У неё беретик набекрень	354
В ночь вцепилась лютой, мёртвой хваткой	355
Была инженершей, имела гроши	357

Раздел VII

Вроде банда на дно залегла, и привет вам — опять	363
Мы в село вошли без боя	366
Я пирог доедала	368
Чёрный «маузер» в кулаке.	372
Не спи, солдат, не вешай нос, в ночное небо глядя!	373
А мы с Серёгой	376
Боже, дурака прости	378
Я по бегу мастер спорта	382
Я хожу печальный по лесной тропинке	384
Петь-плясать хочу. Рановато	385
Я люблю завод, люблю страну мою	387
Город детства — вот он	389
Мои полномочия	391
Сбыт наркотиков, кража, разбой, хулиганка, угон	395
Расскажи про войну, как там было.	397
Леха сел случайно. Отсидел. В Москву приехал	398
Чувихи в нашем городе портовом	403
Днём и ночью пахал, не бухал и не квасил.	405

Я возьму за основу	408
Нас резали ночью. Я к ближнему порту	409
Рассвет соловьиной трелью	411
В этот сумрак, в этот холод.	414
Мой диагноз родню поразил.	416
Нинка в шёлковой одежде	420
Как дитя на конфетку	422
Месяц из-за облака вылез	424

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здравствуй, читатель, перед тобой моя вторая книга песен и стихов. Первую, «Возле Чистых прудов», ты, надеюсь, прочитал или вскоре прочтёшь, и представление об авторе у тебя окончательно сформируется — «твой», «не твой», надо, не надо его читать, и т.д.

Коротко о том, кто я такой, чем занимался:

Родился 1 апреля 1956 г. в Томске, с 1957 г. живу в Москве.

В 1973 г. окончил математическую школу и поступил в Московский авиационный институт, через год бросил, пошёл работать в совхоз разнорабочим — пас коров, грузил мешки, копал, чинил, сено в стога складывал — уму-разуму, короче, учился.

Осенью 1974 г. работал грузчиком на Краснопресненской плодовоовощной базе, с ноября 1974 до ноября 1976 служил в армии на Плесецком космодроме. После демобилизации работал на стройке жилых домов в Москве. С 1977 г. по 1981 г. учился на следователя в Московской Высшей школе МВД СССР, затем шесть лет работал следователем в разных районах Москвы — расследовал кражи, грабежи, разбой, угоны, мошенничество, хулиганство...

В 1987 г. опять ушёл в свободное плавание (в первый раз относительно свободно «поплыл», уйдя в 1974 г. из МАИ — см. выше). Конец 80-х — это гораздо более лихие годы в России, чем 90-е, для меня уж точно, — было очень трудно, но очень весело. В это время я занимался мелким, по нынешним временам, бизнесом — пока меня не позвал на работу в совместное советско-австрийское предприятие мой товарищ Леонид Заманский — настоящий герой тех лет — смелый, буйный, умный, неутомимый и очень сильный человек. У него я и начал работать, возглавляя одновременно службу безопасности и правовое управление. В конце 1993 г. партнёры Леонида наняли меня на должность председателя правления банка, входя-

щего в общую структуру их холдинга, а по окончании контракта я ушёл в очередное свободное плавание, в итоге основав музыкальное издательство «Восточный ветер».

С 1998 по 2003 г. был его владельцем и директором — мы издавали в основном авторскую песню, идея была — заработать как можно больше денег, не отступая от основной гуманитарной миссии фирмы — сделать людей в России умней, добрей и счастливей. Первую задачу я, строго говоря, провалил — ничего не заработал по причине собственной низкой на тот момент управленческой квалификации; вторую — скорее всего, тоже провалил, но не факт — время покажет.

С сентября 2003 г. работаю на Косогорском металлургическом заводе — первые три года был директором по безопасности, затем стал генеральным директором и до сих пор им остаюсь.

К литературе, на первый взгляд, всё перечисленное не имеет отношения — какая разница, кого куда судьба бросала, что он там грузил, строил, сеял, плавил? От литератора остаётся то, что он написал, и больше ничего, биография порой вообще никак не связана с тем, что отразилось на бумаге. Но иногда читателю интересно узнать про автора, кто он такой и откуда взялся, на этот случай я и сообщил о себе некоторые данные.

Май, 2018

РАЗДЕЛ I

Первый раздел книги условно можно назвать лирикой — в нём о дружбе и любви, о расставаниях и потерях — всё больше о грустном; но, родившись первого апреля, долго грустным я быть не могу, поэтому и лирика в этом разделе порой несколько специфична, но уж какая есть.

* * *

Помнишь, как влюбилась ты в юного спортсмена,
В чемпиона области по прыжкам в длину?
Он в твоих объятиях, как в печи полено,
Был такой пропавший весь, как солдат в плену!

Свежие, румяные, вроде абрикосов,
Щёки твои гладил он, и при всём при том
За тобой ухлёстывал аспирант-философ —
Зверь такой нахрапистый — крокодил, питон! —

Всё хотел наброситься, и за шкирку — в жёны
Взять и утащить тебя: «Ты теперь мой тыл!»,
Чтоб потом дружки его — умники, пизоны
Языками цокали: ишь ты, отхватил!

Он анализировал Ленина и Маркса,
Он про диалектику долго мог болтать, —
Был похож на физика, на пришельца с Марса,
Если эрудицией начинал блистать!

Свысока, критически глядя на спортсменов,
Тётки с тобой спорили: «Хоть он и красив,
Хоть высок и строен он, Аполлон твой хренов,
Всё же это слабенько в плане перспектив!

Вот марксист твой, ленинец, с кем ты тоже крутишь
Шашни полюбовные, он совсем иной —
Он в загранке был уже, с ним ты точно будешь
В самом лучшем перечне у страны родной!

Жизнь увидишь яркую, да в красивых блёстках,
Курс узнаешь истинный доллара к рублю».
Ты тогда ответила: «Есть одна загвоздка —
То, что я не этого, а того люблю!»

А они: «Да ладно уж, нас не агитируй!
Любишь — и люби себе, только меру знай!
Мы тебе ключи дадим от пустой квартиры,
Главное — с философом шанс не упусти!»

Ну, а так — крутись, вертись, тут расклад несложный;
Да, спортсмен забавный твой, буйный, заводной,
Только за философом всё оно надежней,
Словно как за каменной, за большой стеной!

Нет, конечно, в Штаты он точно не поедет
Ихнюю компартию принципам учить,
Тут у нас поближе есть разные соседи —
Их с лихвой, в избытке тут, ляды с кем точить!»

... Помнишь, со спортсменом вы в парке напоследок
Шляясь, как лунатики, встретили рассвет?
Про марксиста-ленинца он не знал, не ведал.
Вам в ту пору стукнуло девятнадцать лет.

И его отправили в край глухой, унылый —
На два года в армию Родине служить.
Ты неделю целую плакала и выла,
А потом с философом вместе стала жить.

«Расскажи-ка, милый мой — ты к нему с вопросом, —
Сущность трансцендентная — это вот чего?
Как пойму, дружков твоих, дядек умных с носом
В дураках оставлю я, всех до одного!»

Он в ответ: «Материя ко всему первична,
Но вообще ты правильный задаёшь вопрос.
Есть одна гипотеза: Гегель самолично
Тайну этой сущности в гроб с собой унёс!»

Он статьи научные, типа, тары-бары,
Ракурсы там всякие, смыслы бытия —
Посылал в редакции, хапал гонорары,
И, как пряник, сладкая жизнь была твоя!

И на конференции из страны Советов
Он в Чехославакию ездил, в ГДР!
Этих стран на карте уж и в помине нету,
А тогда рвались туда всяк на свой манер!

И неожиданно грянули времена лихие.
Вон, как из неведомой тёмной глубины
Совершенно новая поднялась Россия,
Ей марксисты-ленинцы больше не нужны!

Твой философ дёргался, словно с перепоею:
Как без диалектики, без марксизма как?
Хоть бы кто пресёк уже сильною рукою
Эту вакханалию, хаос, кавардак!

Как-то всё теперь у вас не особо катит.
Гнев, негодование в сердце у него:
«Почему страна моя денег мне не платит?
Что я ей плохого-то сделал? Ничего!»

В продавцы идти ему, в плотники, в монтеры
Очень уж не хочется, он и не идёт,
Он в панаме, весь такой рыболлов матёрый,
У Москвы-реки сидит днями напролёт.

Он с утра до вечера созерцает воду,
Даже, как детей зовут, малость подзабыл!
А они в обед ему носят бутерброды,
Чтобы он закусывал и чтоб меньше пил!

Ты случайно встретила своего спортсмена,
Ну, точнее, раньше он был тебе своим —
До тех пор, пока ему не пришла замена, —
Вы в кафе какое-то заглянули с ним.

За окном метель мела, пьяная, шальная.
Вы глинтвейну выпили. Он спешил, увы!
«Ну, чего, как жизнь твоя?» «Да сама не знаю.
Лучше уж не спрашивай, душу не травми!»

И в тебе проклюнулись прежние замашки,
Ты шептала вслед ему: «Подожди, постой!»,
Ключики-то брякали у тебя в кармашке
От квартиры тётинной, всё ещё пустой!

Из дверей стеклянных он в снег, в потёмки вышел,
И, в окно мельком тебе помахав рукой,
Тихий твой, отчаянный шёпот не услышал —
Сердцем был и мыслями где-то далеко...

Он в каком-то бизнесе нынче самый главный —
Пашет с утра до ночи, не жалея сил,
Он на день рождения — вот, совсем недавно —
Твоему философу спиннинг подарил.

Девки, хрен вас пустит кто дважды в ту же реку;
Чтобы в жизни полными дурами не быть,
Не за стенку замуж-то, а за человека
По любви, по совести надо выходить!

Нечего раскладывать всякие пасьянсы —
Кто какой там выгодный хахаль, кавалер!
Рассчитать всё в точности — нулевые шансы —
Вам с мозгами вашими — вот он вам, пример —

Эта вся история, стих мой невесёлый.
Про мозги простите уж — это я в пыли
Не сдержал эмоции. Я ещё со школы
Как умел, противился глупости и злу.

Девки, я люблю вас всех, и в такой связи я
Не хочу с пристрастием, строго вас судить.
А чего хочу-то я? Да чтоб всем в России
По любви, по совести замуж выходить!

2017

* * *

- 1 -

«Дорогая Смирнова Надюха,
Ты послушай простые слова:
Я хочу целовать тебя в ухо,
А, точнее сказать, даже в два.

Мы сумеем с тобою поладить,
Ты поближе, пожалуйста, сядь.
Я хочу по ноге тебя гладить
И предплечье твоё щекотать.

То, что я холостой, не семейный —
Мой существенный козырь и плюс.
В магазине бутылку портвейна
Я куплю и к тебе завалюсь.

Мы о вечном немного поспорим,
Я тебе доведу до ума
То да сё, светлый путь к ясным зорям.
Ну, а дальше кумекай сама» —

Вот такую записку Надюхе
С пожеланьем любви и добра
Я в столовке, где чёрные мухи,
Положил под тарелку вчера.

Я молодой бригадир, у меня крановщицы —
Двадцать персон, надо к каждой найти свой подход.
Вот и ищу. Если хочешь заводом гордиться,
В светлые дали смотри — не назад, а вперёд!

-2-

Я туда и смотрю. Только трудно
Баб держать на хорошем ходу.
Потому я порой безрассудно
Через тернии к звёздам бреду.

От забот очумевший слегка я,
Глажу девок рукой по плечу,
Пальцем тыкаю в бок, и щипаю,
И под рёбрами их щекочу.

Эх, как звонко хохочут девчата,
Аж трясутся внутри потроха:
«Ну, ещё ущипни, ну, куда ты?
Ха-ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха!»

Я для девок предельно простую
Схему действий придумал свою,
Я рабочий настрой формирую,
Я им счастье, карьеру кую!

Я не зверь здоровенный и злощий,
Не какой-нибудь там солдафон,
А весёлый шутник, создающий
Конструктив, положительный фон.

Чтобы на совесть трудились они, на «пятёрку»,
Даже порой иногда я себе позволял
В тихую гавань тащить их — в подсобку, в каптёрку —
С целью курировать вверенный мне персонал!

-3-

Есть эффект. Только-только, едва лишь
Ты по-дружески ей подмигнёшь,
Или сам её, лично похвалишь,
Или в кружку ей чая нальёшь,

Да она тебе горы своротит,
Все заборы и стены снесёт,
И на самом крутом повороте
И поддержит тебя, и спасёт.

И бульдога за шкирку отловит,
Чтоб не лаял — без всяких проблем,
И коня на скаку остановит,
И не спросит при этом, зачем.

Нет, сердца́ им не рву на куски я,
По невидимой грани скользя.
Крановщицы — девчата такие,
Их особо дурачить нельзя!

Так тебе громыхнут — во умора! —
Так уронят ответственный груз, —
Сам сдаваться пойдёшь к прокурору,
Если ты бригадир, а не трус!

Сторож, Лукич, мне долбил по мозгам равномерно:
«Ты уж одну из них выбери, максимум две,
Не доведёт он тебя до добра, уж поверь мне,
Ветер шальной в непутёвой твоей голове!»

- 4 -

Я чего-то в ответ ему вякал,
Но лопатками чуял, спиной:
Стали тучи сгущаться, однако,
Не над кем-нибудь там — надо мной.

Мне тревога на психику давит —
Я её рассказал Лукичу —
То, что девки вот-вот сопоставят,
С кем и как я романы кручу.

Холодок нехороший по шкуре
Пробегал, хоть я с девками был
Весь галантный такой, балагурил,
Анекдоты в курилке травил.

А теперь им уже не до смеха,
И в обед, среди белого дня,
У развалин цементного цеха
Отмудохали девки меня!

Да, ребята, что было, то было.
Вот такие творятся дела.
Рукояткой от швабры по рылу
Надька мне напоследок дала.

Вот вам и финиш, развязка, конец эпизода —
Пятые сутки в тумане каком-то, в дыму
Я пребываю. Спасибо, директор завода
Принял меня. Я нюансы поведал ему —

- 5 -

Я проблемы свои и обиды,
Точный перечень всех передряг —
Всё, как есть, на духу ему выдал
И узнал, что я полный м... к.

Он тенденцию выразил вкратце:
«Есть научно доказанный факт —
Что всегда ты рискуешь нарваться,
Если с бабой идёшь на контакт.

Для неё даже нет разговора,
Что злодей, негодяй — это тот,
Кто девчатам подряд, без разбора
В уши нежные песни поёт!

И вообще — только самым подлюгам
Всё оно ничего, в самый раз
Свои чувства к любимым подругам
Выставлять на всеобщий показ.

Ну, а ты, дурулом, хлопнешь стопку,
И давай огород городить —
Бессистемно в каптёрку, в подсобку
Развесёлых подруг приводить.

В общем, огрѐб ты, конечно, частично по делу —
Он подытожил коротким кивком головы, —
Да, не сказать, что ты слишком пушистый и белый,
Но ведь и девки тут, мягко сказать, не правы!»

- 6 -

Он сказал, что в любую эпоху
Можно общий закон проследить:
«Если лидера сразу мудохать,
Он не сможет себя проявить!»

Чтобы сердце своё успокоить,
Всем вам, черти, на вашем пути
Дипломатию надо освоить.
Это тонкая штука, учти!

Если ты не ругаешься матом —
Значит, что — ты уже дипломат?
Можно фрак надевать? Да куда там!
Ты сперва покумекай сто крат!

Посиди в уголочке, подумай,
Как, мостов не сжигая дотла,
Без базара, без лишнего шума
Эффективно обтяпать дела.

Ну, вот ты — хоть в плечах и поширше
И заметно на вид здоровей
Надьки — бывшей своей бригадирши,
Относись с осторожностью к ней!

Даже когда твой противник в режиме маразма,
В ритме конвульсий тебе оппонирует — что ж,
Гни свою линию вскользь так, зигзагообразно, —
Меньше в сто раз потеряешь, а больше найдёшь!»

- 7 -

«Выше нос, — мой директор продолжил, —
Мы возможность манёвра дадим
Тем, кто бил человека по роже —
Например, крановщицам твоим!

Пусть они к тебе ищут подходы,
Виновато в сторону сопя,
Кто на фоне любимой природы
У развалин мудохал тебя!

Охи, ахи, сю-сю, тыры-пыры
Пусть теперь будут с их стороны,
Торты к чаю давать и зефиры
Пусть они тебе будут должны!

Да, дружок, ты всё правильно понял —
То, что ты никакой не изгой,
Пусть они тебе греют ладони,
Мол, любимый ты наш, дорогой!

Пусть кудахтают, как перепёлки!»
А чего? Золотые слова!
Эх, не зря говорят на посёлке,
Что директор у нас голова!

В общем, он мной возмутился, но ими — не меньше:
 Как это так — бригадира казнить без суда?
 Хочешь родному заводу служить — так не смей же
 Рот разевать без отмашки, иначе беда!

-8-

План такой у директора — (ловко
 Он его разработал в башке) —
 Ход конём, а, точнее, рокировку
 Провернуть на условной доске —

Я с себя полномочья слагаю
 И Надюхе их все отдаю,
 Даже, типа, обижен слегка я
 На суровую долю свою.

И, махнув с Лукичом по стакану,
 В дальний угол, как драный кобель,
 Уползаю зализывать раны
 На больничный, на пару недель.

Так задумано. Так всё и вышло.
 Цель проста — баб проверить, понять,
 Сколько в них помещается смысла,
 Если волю им полную дать.

Я теперь гегемон, пролетарий,
 Я в почёте, в особой цене,
 А чтоб девки в цеху процветали —
 Это к Надьке уже, не ко мне!

Я крановщик, я и стропальщик — редкостный случай,
 Я и электрик, и слесарь — не слабый ресурс.
 Если пылинки с меня не сдувать, то получишь
 В смысле движения к цели сомнительный курс!

-9-

Пусть рожденный для сложных задач я —
Бригадирствовать, лямку тянуть,
Но вообще это должность собачья,
В самый раз от неё отдохнуть.

Бюллетеню, смотрю сериалы —
Я от них, если правду сказать,
Хоть неглупый с рождения малый,
Слабоумием начал страдать.

Отпусков за прошедшие годы
Сорок дней у меня набралось.
На курорт, в Минеральные Воды
Я путёвку купил на «авось»!

Вот сижу на природе в беседке,
В домино с мужиками стучу,
От изжоги глотаю таблетки,
Пивом с воблой похмелье лечу.

А из цеха уже телеграммы
Девки шлют мне: «Кошмар! приезжай!
Скоро сами не знаем, куда мы —
Попадём, но уж точно не в рай!»

Что ж, прилетел. На планёрке печальные песни
Мой персонал, правда, бывший, тревожно поёт:
«Якорь электромагнита имеет, хоть тресни,
Из-за износа накладок повышенный ход!»

-10-

Мы тут полный набор поимели —
Привод тормоза полностью сдох,
И контактор защитной панели
Ненадежен, да попросту плох!

Ходовые колёса буксуют —
 Перекошены оси, ... ц!
 Рельсы чистим — напрасно, впустую,
 Воздух сер и тяжёл, как свинец!»

Я стою такой — в трансе, в бреду ли,
 Не пойму, в чём засада и где,
 Будто сбоку слегка саданули
 Деревяшкой меня по балде!

«Девки, это ж рутина, чего вы?»
 А они мне: «Включайся давай!
 Ты ж такой в производстве толковый,
 Хоть и полный в любви раздолбай!»

Мы тебе и зефиры, и торты,
 Всё дадим, только дело наладь!
 Ты упрямый, настёрный, упёртый —
 В общем, надо бразды принимать!

Кстати, ты как-то каптёрку забыл, и напрасно —
 Мы для тебя создадим, так сказать, статус-кво!
 Можно, и нужно водить нас туда, мы согласны.
 Главное дело, чтоб ты не забыл никого!»

- 11 -

У меня в лабиринте извилин
 Мысли ползают, как муравьи.
 Очень жалко, что я не всеилен,
 Дорогие девчата мои!

Совесьть, стыд по рукам меня вяжут.
 Я на девок гляжу и грущу:
 Не могу я всех сразу уважить,
 Даже если я вас и прощу!

А вот Лёха, знакомый мой грузчик,
Не откажет из вас никому —
Краснощекий такой, здоровущий,
Лучше вам обратиться к нему!

Я ему передам эстафету —
Буря, прорва страстей в нём и сил.
Ведь в каптёрку-то чёртову эту
Не особо я вас и водил!

И теперь у меня нету цели
Быть для вас путеводной звездой,
Я здоровье-то, вон, еле-еле
Излечил минеральной водой!

Девки, прикинув, бесхозность свою осознали:
«Раз не желаешь светить нам, как факел во мгле,
Главный рубильник проверь и другие детали,
Сделай хоть что-то с нагревом катушек реле!

- 12 -

Видишь сам — вроде дело простое,
Только краны-то, суки, стоят,
А у нас по причине простоев
Вся работа не в склад и не в лад.

При тебе-то не так оно было —
Никакой этой всей лабуды,
И деньгу-то уж точно не хило
Нам давали за наши труды.

Мы не просто весёлое время
Проводили совместно с тобой,
А по части надбавок и премий
Ты вступал с бухгалтерией в бой!

Ты на них налетал леопардом
И для нас выгрызал всё, что мог,
Был стратегом, вождём, авангардом,
Нас хранил, защищал и берёг!»

Бабы, стойте, а как же Надюха,
Ей же даден карт-бланш, что она?
«А Надюха твоя — развалюха,
То мигрень у неё, то спина!

Да, позвоночник там, что ли, куда-то сместился,
Хрящ там какой-то сквозь ткани пророс не туда!»
В общем, как будто я с неба на землю спустился —
Всё тут хреново! С Надюхой — и вовсе беда!

- 13 -

Да она вон, сказать для начала,
В бесконечных отгулах своих,
Словно баржа во льду, подзастряла,
Растолстела, пыхтит: пых-пых-пых!

Да, фигуру блюдёт, голодает,
Но имеет один недочёт —
Пирог по ночам поедает,
И опять целый день их печёт.

Так-то баба она молодая —
Губы красит, стоит у окна:
«Кто такая свирель, я не знаю,
Но хочу, чтоб звенела она!

Чтобы нежно так всё, романтично
Было в жизни моей, как во сне,
Чтобы рыцарь ко мне симпатичный
Заявился на белом коне!»

Так ведь был же я им, симпатичным
Ухажёром таким, был к ней вхож,
А очнулся потом на больничном —
Всем известно, что баб не поймёшь!

... Ладно, ребята, конечно, я дело наладил,
Всё же я с девками общей единой судьбой
Накрепко связан, но, зорко и пристально глядя
Сверху на всё, я не слишком доволен собой!

- 14 -

Не сказать, чтоб включал дурака я,
Дурь в меня проникала сама.
А какая мораль? А такая,
Что нельзя выживать из ума!

Надо старших внимательно слушать,
Да того же хотя б Лукича,
Чтоб по рылу за милую душу
Не долбали тебя сгоряча.

Да и девки должны суть урока
Всю понять до конца, осознав,
Что нельзя с человеком жестоко
Обращаться, когда он не прав.

Чтобы нам удержаться на грани,
За которой и нет ничего,
Наш директор психолога нанял —
И диплом, и очки у него.

Он с девчатами начал балакать
Тет-а-тет, типа тренинг такой,
Чтоб печалиться меньше и плакать,
Чтоб пахать им всегда день-деньской!

Он пришёл к Лукичу за советом,
Он в специфику вник наших дел —
Дипломат весь такой, и при этом
От каптёрки ключи заимел.

Вот меня вызвал директор, по двести на брата
Лично разлил — у меня на глазах, наяву:
«Нету конфликта. Исчерпан. По коньям, ребята!
Кто не желает работать — башку оторву!

- 15 -

Если кто-то кому-то по харе
Надавал, показал своё «я»,
Это значит, вы мало пахали.
Догрузить вас — задача моя!

Кстати, грузчик твой парень не промах,
Он к девчатам нашёл свой подход —
Стороной от каптёрки до дома
Втихаря их в обнимку ведёт.

Как-то всё там кончается миром
Без особых трагедий и драм.
Я назначу его бригадиром
И тебе повышение дам!

Чтоб на каждом рабочем этапе
Ты бы в каждое пекло совал
Длинный, чуткий свой нос, чтоб не запил,
Производственный план не сорвал!»

«Дорогой мой, любимый директор —
Я спокойно ему, без понтов, —
Хошь в какой я сегмент или сектор
С головой окунуться готов!»

Окунулся. Зрачками вращаю:
Ишь ты, как обернулось оно,
По любимой бригаде скучаю,
Всё там сложно у них и чудно —

Всё как-то более стало серьёзно, сурово,
Даже, вон, Бог, я смотрю, кой-кого наказал —
Танька редуктор сожгла, а Надюху Смирнову
Узами брака придурок какой-то связал.

- 16 -

Все живые — и то хорошо хоть,
А урок тут простой, вот он весь:
Прежде, чем бригадира мудохать,
Ты все плюсы и минусы взвесь!

Как-то очень уж мы озверели.
Я вам, девки, скажу без прикрас:
Никакой такой нежной свирели
Не звучит в организме у нас!

Злость застряла в душе, как заноза,
Вот и не хрена лясы точить,
Надо выйти сперва из невроза,
Чтобы после счастливыми быть,

Чтобы люди спокойно и чинно
О добре рассуждали и зле,
Чтоб никто никого беспричинно
Не мудохал на русской земле,

Чтоб ослепшим от блеска регалий
Представителям вражеских стран
Вместо всяких мудацких баталий
Выполнять производственный план!

Чтобы последняя пуля вдали просвистела,
Чтобы у каждого внутренний голос в груди
Мирно звучал, чтоб душа трепетала и пела.
Эй, человечество! Если не знаешь, что делать,
Разоружайся и к нам на работу иди!

... Может, дошёл ты уже до предела, до точки,
Может, и нету уже ни хрена впереди.
Эй, человек! не сиди, как мудака, в уголочке,
Если не знаешь, что делать, работать иди!

2017

ПРОЩАНИЕ

Родная окраина, Богом забытый угол,
Костёр за рекой, по-над берегом синий дым.
Мы снова с отцом в тишине друг напротив друга,
Мы в летнем кафе под высокой сосной сидим.

Он за час на ветру продрог.
Нам у стойки рисуют счёт.
«Не спеши, — он сказал, — сынок,
Подожди, посидим ещё».

Это кстати как раз. Всё злей
Мой по жизни безумный бег.
... Он уйдет через восемь дней
Навсегда, насовсем, навек.

Вечерний сквозняк лупит влёт по сосновым шишкам.
«За мать, наливай, — мне, как водится, подан знак, —
Эх, жили же мы! Может, строгими были слишком,
Какие уж есть. Ты прости, если что не так».

Ну, чего ты опять, отец?
Вы сто лет за меня горой,
Да от ваших родных сердец
Стук стоит, барабанный бой!

И под эту лихую дробь
Мне — хоть в гору, хоть вглубь, на дно.
От крутых и опасных троп
Лишь веселье во мне одно!

Стемнело. Стихи бормочу, у меня их прорва.
Фонарь почему-то вдали на углу погас.
«Ну, ты и даёшь! Эх, сынок, вот бы было здорово,
Чтоб ты сочинил что-нибудь про своих, про нас!

Чтобы всех этот мир узнал —
Мать, соседей, родню, друзей!»
... Он мне руку тихонько сжал.
Он уйдет через восемь дней.

А пока о житье былом
Он ведёт не спеша рассказ.
Мы за круглым сидим столом.
Если б знать, что в последний раз...

... Матёрый, здоровый волчище я — битый, тёртый,
В делах день и ночь от сосны той верчусь вдали.
Я денег занёс, чтоб её не спилили к чёрту.
Спилили. А после ещё и кафе снесли.

Что стесняться? Скажу, как есть:
Бог мне в пальцы перо вложил,
Чтоб тащил до конца свой крест,
Чтоб писал, не жалея сил.

Время тает, как снег. Спешу.
И про всех, кто меня любил,
Кто был рядом со мной, пишу —
День и ночь, не жалея сил...

2016

* * *

Он вошёл — живот вперёд,
Пол-купе собою занял,
Смотрит мутными глазами
И её не узнаёт.

Вот он принял стопаря,
Закусил солёным груздем,
Покосился взглядом грустным
На листок календаря.

Он журнал большой достал,
Чью-то речь взахлёб читает,
Авторучкой отмечает
Интересные места.

Поезд мчится под уклон,
Дребезжат полы и двери,
А она глазам не верит:
«Неужели это он?»

Было время, он у ней
Под окном свистел в три пальца,
Ждал, дрожал, в дожде купался,
Под балконами мотался,
Не считал ночей и дней.

До рассвета, до зари,
На ветру качаясь в вальсе,
В мокром мартовском асфальте
Отражались фонари.

Он у каждого угла
Ей читал свои сонеты,
Звал с собою на край света —
Не решилась, не пошла, —

В ночь по чёрному двору
Упорхнула, улетела,
Ей маманя не велела
Целоваться на ветру!

Он исчез. Судьба сама
Повернулась, как монета, —
Сгинул к чёрту — ни ответа,
Ни привета, ни письма.

Вот он сбегал на перрон,
Колбасы купил и пива,
Мордой к двери лёг лениво,
Неужели это он?

Распустил во сне губу
И подушку носом роет,
И начальство матом кроет,
И супругу, и судьбу.

Вот ревут на весь вагон
Ревизоры, словно звери,
А она глазам не верит:
«Неужели это он?»

Был у девок нарасхват,
Как весной морковь на рынке,
Был красавчик, как с картинки —
Заграничные ботинки,
Галстук, трость, туманный взгляд.

Он теперь, как гриб, растёт, —
Важный чин в большой конторе,
Едет в Сочи, в санаторий,
В ус не дует, пиво пьёт.

Всё растаяло, как сон,
Унеслось, ушло, уплыло,
Неужели это было,
Неужели это он,

Кто с ней шуточки шутил,
На руках ходил по крышам,
Грозных окриков не слышал,
Сонных дворников дразнил? —

Молод, весел, и силён,
И Фортуна с ним дружила,
Неужели это было,
Неужели это он?

1984

* * *

А в облако месяц вонзился, как бивень моржовый.
Туманом завод, как морскою пучиной, накрыт.
Мечта металлурга, красавица Нинка Чижова
Идёт после смены домой и на нас не глядит.

Мы, ясный пень, подшофе, но не в усмерть, не в ноль,
«Нинка, чего кочевряжишься, — вслед ей кричим, —
Девоч — до чёрта, но ты — наша страсть, наша боль!»
Мы ей стихи по ночам на асфальте строчим!

Она на ходу каблуками колотит чечётку
И машет: спешу, мол, и мне не до вас, без обид,
Покуда вы всё, что горит, заливаете в глотку
И тащите прочь со складов всё, что плохо лежит!

Нам тётя Мотя, завхоз, обозначила суть:
«Братцы, вам всё по плечу, я скажу без прикрас —
Альпы, Памир и Кавказ, Гималаи свернуть,
Главное дело, чтоб девки смотрели на вас!»

Быть бы чуток потрезвей нам, а мы не смогли,
Типа, и ладно, что Нинка на нас не глядит,
Сами с усами! И пусть она где-то вдали
С гадом каким-то культурным на лавке сидит!

Уволилась Нинка, и жизнь кувырком покатилась,
Вагоны буксуют, чугун замерзает в печах,
Стоят шлаковозы, и коксоподача накрылась,
И чьи-то, вон, тени, как крысы, шныряют в цехах!

Нету людей. Холод, ветер, и ночь всё темней,
Возле забора фонарь побледнел и погас...
Сторож, забытый на вахте, бормочет во сне:
«Всем нам хана, если девки не смотрят на нас!»

2009

ТАК Я СТАЛ ПОЭТОМ

Вон окошко светится в сталинской высотке,
Академик живописи здесь когда-то жил.
Я ещё, бывало, с ним принимал по сотке,
Так как с его дочкою, с Валькой я дружил.

Валька открывала мне, стройная такая,
Лёгкая, воздушная: «Я тебя ждала!»
И, очами чёрными на меня сверкая,
В комнату за шиворот сразу волокла!

Страсть меня, как молния,
Наповал разила!
Полная гармония —
Вот что с нами было!

Нас как будто ласковый
Ветер тихий, нежный
Каждый раз утаскивал
В океан безбрежный.

Валька на художницу в ВУЗе обучалась,
А меня с рук на руки ей передала
Томка из «Плехановки», что со мной встречалась,
Прежде, чем в Америку с мужем удрала.

Валька небылицами знай папашу грузит,
Что мы однокурсники, что уж третий год
Мы там всё штудлируем, в этом самом ВУЗе,
Что она давно меня в женихи зовёт.

К ним без этой сказки я
Даже и не вхожий,
В эти кущи райские,
Где мороз по коже

От фуршетов-раутов,
Где сижу, пирую, —
Где, как мяч из аута,
Вброшенный в игру я!

Я спокойный, тихий был, матом не ругался,
Валькин папа сразу же это оценил.
Он моими планами интересовался
И уже нас мысленно с Валькой поженил.

«Парень, береги её, чтоб она ни шага
Без тебя не делала!» Он и знать не знал,
Что на самом деле я — грузчик, работяга,
Временный, чего уж там, Валькин идеал.

В институте, в юности
Я скулил от скуки —
Пару лет по дурости
Грыз гранит науки.

... Всё прошло, и вскорости
Плотную, густую
Без зазренья совести
Папе гнал пургу я.

Мне вообще-то жаль его было, горемыку,
Он конкретно впахивал, стойкий был солдат —
Рисовал без продыха Брежнева, Громыку,
Суслова, Косыгина — всех, кого велят.

Но притом, смотри-ко-ся! — был фанатом Пресли,
Коньяки французские за свободу пил,
Как-то в кабинете он, сидя в мягком кресле,
Винную коллекцию для меня открыл.

Там богема всякая
В холле тусовалась,
Стаканáми звякая,
К папе не совалась.

Он со мной беседовал
По своей программе:
«Шевели, — советовал, —
Головой, мозгами!

Вот я на покой уйду — не сейчас, не сразу, —
После свадьбы Валькиной, надо ж погулять,
А тебе, как зятю, я все свои заказы
Дело жизни думаю в руки передать!»

Он допил «Бургундское», закусил бананом:
«Ну чего, к гостям пойдём, хватит уж скучать,
Ознакомим публику с перспективным планом,
Кто кого тут вскорости будет замещать!»

Я уже, как лодка, плыл,
По волнам, по морю,
Я с богемой водку пил
И о вечном спорил.

И в пылу полемики
На восьмой рюмашке
Я у академика
Попросил отмашки.

Мол, чего растрачивать время вхолостую?
Все, вон, тут великие, каждый — царь и бог;
Можно, я чего-нибудь тоже нарисую?
Надо ж как-то с обществом строить диалог!

Он кивнул, и сразу же, будто ждал, поди ты! —
Брат его двоюродный дал мне чистый лист —
Тоже живописец он, битый-перебитый,
Отовсюду изгнанный абстракционист.

За окошком на реку
Снег летел пушистый.
Я налил стопарика
Абстракционисту:

«Грош цена эстетике
Самой разной масти,
Если в ней конкретики,
Силы нету, страсти!»

Звёзды в небе мутные тлели, как окурки,
И уже сама моя вывела рука,
Как Чапай на лошади едет в чёрной бурке
И рубает шашкою банду Колчака.

Или, там, Деникина, не один ли хрен-то?
Млечный путь ещё я там вставил в свой сюжет —
Он оплёл галактику пулемётной лентой,
Мол, у революции и конца-то нет!

Он там вроде хобота
Из-за леса вылез, —
Гости все от хохота
На пол завалились.

Даже диктор в телеке,
Мне казалось спяну,
Рухнет от истерики
Прямо к нам с экрана.

Кто-то, лёжа, пятками в стену барабанил,
У папаша в горле, вон, рёв какой-то, свист,
И в углу стремительно под шумок дербанил
Винную коллекцию абстракционист.

Валька мне из комнаты знаки подавала:
«Ну чего, хорош уже, подходи давай!»
Сколько ни ласкай её, всё ей будет мало,
У неё энергия хлещет через край!

Я от той энергии,
Будто в жар и пламя,
Падал, брошки-серьги ей
Покупал с камнями.

И, сгорая заживо,
Я, слегка поддатый,
На неё просаживал
Сразу пол-зарплаты.

Это так, отвлёкся я, ну, а тут — о, чудо! —
Валькин папа водки мне полный ковш налил
И сказал: «Неважно мне, кто ты и откуда,
Важно, чтоб скорее ты навсегда свалил!»

В общем, в шею выперли на мороз, на холод,
По каким-то лужам я шёл не глядя, вброд,
Но в душе для радости был хороший повод —
То, что на дорогу мне дали бутерброд.

Нет, ни в коем разе я не теряю веры
В то, что я художником тоже быть могу,
Что своеобразие творческой манеры,
Острый угол зрения есть в моём мозгу.

Абстракционисту лишь
Этот угол важен:
Ты ещё, мол, «выстрелишь»,
Мы им всем покажем!

Ну их, этих дуриков!
Может, не Гоген ты,
Но уже не Суриков!
Так держать, студенты!

А потом в бригаде мне парни подсказали:
«Ты попробуй всё это в книжке описать,
Прозой ли, стихами ли, чтобы люди знали,
Как у нас с талантами могут поступать!»

А чего, попробую, всё же до чертá я
Накопил умища-то, а уж сколько сил,
Как вулкан, бурлит во мне! Вот и пусть читают
Бабы, Валька с Томкою, как я их любил!

(Я сюжет не комкаю.
Всё познал сполна я,
Но в сравненьи с Томкою
Валька — основная).

В жизни место подвигу
Сам найдёшь везде ты,
Но она мне по фигу,
Если баб в ней нету.

В общем, как-то всё оно лихо завертелось.
Спорт — моё призвание. А поэтом быть
Я и не рассчитывал, просто мне хотелось
Чем-то неожиданным Вальку удивить.

И теперь я с рифмами лихо упражняюсь,
У моей фантазии тот ещё полёт,
Даже не сказать, что я сильно напрягаюсь,
Как-то всё само оно у меня идёт.

По стране стихи мои скачут, словно кони!
Я тогда на холоде, на ветру озяб,
У высотки сталинской, но в итоге понял:
Всё, что люди делают, это ради баб!

Пусть из рук всё валится,
А вот ты поди-ка —
Чем зазря печалиться,
Бабу заведи-ка!

Вот я и не вякаю!
Я зимой и летом
Был на связи с Валькою,
Вот и стал поэтом!

2017

* * *

Он огонь умел глотать, он об стёкла спички чиркал,
Помнишь, как вы с ним гуляли в Ботаническом саду?
Он тогда был молодой, он хотел работать в цирке,
Он тянул ладони к небу, для тебя ловил звезду.

И пока ты под луной банку с пивом открывала
И под боком его жарким грелась, словно у костра,
Он шнурки тебе связал, чтобы ты не убежала,
И с тобою на скамейке целовался до утра.

Солнце встало, и привет, ты ушла искать другого,
Чтоб серьёзный был, при деле, чтоб не связывал шнурки,
Чтоб машину «Кадилак» по Бродвею вел сурово
И держал на антресолях денег полные мешки.

Ох, вела тебя судьба по колдобинам, по кочкам,
Ох, валила тебя наземь, бесновалась, как в бреду.
Ты бы склеила тот день по осколкам, по кусочкам,
Как вы вместе с ним гуляли в Ботаническом саду!

Ты красивую была, адской страсти жаркий пламень
По тебе сто раз прошёлся, прогулялся, словно нож.
И остался узелок на шнурке тебе на память,
Ты над этим узелочком в уголочке слёзы льёшь.

Вот опять ты и опять, просыпаясь среди ночи,
Сад, скамейку вспоминаешь. Белый свет тебе не мил.
И в подушку, в простыню до утра впотьмах бормочешь:
«Ох, зачем ты меня, дуру, развязал и отпустил?»

1995

* * *

Били в рельсу, вставал затемно, пониманье имел смолоду,
Лес валил, в штабеля складывал, об колено судьбой гнут,
Рвался, прыгал — дурной, дёрганый — расплеваться с зимой, с холодом,
И, по мертвой земле плёная, в дом войти, где тебя ждут.

Воля вольная, жизнь жалкая — подворотня, сквозняк, сумерки,
Снег в лицо, и пойти не к кому — этот съехал, а тот — сел.
Вдоль домов, возле стен граждане ходят смиренные, как суслики,
И всплеснул старый клён ветками, удивляясь, что я цел.

Ветер тащит меня за угол, где потёмки — хоть глаз выколи,
Шарит, сволочь, по мне лапами, воеет, рвёт на груди крест,
Мол, тебя здесь вообще не было, и тебя мы в гробу видели,
Не в гробу, так в петле — прочь иди, зал заполнен, и нет мест.

Прочь иду — прямо в даль светлую, где уроды снуют толпами.
Пусть верёвки, шнурки с нитками из меня впопыхах вьют,
Пусть душа на ветру скорчилась, только б знать, где свои, только бы
Свет в окне увидав издали, в дом войти, где тебя ждут...

1984

* * *

Меня советский строй, как молот стопудовый,
Утюжил, прессовал — хитёр, жесток, лукав,
А я крутил любовь с Лариской Комаровой —
Брюнеткой пышных форм, шалавой из шалав.

Я лирик. Это факт. Я пел стрезва и спьяну,
Мол, солнце ты моё, звенящая заря!
И подвиг трудовой мне был по барабану,
А светлый путь страны — вообще до фонаря.

В ударники труда я не прошёл по списку,
Точнее, всё проспал — я рано поутру
Лариске доставал из фантика ириску —
С похмелья, под сосной, в Серебряном Бору.

Стихи про мавзолей, про Ленинские Горки
У сверстников моих крутились в голове,
А я привержен был к портвейну «три семёрки»,
«Алжирское» лакал за рубль двадцать две!

Я в тему не вошёл, в чем фишка Первомая,
И что там учудил диктатор Пиночет.
С Лариской под луной в беседке выпивая,
Я так и не узнал, за нас он или нет.

Какие кренделя, какие я коленца
Выдeldывал тогда, я даже не пришёл
На общий сбор — клеймить врага и отщепенца, —
Того, в больших очках, что бомбу изобрёл.

Они там с бодуна жужжали, словно мухи,
Родной рабочий класс с трибуны горло драл,
А я в тот самый час за столиком в пивнухе
Амура со стрелой Лариске рисовал.

Я слушать не хотел комсорга-балабола —
Кто любит, тот уже не полный идиот!
Я Пушкина читать пытался для прикола,
Не ясно ни черта, но за душу берёт!

Да-да, иных уж нет. Санёк, дружище, где ты?
Ты кто? Ты наше всё! Теперь иной расклад —
Властители умов — советские поэты —
За бабки по щелчку с восторгом шестерят!

Ну ладно, пошумят, и всё, и в Лету канут,
А я, хоть не Шекспир, но тоже рифмовал —
Для храбрости махнув с соседом по стакану,
Лариске день и ночь сонеты вслух читал!

Она простила мне отдельные изъяны,
Мол, вижу, вот те крест, души твоей разбег,
Не все вокруг меня козлы и обезьяны,
Я знаю: есть один нормальный человек!

Её комсорг увел. Ей век не видеть воли!
А мне в строю стоять — ей-Богу, западло!
Я выпил. Я люблю. Друзья, чего же боле?
И соловьи поют, и на душе светло!

1999

* * *

Люди едут в далёкие дали,
Поезд птицей летит на восток,
Конвоир у окошка печален,
Сероглазый простой паренёк.

И вокруг ледяная равнина,
И луна холодна, высока,
Хоть с верёвкой лезь на осину,
Вот такая на сердце тоска!

Девки машут с перрона руками:
«Эй, давай, на ходу соскочи,
Мы накормим тебя пирогами,
Спать положим на тёплой печи!»

Чаю выпьем с малиной из блюдца,
Пусть шумит в чистом поле камыш,
Пусть они все к чертям разбегутся,
Те, кого ты с ружьём сторожишь!»

Он бросает монетку на счастье:
«Эх, остаться б, да путь мой далёк,
Надо мчаться, и мчаться, и мчаться
На восток, на восток, на восток!»

Рыжий чуб — как костёр из-под шапки,
Девки машут, глядят на него:
«Эх, не будет ни мамки, ни папки,
Ни тебя и ни нас, никого,

Ни рассвета, ни звонкого смеха,
Только туча — как чёрный сапог,
Если ты, как дурак, будешь ехать
На восток, на восток, на восток!»

Вот и скрылось за ёлками солнце,
И рычит паровоз, как бульдог,
И несётся, несётся, несётся
На восток, на восток, на восток...

1985

* * *

Мне любые дела по плечу.
Мне великая сила дана:
Стопку принял — и к девкам на крыльях лечу,
А иначе мне крышка, хана!
Я с восьмого стакана впадаю в экстаз,
Мне любви подавай — много, здесь и сейчас!
Я к Тamarке пришёл с бодуна.

Я с ума её родичей свёл.
Я по отчеству их величал.
А с утра, что и как я по пьянке наплёл,
Ни концов не найти, ни начал.
И брательник, и батя её, и племяш
Мне кричат: «Молодец, что проспался! Ты наш!
Вот и делай, чего обещал!»

Это финиш, ребята, конец.
Я своё огребаю сполна.
И уже, вон, снимает фотограф-подлец,
Как я в ЗАГСе стою с бодуна.
Мне на свадьбе селёдку суют прямо в пасть,
Не дают мне ни в спячку, ни в обморок впасть,
Бьют по рёбрам: «Держись, старина!»

Вот и новая жизнь, новый дом.
Мне положено нынче и впредь
Сериалы за круглым семейным столом
Про влюблённых дебилов смотреть.
Старый бравый полкан, отставник в галифе —
Тесть в районе торшера сидит подшофе,
Что-то хочет душевное спеть.

Дождь осенний прошёл стороной.
У Тamarки на сердце весна.
Теща с битой бейсбольной стоит надо мной:
Мол, хлебай своё счастье до дна!
Я в него улетел, как бульдозер в кювет.
Нет, ребята, не надо — таков мой совет
В гости к бабам ходить с бодуна...

2001

* * *

Он тащится чуть не волоком
К тебе под конец гульбы.
Звонок по мозгам — как колокол,
Как звук боевой трубы.

За окнами — тьма бездонная,
Дома и деревья спят.
И ты открываешь, сонная,
Уже десять лет подряд.

С наломанной наспех вербою
Он на пол желает сесть.
Ещё не допили первую,
А он начинает лезть.

А он: «Да я на минуту лишь».
Ты шепчешь: «Постой чуть-чуть»,
И плечи во что-то кутаешь,
И ставишь на стол свечу.

Он режет лимон по-скорому,
Шампанское в рюмки льёт,
Цветы отвернулись в сторону,
И дождь по стеклу скребёт,

Мол, пусть он закусит влѣгкую,
Хлеб-соль завернѣт в кашне
И катится в даль далѣкую
К любимой своей жене.

Глазами глядишь печальными,
Прогнать его нету сил.
Ты помнишь, как он под пальмами
Тебя на руках носил,

Как вы у причала падали
На мокрый песок плашмя,
И волны по гривам гладили.
И вечность уже прошла...

Он утром, как горький пьяница,
Лицо кулаками трёт.
Впотьмах к телефону тянется,
Кому-то чего-то врёт.

Ему хоть бы хны, похмельному.
Ты к стенке отводишь взгляд.
И кофе несешь в постель ему
Уже десять лет подряд...

1997

* * *

Я очень люблю роман в стихах «Евгений Онегин» А. Пушкина. По ходу жизни я много раз к нему возвращался — перечитывал, думал о его героях, о том времени и т.д. Девяностые годы двадцатого века подарили много сюжетов любому пишущему человеку, мне в том числе. Некоторые события из жизни моих знакомых удивительным образом напомнили мне «Евгения Онегина» — на то она, считаю, и классика, чтобы время от времени становиться предельно актуальной. Меня не очень устраивают расклады, когда некоторые мои земляки (Онегин и Ленский, например) начинают ни с того ни с сего впадать в неправильное, на мой взгляд, состояние — см. финал пушкинского романа. Я написал произведение с более оптимистической концовкой. Совпадения имён моих героев с именами пушкинских персонажей носят довольно случайный характер.

Жанр моего произведения я определил как «песнь». Песней это не назовешь — не бывает таких длинных песен. Стихотворением тоже не назовешь. Мне и слово «поэма» не нравится в данном случае, а песнь — это когда хоть пой, хоть рассказывай столько времени, сколько хочешь, и ничего, нормально.

ПЕСНЬ О ЛЮБВИ И ТРУДЕ

- 1 -

Ну, что тебе сказать, мой друг читатель? —
Что полон я по-прежнему огня
И что ещё не создан выключатель,
Который может выключить меня.

Во сне, и на ходу, и днём, и ночью
Я сочиняю песни о любви, —
Как будто вечный двигатель — точь-в-точь я, —
Попробуй ты меня останови!

Никто и не пытается, чего там?
Такое нынче времечко пришло, —
Стихи читать — как бегать по болотам —
Тоскливо людям, трудно, тяжело.

При численном глобальном перевесе
Тех, кто и букв не в силах распознать,
Народу я едва ли интересен —
На кой им хрен поэзию читать?

Обычно на всю голову контужен
Народ, который знает, что к чему,
И на простой вопрос: «Кому ты нужен?»
Я сам же и отвечу: «Никому» —

На первый взгляд, конечно. На второй же
Картина будет несколько другой,
Об этом речь пойдёт немного позже.
Ты потерпи, читатель дорогой.

Мне прошлая пора в который раз идёт на ум —
Эх, годы шли, катились — так и сяк, шурум-бурум, —
Пешочком ли, под горку кувырком ли.
Я песнь про эту пору сочинил, нашёл слова.
Друзья! Я расскажу вам всё, как было, но сперва
Со списком персонажей ознакомлю.

Женька — старый приятель мой, — нет, не Онегин,
Что у Пушкина в книжке, но жизнь говорит:
Если с бегом сравнить её, он в этом беге,
Хоть хромой, хоть какой, но всегда фаворит.

Вовка — тоже герой мой. Как в море подлодка,
Он таинственный весь — с целью девок завлечь! —
Ну, а так — наш обычный советский Володька,
Правда, тоже, как Ленский, с кудрями до плеч.

Кто ещё? Две блондинки — Танюха и Олька,
Здесь покажут они, что такое любить,
Ими будет такая исполнена полька,
Что кому, как не им, героинями быть?

Ну, и Пушкин. Кому это имя знакомо,
Тот со мной согласится — куда без него?
Кто он есть? Наше всё! Значит, он по-любому
Был и будет всегда элементом всего.

- 2 -

Короче, тут история такая:
Мы в ВУЗе были верные друзья,
На лекциях всегда сидели с края —
Танюха, Женька, Ольга, Вовка, я.

Ещё там были Славка и Валерка,
И рыжая, забыл уже, как звать, —
Тамарка? Нет, не факт, скорее, Верка,
И балаболка Нинка — ей под стать.

Учились мы, конечно, не особо,
Зато была гулянка — высший класс!
Какая, братцы, к чёрту, там, учёба,
Когда весна с ума сводила нас!

Да и зима, и лето — всё сводило!
Любимый ВУЗ устал от нас рыдать,
Нас карусель такая закрутила,
Что и словами тут не передать.

Я до сих пор, едва бокал наполню,
Давай орать: «Прекрасен наш союз!»,
При этом, если честно, слабо помню,
Как назывался этот самый ВУЗ.

Застой страны кому-то был противен,
А мы в упор не видели его,
И то, что Пентагон был агрессивен,
Из нас не колыхало никого.

Я помню: скверик, ливень — отморозок, буйный псих,
И мы под ним танцуем. В деканате нас таких
Терпели долго — полтора семестра.
Я был отчислен первым — заводила, дирижёр, —
В то время Веркин, Нинкин, да и Олькин ухажёр, —
Пошёл-ка ты отседова, маэстро!

Я пошёл, только мы всё равно тусовались,
Жизнь кипела всюю, вермут лился рекой!
Помню, синие звёзды в реке отражались,
Это в парке пикник у нас вышел такой.

Женька в воду холодную шлёпнулся брюхом,
Типа, как бы, он вот он — смельчак, не слабак.
И хромого зайчонка с надкушенным ухом
Он в тот вечер отбил от бродячих собак.

Танька в оба глядела: «С такими-то знаться
Я не против как раз», — и на тесную связь —
Курс на Женьку взяла, и дрожащего зайца
Забрала и выхаживать дома взялась.

Всех она прогнала ухажёров залётных,
Только Женька для зайца морковь покупал, —
Под эгидой прокорма домашних животных
Он Танюху теперь каждый день навещал.

- 3 -

А мы постичь нюансы не пытались,
Кому из нас кто голову кружил.
Мы с Нинкой окончательно расстались,
А Вовка глаз на Ольгу положил.

Родной Совок скрипел, как старый тополь,
Народ — не то, чтоб трезвый, как стекло,
Но всё же к коммунизму бодро топал,
У Вовки с Ольгой тоже дело шло.

Конечно, мы до чёртиков допились,
В ментовке даже встретили рассвет,
Когда они в итоге поженились.
Нам было всем тогда по двадцать лет.

Мы не считали пьянку верхней планкой, —
У касс всю ночь стояли до утра,
Билеты добывая на «Таганку»,
На слёгах песни пели у костра.

Я, что-то спутав, сам орал, поддатый,
Каким-то силам вражеским грозя:
«Пока она, мол, вертится, земля-то,
Возьмёмся, типа, за руки, друзья!»

Ну что тут скажешь? Жизнь была прекрасна!
Пожалуй, я тогда поэтом стал,
И не сказать, чтоб так уж ежечасно,
Но ежедневно Пушкина читал —

Не то, чтоб я учился — я и сам мог всех учить —
Так думал я в то время — как стихи писать, как жить,
И к Женьке с Танькой в гости заявлялся,
Я Пушкина читал им, да и раннего себя,
Молчать в тени титанов, тихо в тряпочку сопя,
Я, Бог меня простит, не собирался.

Не сказать, чтобы так уж ко всем недотрогам
Женька ключ мог найти, а к Танюхе сумел.
А ещё они зайца прозвали Ван-Гогом —
Был такой, тоже с ухом проблемы имел.

Что за ключ? Так себе. Раз в неделю за плечи
Таньку мог приобнять он, и всё, и сиди!
«Я культурная, Жень, сделай шаг мне навстречу,
По музеям сначала меня поводи!

Я, вообще-то, из тех, кто Бетховена, Брамса
Может слушать часами в течение дня.
Я тебе, так и быть, в полном смысле отдамся,
Если внутренний мир твой устроит меня!»

Он её вывозил на природу родную.
«Храмы, Русь, красотища, гляди, нету слов!» —
Он шептал ей, и в книжку свою записную
Заносил с умным видом размер куполов.

-4-

Он даже глубже удочку забросил,
Он пригласил Танюху под Рязань
На фестиваль фольклора и ремёсел,
В какую-то лесную глухомань.

Там местные умельцы из соломы
Связали Таньке зайца на заказ,
Чтоб веселей жилось тому, другому,
Которого когда-то Женька спас.

Она там от упадка излечилась,
Превозмогла в душе тоску и дрожь,
Плясать под балалайку научилась
Хоть «Барыню», хоть всё, чего ты хошь!

Профессорша в притопах и прихлопах,
Она потом впадала в буйный гнев:
«Они там бездуховные в Европах! —
Кричала нам, от водки одурев, —

Деньгу-то загребает, так уж вышло,
Любой поющий в телеке герой,
Но нету ни мелодии, ни смысла
В культуре ихней западной гнилой!»

Она вокруг осматривалась зорко:
Тут до хрена просторов-то родных!
Не надо нам Парижев и Нью-Йорков
И Лондонов не надо никаких!

И, как цветок на стебле, у Танюхи голова
Тряслась. Женёк поддакивал: «Танюха, ты права,
Высокий слог и стиль не по плечу им!
У них культур-мультир — сплошной осадок и отстой,
У нас же всё великое — и Пушкин, и Толстой!
Танюх, ну что мы врозь-то всё ночуем?!»

И Танюха сдалась. Свадьбу скромно сыграли.
Так же скромно прожили потом десять лет
В коммуналке с клопами — ну, хоть не в подвале.
Вроде всё ничего. Жаль, детей только нет.

И ба-бах! — вот они, девяностые годы!
 Женька сразу смекнул: это время — его!
 Он напрасно не стал ждать у моря погоды,
 Женька сам себе клич сочинил боевой:

Ать-два-три! Шагом марш! Не бояться! Не падать!
 Он терзал всех подряд: «Я вам твёрдо скажу:
 То, что я предназначен для первого ряда,
 Для великих побед — это ясно ежу!»

Надо честно признать: основания были
 У него, как казалось нам, гнать лабуду:
 Он сумел — результаты потом подтвердили
 Закрепиться всерьёз в этом первом ряду!

Он скупал по заводам цветные металлы,
 А потом продавал. У него сверхчутьё,
 Нюх на жизнь. Он сидел, водку пил, резал сало:
 «Крупный опг — вот призвание в жизни моё!»

- 5 -

У Женьки был родной любимый дядя,
 Он гнал на экспорт, смелый весь такой,
 На мелочёвку разную не глядя,
 Ресурсы, что хранятся под землёй.

Приверженец довольно честных правил,
 Он, прежде чем покинуть этот мир,
 Племянника в такую схему вставил,
 Что Женька стал транжирой из транжир.

Насчёт «покинул мир» всё было просто —
 Был взорван за рулём в единый миг,
 А так прожил бы лет до девяноста —
 Хоть пожилой, но крепкий был мужик.

Транжирил Женька так, что по приколу
В Париж на сутки, просто почудить,
Тайком от Таньки, бодрый и весёлый,
Красавиц штук пятнадцать мог свозить.

Танюха, выпив, шлёпала губами:
«Ну это же вот прямо в аккурат,
Что где-то механизмы с рычагами
Какие-то там скважины бурят!

И мне с любимым мужем ой, не мало
Идёт, идёт копеечка-то в плюс,
Я эту нефть ни разу не видала,
А уж который год с неё кормлюсь!»

Но вот меж позвонков какой-то странный сквознячок
Пошёл гулять у Женьки, что-то горек коньячок,
И кислват лимон, и для начала
Какие-то звонки не очень ясные пошли,
И вот уже три офиса синхронно подожгли
Ему, чтобы охрана не скучала.

Словно град, и наезды пошли, и проверки.
Как-то, глядя в окно в поднебесную высь,
Он сигнал получил от ментов, от Валерки,
С кем он в ВУЗе учился: «Женёк, берегись!

Ты в открытом бою обречён, если кратко.
Закошмарят тебя, будешь гол, как сокол». .
Я на кухне сидел, как всегда, над тетрадкой,
Когда Женька ко мне за советом пришёл.

Он сказал: «Вот и время разбрасывать камни,
Золотишко, валюту — запасец-то есть —
По ячейкам по банковским. Слушай, куда мне,
Где, в какую берлогу поглубже залезть?»

Мол, хочу, где тепло, где свистит свежий ветер,
Где прозрачная синяя в море вода.
Может, в Штаты рвануть?» «Может быть — я ответил, —
На галеры, на каторгу — это туда».

- 6 -

Мне письма слали русские ребята
Из Калифорний разных, Аризон:
«Как хорошо, что мы давно когда-то
Решили заглянуть за горизонт!

Мы чётко и конкретно полагали,
Что есть такие райские места —
С бесплатными почти что пирогами,
И что американская мечта —

Она не призрак где-то там в тумане,
Не белый парус в море голубом —
Сомнительный, приснившийся по пьяни, —
Что есть она! И сразу же — облом.

У нас резон-то был хорош ли, плох ли,
Он и сейчас ещё немного есть:
То, что у нас в ГУЛАГах деды дохли —
На новом месте в плюс нельзя зачесть?

Ну, как бы бонус в виде благородства
Нам дать. И тут же дали — от души —
Орудия и средства производства,
И то в аренду: действуй, сей, паши!

Мы не поём, как раньше, и не пляшем,
Когда хотим. А, чуть пришёл рассвет,
Встаём и пашем, пашем, пашем, пашем,
А рая-то всё нет, и нет, и нет!»

Короче, как там в Штатах в смысле рая и вообще,
Я от ребят узнал — структуру жизни, суть вещей, —
Примерно разобрался в этой кухне, —
И что под райским солнцем там не так уж много мест,
А кто пахать не хочет день и ночь — тот мало ест,
Но как-то всё же с голоду не пухнет.

В общем, жёстко там всё. Для меня это благо.
Если жизнь — это спорт, мне оно в самый раз.
Я бы мог бы туда соскочить без напряжения,
Только с русскими пить всё же лучше у нас.

Я писатель, поэт, но ума не лишился, —
Пальцы сильно не гну, в этом фишка моя, —
С речью русской, родной я навек подружился,
У меня с ней альянс. Где она, там и я.

А вот Женька тогда применил силу духа,
Перед рейсом за час смог билеты купить,
Он Танюхе сказал: «Едем в Лондон, Танюха!
Вот где лучше всего водку с русскими пить!»

То есть он тоже прав. Не вопрос, так бывает, —
У него к землякам свой особый подход:
С теми пить хорошо, кто деньгу загребают,
Кто в чужой стороне миллионы куёт!

- 7 -

Иллюзиями Женька не питался,
А он фундамент выстроил, задел:
Он сразу к ним в компанию вписался,
Как только с Танькой в Лондон прилетел.

И очень скоро в плане уважухи
Он подарить такое возмечтал
Любимой, дорогой своей Танюхе,
Чего никто доселе не видал.

Танюха по утрам пекла оладьи,
А он, такой шутник и балагур,
С мадам Тюссо хотел вопрос уладить
Насчёт музея восковых фигур —

Чтоб Танькину поставили статую
На зависть всем красавицам Земли
К какому-бы-нибудь Черчиллю вплотную
И лампу на неё бы навели!

Есть в каждой шутке денежная доля,
С ней точно веселей идут дела,
А без неё и жизнь — как суп без соли,
Но здесь такая мультка не прошла.

Короче, ни в одном музейном зале
Танюхи нет, и Женька изумлён,
Что деньги, крупный куш, с него не взяли,
И что вопрос остался не решён.

«Прокол. Прости, Танюха», — он канючит, а в ответ:
«Реши вопрос, нажми на них! Мужик ты или нет?
Исполни своё фирменное соло —
«Лимон» добавь, другой, а то скажите-ка — Тюссо!
Я что — от «Жигулей» тебе, от «Волги» колесо?
Я не хочу быть жертвою прокола!»

«Это как понимать, что всё это такое?» —
Женька мозг активировал, ум подключил, —
Он спонтанно подёргал холёной щекою
И, тихонечко крикнув, ответ получил.

Не от Таньки, конечно, чего её слушать?
Сердце Женьке шепнуло, что вся их любовь
Не разохлась ещё, словно лодка на суше,
Но уже с ней сам чёрт понаделал делов! —

Покорёжил, помял — не до смерти, конечно.
Женька, пьяный, орёт, неизвестно кому:
«Может, я и скончаюсь от раны сердечной,
Но «лимонов» так триста сперва подниму!»

«А чего не поднять? Я б с тобой попытался!
Чем одна, лучше всё-таки две головы!» —
Чей-то голос однажды в эфире раздался.
Это Вовка приехал к нему из Москвы.

-8-

И вот они друг дружку для разминки
Подначивают: Танька, Ольга как?
Подтекст один: блондинки есть блондинки!
Присели. Закусь. Музыка. Коньяк.

У Вовки план: «Женёк, тут лёгкий шорох
Прошёл, что неплохая ребятня
С тобой Вась-Вась, что всё у них в офшорах, —
Там нету белых пятен для меня!

Там даже серых нет, там всё в тумане,
Но я в нём нахожу свои пути,
Хожу по острию, по самой грани.
Я лучший. Можно справки навести.

Гони их всех ко мне, как носорогов
На водопой, где пьют от пуза, впрок.
Я им оптимизацию налогов
Поставлю на конвейер, на поток!»

Все формулы для понту, для блезиру
Володька черкнул за пять минут
И получил добро: «Оптимизируй!
Но не шути с огнём. Дупли пойдут!»

У Женьки тоже страсть была к оффшорам.
Он Вовку в этой части лично, сам
Назначил управляющим партнёром.
Доходы — «фифти-фифти», пополам.

И понеслась, и Вовкина кликуха, как пароль
Теперь для многих стала. Он и вправду — как король
В той самой схемотехнике, в нюансах,
В оттенках, без которых суть, основа бытия
Мертва. И перед Вовкой даже самые графья
Привыкли рассыпаться в реверансах.

Бизнес выстрелил так, что другим и не снилось.
Женька Вовкин отчёт за полгода прочёл.
Вечер. В небо звезда, как заноза, вонзилась.
Женька в гости к Владимиру, к другу пришёл.

Плащ и шляпу не снял, помолчал напряжённо,
(Вовка резал кинзу и гуся потрошил):
«Знаешь, Вов, не сердись. Вот тебе «поллимона».
Доли нет твоей. Продана. Я так решил.

Ты не думай, что друг твой такая уж сука.
Жизнь — как море. Всегда тебя будет топить
Тот, который сильнее. Много будешь сюсюкать —
То и рому тебе за победу не пить».

Вовка пальцами хрустнул: «Давай покороче» —
Женьке рому плеснул от души, через край
И сказал ему: «Понято. Делай, что хочешь.
Я услышал тебя. Будь здоров. Не чихай».

-9-

За тыщу вёрст, за тридевять земель я
От Лондона в то время проживал,
Но знал: Танюху глючит от безделья, —
Что ни психоз у ней — девятый вал!

И кто-то её, дуру, надоумил:
А ты на арфе выучись играть!
Женёк, вон, весь при галстукке, в костюме,
Чего бы и тебе не щеголять —

Вот так бы вот лебёдушкой вплывала
В шелках, с красивым пледом на плечах
И для гостей почётных исполняла
Фрагменты из рапсодий при свечах!

Женёк упёрся: только на рояле!
При нём душа несётся прямо в рай,
Там даже две железные педали,
Как «газ» и тормоз, вот и изучай!

Ну, что ж, братан, когда ты звезданутый,
Дела твои, хоть кем бы ты ни был,
Пойдут под горку ровно с той минуты,
Когда ты бабе арфу не купил.

Ну, хоть бы флейту, или уж, для кучи,
Какие-нибудь шахматы, лото,
Но лучше арфу, это всё же круче,
Там струн одних — штук двести или сто.

Спросила Танька: «Можно, я учителя найму
По этому роялю, чтоб как надо, по уму
Мне разбирать мажоры и бемоли?»
Как снег, с его сигары падал пепел на паркет.
И он сказал: «Оплатим. Нанимай. Базара нет, —
Раз надо. Мы чего, не люди, что ли?»

Чтоб октавы освоить, крещендо, бельканто —
Дребузню эту всю, Танька, хлопнув бокал
С гаммой нежных добавок, нашла музыканта —
Педагога со стажем, как сам он сказал.

Он её как-то странно учил поначалу:
Посидит-посидит, в небо глядя, и — шмяк
Кулаками по клавишам! Танька молчала,
Восхищённо застыв: «Ну и ну! Мне бы так!»

«Кое-где мне не рады, сказал он, — зато я
Искру высечь из клавиш могу без труда.
Скрипки, арфы там всякие — дело пустое,
Там экспрессии нет. Вот рояль — это да!

Долбанёшь по октаве, и сразу же — кстати —
Звуки музыки в сердце летят вроде стрел!
Авангард — вот наш путь!» Таньке в ходе занятий
Стало даже казаться, что Брамс устарел!

- 10 -

Я песню уважаю «Три танкиста»
И даже иногда её пою.
Романтиков и всяких футуристов
Я с неохотой как-то признаю.

Обычный я простой российский парень,
Чужды мне романтизм и постмодерн.
А также я не Пушкин и не Байрон,
И даже, извините, не Жюль Верн.

Я реалист — исконный, полновесный,
С приставкой «сюр», с характером бойца.
(А постмодерн я, братцы, если честно,
Приплёл сюда для красного словца).

За что я бьюсь? Чтоб никакого сюра
Не лезло в наши мысли и дела,
Чтоб на нормальный мир карикатура
Сама своею жизнью не жила.

Но ведь живёт. Танюха на рояле
Могла такие звуки издавать,
Что повар, врач, садовник — все мечтали
Куда-нибудь к Ла-Маншу убежать.

И Женька даже, рядом где-то, возле,
Гуляя и всё это услышав,
Неладное чего-то заподозрил
Насчёт там в плане грици и забав.

У Женьки на уме всегда одно — учёт-контроль,
Он поглядеть решил на них, какая там бемоль, —
Стремительно влетел, не сняв ботинок, —
Они сидят, глазают на вечернюю зарю,
Нормально вроде всё. Но я недаром говорю:
Нельзя недооценивать блондинок!

Я скажу, что без баб всё вообще вкривь и вкось бы
Шло у нас, кто живёт, чтобы делать дела.
К Таньке, вон, педагог с предложением, просьбой
Обратился. И Танька согласие дала.

Тут вопрос по сравнению с вечностью мелок —
Да всего-то она каждый вечер в тетрадь
Начала все подробности Женькиных сделок —
Всё, что он говорил, все детали писать —

Векселя-шмекселя, суть, специфику займов,
Варианты вложений на все времена, —
И в беседке на фоне ландшафтных дизайнов
Педагогу всё это сливала она.

«Это ж клад, — он шептал, — авангардная тема,
Я шедевр сочиню по мотивам её —
Ораторию, как бы, такую, поэму».
Он не врал. Мы ещё тут услышим её.

- 11 -

Дела у Женьки шли как будто в гору в гору,
Он счёт заводам, банкам потерял,
Компаниям, которыми в ту пору
Один наёмный гений управлял.

Фамилия его вам мало скажет.
Пусть будет Джон. Он дело туго знал.
Слияния, покупки и продажи
Шли, как по маслу. Бизнес процветал.

Я про него не сразу догадался,
Что значат ум, талант и зоркий глаз.
Он в этом масле, словно сыр, катался.
Об этом, впрочем, после, не сейчас.

Женёк себя держал немного странно:
Он с Танькой вежлив, нежен, ласков был,
Но всё же иногда включал тирана —
Побудку на рассвете ей трубил!

Он по траве газона, вкруговую,
Кнутом — для пользы дела, не со зла
Гонял её, как лошадь беговую —
Сжигал жиры, чтоб стройная была!

Мол, тут неподалёку, по соседству,
Миллионеры разные живут,
Давай-ка ты, Танюха, соответствуй!
Блистай, когда нас в гости позовут!

Он Таньке на компьютере калории считал,
Он по три дня из сауны её не выпускал,
Он сам с ней марафон поплыл по морю,
Но, правда, сразу вылез — что-то там ему свело.
Он говорил, что в бабе худоба — залог всего.
Вот тут я, скромный автор, с ним поспорю!

Как-то больше я к полным в душе тяготею,
Мне худые красотки сто лет не нужны,
У кого начинаются ноги от шеи —
Две прямые оглобли предельной длины.

Уважаю упитанных верных подружек
И мечтаю для них жизнь такую создать,
Чтоб побольше они кренделей и ватрушек
Успевали в обед за столом поедать.

Ладно, к Женьке вернёмся. Стремительный, резкий, —
Я б сравнил его, дьявола, с горной рекой,
Он однажды домой из успешной поездки
Заявился под утро, довольный такой.

«Эй, Танюха! — кричит он, — налей, что покрепче!
Я с китайцами новый контракт подписал!
Я теперь — о-го-го! Что-то в ухо мне шепчет,
Что теперь я вообще главным в Англии стал!»

- 12 -

Но что-то тихо в доме, нет Танюхи.
Рояль молчит, никто не жмёт на «газ».
Да и камин как будто бы не в духе —
Без спроса, сволочь, взял, да и погас!

«Ау! Ты где, любимая, родная?
Сюда иди!» Молчанье. Тишина.
У Женьки — первый шок. Он точно знает
Лишь то, что он не знает ни хрена.

Луна в окне завяла, как редиска,
Амур из бронзы съёжился в углу,
А на журнальном столике — записка:
«Евгений, я Вас больше не люблю!»

А дальше там, в записке, суть такая:
Ты без меня куда-нибудь вперёд
Лети, мой ясный сокол, а пока я
Бумаги подготовлю на развод!

Как спятившая буйная кобыла,
У Женьки сердце прыгает в груди.
«Не верю! Сон! — он бьёт себя по рылу, —
Постой, Танюха, где ты, подожди!»

Никто не хочет ждать по той причине,
Что никого нигде и близко нет.
Что было — сплыло, кануло в пучину,
Ну, в смысле, от любви простыл и след.

Потом была бодяга — он развода не давал,
Но развели — как пулею сразили наповал,
А что — ему полезно отлежаться.
С Танюхи спесь слетела, словно с бабочки пыльца,
От долгой битвы. Что ж, она готова до конца
Во имя справедливости сражаться!

Танька иск подала по разделу налички
(Крупных сумм), яхт, машин, там хватает всего —
Те же виллы, земля, — мой Женёк с непривычки
Синим стал, как узнал, что хотят от него.

Вместо сладких свиданий под сенью черёмух
Танька выбрала новый, особенный путь —
Только Женьку завидит у общих знакомых,
Сразу в сердце его хочет вилкой пырнуть!

Грохот, шум от неё, как от минных разрывов:
«Я тебя, подлеца, на куски разорву,
Отыму у тебя всю структуру активов,
С голым задом обратно поедешь в Москву!»

В общем, суд на носу. Женьке умные люди
Подсказали: «Смотри, будь не просто готов,
А готов на все сто. Здесь чудно у нас судят,
Могут всё отобрать до последних штанов!»

- 13 -

Хоть я уже свободный был скиталец,
Друзья и даже бывшие враги
Ко мне по старой памяти кидались:
«Серёга! Пропадаем! Помоги!»

Я классным был юристом, что скрывать-то? —
Давным-давно, и Женька это знал,
И в Лондон, побеседовать приватно
Он во дворец к себе меня позвал.

И вот сидит он — новый русский барин, —
Простой, как пень, конкретика в крови:
«Браток, спасай, я буду благодарен!
Любые бабки, только назови!»

И я сказал: «Осёл ты лопоухий,
Без бабок я, во имя прошлых лет,
За ради развесёлой той жигухи
Сумею — помогу, а нет — так нет».

И, закусив текилу авокадо,
Я расхрабрился: «Женька, я готов!
Но ты своих английских адвокатов
Не сбрасывай пока что со счетов.

Я в здешнем праве, в общем-то, не шарю,
Но знаю, куда стрелки перевести.
Я там факультативно побазарю,
В высоком их суде. Мыслишка есть».

Я поутру к Танюхе: сколько лет, мол, как дела?
 Она мне: «Ты от Женьки? — и на кухню провела, —
 Ну, что ж, привет! Слышал, как я восстала?»
 Я что-то там провякал: мир, любовь, союз сердец;
 Она мне: «Ты не вякай, всё равно ему конец»,
 И лекцию за чаем прочитала:

«Мы, блондинки — сверхженщины, что тут такого?
 Белокурые бестии — вот кто мы есть!
 На лопатки положим, завалим любого,
 Если он нам мешает, как яблоням, цвесь!»

Я ей: «Танька, очнись, вот ты иск ему влупишь,
 Чтобы после всю жизнь валерьянку глотать,
 Ты ж любила его, и сейчас ещё любишь,
 На хрена тебе по миру Женьку пускать?»

«Да, люблю — был ответ, — и чего, ради Бога! —
 Хоть на месте меня из ружья застрели,
 Сто «лимонов» хочу! Это ж фунты, Серёга!
 Фунты стерлингов, слышь, а не наши рубли!»

А ещё, говорят, самый главный и важный —
 Тот, кто рулит пакетами ценных бумаг,
 Я и буду рулить этой хренью бумажной!
 Есть, кому подсказать, где какой сделать шаг!»

- 14 -

И вот он, суд. Танюха выступает:
 «Я сразу общий тренд хочу задать:
 Про то, что я такая уж тупая,
 Ошибкой будет с ходу утверждать!»

Мой бывший — что ответчик, вон, который,
 Меня в далёкой жизни где-то там
 Ещё в России с целью кругозора
 Возил по историческим местам!

Я там в столовке кашей отравилась,
Мне ветер из причёски вырвал прядь,
Меня там мог сразить простудный вирус,
И вредный клещ вполне бы мог сожрать!

А здесь он композитора Вивальди
На арфе мне сыграть гостям не дал.
Я в полутьме, на мраморной веранде
В экстаз бы их вводила и в астрал!

Вот так, глядишь, судьба б миллиардера
Мне б за труды в награду и дала,
А дальше, побери его холера, —
Наследство, виллы, яхты, все дела!»

Уже от смеха публика давилась —
Зеваки на галёрке, на задах,
И, кажется, заметно удивилась
Судья — седая тётечка в годах.

Я много лет спустя из Википедии узнал,
Что дед её копал на Крайнем Севере канал —
У нас, а точно где — никто не знает,
А бабка с войском Врангеля покинула страну
В двадцатом, гимназисткой, и поныне, ну и ну,
Жива и мемуары сочиняет!

Вот она ещё раз вскользь на Таньку взглянула,
Мол, забудь я тот факт хоть на пару минут,
Что бабуля моя тоже к нам драпанула,
Я б сказала вам всем: «Понаехали тут!»

Месяц в небе блестел, словно сабля без ножен,
За окном догорал над рекою закат,
Я смотрел на судью — как-то был растревожен,
Полз по швам понятийный её аппарат.

«Сволочь! Гад! — продолжала солировать Танька, —
Он влетел метеором на мой небосклон,
Сквозанул напрямик наподобие танка!
Это я метеор! Я главное, чем он!

Да, была у нас крепкая смычка и связка, —
Словно клюв и крыло, словно молот и серп,
Были мы заодно, но закончилась сказка, —
Пусть ответит, подлец, за моральный ущерб!»

- 15 -

Ну, что тут скажешь? Ничего не скажешь —
Тяжёлый случай. Клиника. Кошмар.
И ничего тут против не докажешь,
И не подточит нос любой комар.

Я смелый был в тот миг, лихой, рисковый, —
Я в пабе-то отметился с утра, —
«Прошу Вас, Ваша честь, имею слово!
У Вас тут хрень и полная мура!»

Меня как будто ветром с ног сбивает.
Стою, волнуясь, колотун внутри.
Мне дали слово, чудеса бывают:
«Ну что? Назвался груздем — говори!»

И я сказал, что честь всего дороже,
Что без любви нам, русским, свет не мил,
И что в России сразу бьют по роже
Тому, кто про понятия забыл.

Судьба нас дома месит, словно глину,
И даже поднимает на ножи,
Но если ты уж родину покинул,
Держи, как говорится, хрен во ржи!

«Россию не позорь! Да-да, Танюха,
Покровку, Патриаршие Пруды —
Чего ты здесь жужжишь-то, словно муха,
Виляешь, как червяк, туды-сюды!

Женёк, я это знаю, благородный человек,
Он полюбовно выпишет тебе нормальный чек,
Ну, и кончай высасывать из пальца
Проблемы, где их нет!» Я целый зал заворожил
Рассказом, как Женёк Танюхе голову вскружил,
Историей про наш пикник, про зайца.

«Господа, — я сказал, так не честно, ей-Богу,
На корню, сколько Танька теперь ни злословь,
Память, жизнь убивать, как таблеткой изжогу,
Всё за бабки продать — и мечты, и любовь!

Да, ей Женька какое-то там пианино
Подарил вместо арфы. Не спорю. Косяк.
И чего — расстрелять его, сукина сына?
Потопить его на хрен, как крейсер «Варяг»?

«Тут другие дела, — мне шестёрка ответил, —
Их уже развели, мол, уймись, идиот!»
«Не-не-не! — я сказал, — тут дела ровно эти —
То, что Танька за бабки любовь продаёт!

Пусть я лохом кажусь, потому как не местный,
Но продажа любви — это полная жесьть.
Так с любовью нельзя, Ваша честь, так не честно!
Тут уж выбор стоит — честь Вы или не честь!»

- 16 -

И вот — вердикт. У Таньки даже челюсть
Едва не отвалилась: ну, дела!
Ей от активов Женьки — только четверть.
Она, признаться, бóльшего ждала.

Он вертится волчком: «Утрись, дурёха!»
Его всего от радости трясёт:
Три четверти — совсем не так уж плохо,
Он опасался, что отнимут всё!

Короче, он не зря, как бык, бодался,
Он вышел победителем в борьбе.
«Факир был пьян, и фокус не удался! —
Он прокричал Танюхе, — шиш тебе!»

Факир-то был как раз в отличной форме
И очень трезво видел этот мир,
Где он без лишних слов раскинул корни.
Я расскажу, какой такой факир.

Бывает, в час отчаянья на помощь
Приходит к нам подлец из подлецов.
Читатель, ты, конечно, Джона помнишь —
Доверенное Женькино лицо?

Намёк мой в этих строках обозначен
Небрежно так, легонько, наугад.
Он как-то не особенно прозрачен
И даже, я сказал бы, мутноват.

Всё скоро прояснится: Женька пил пятнадцать дней,
Танюха в этот раз сама пришпорила коней —
Продолжила свой главный поединок, —
Сгруппировала силы явно с целью победить.
Ребята, я хочу вас лишний раз предупредить:
Нельзя недооценивать блондинок!

Женька Джона зовёт: «Обратиться имею!
Небольшой такой нужен экспресс-аудит —
Что моё, а что нет, чем теперь я владею».
«Не могу» — это Джон в телефон говорит.

Мол, никак не пойму, то ли язва открылась,
То ли, и это не блеф, не брехня,
Селезёнка, зараза, опять обострилась.
Ничего. Мой помощник заменит меня.

Он не то, чтобы там «бу-бу-бу, тары-бары»,
Он в подобных делах — зуб даю, высший сорт,
А меня теперь в Чехию, в Карловы Вары
Отправляют врачи на целебный курорт.

Вот помощник пришёл. Ну и ну, мать честная!
Это ж Танькин тот самый её педагог!
Женька встал у окна, свежий воздух глотая, —
Это боль саданула, ударила, в бок!

- 17 -

Вот тут я отвлекусь совсем немного,
Точнее, сколько надо, отвлекусь.
Был СССР, мы шли своей дорогой.
Как вспомню, так сто раз перекрещусь!

Со мной вели учёные беседы
Ночами напролёт, до забытья,
Мом друзья, литературоведы,
Такие же дебилы, как и я.

В чём дебилизм? Да в том, что в человека
Мы верили всем сердцем, горячо,
А тут — высокий суд, Танюха, Жека,
Грызния, базары, тёрки, что ещё?

Кидалово какое-то сплошное
Везде, где бабки. Танькин музыкант,
Точнее, мудозвон. А, впрочем, что я?
Ну, пиялился он с Танькой на закат,

Ну, не умел смычком водить по скрипке
И даже нот на клавишах не знал,
К чему ворчать? У всех свои ошибки,
Я людям в жизни многое прощал.

И здесь мне как-то глупо и нелепо
Скрипеть на них, как старый табурет.
У всех свой путь. Свобода — это скрепа.
Без денег никакой свободы нет.

Но я скриплю, стараюсь кое-как себя держать.
А не выходит, братцы. Это как же так — отжать
У друга бизнес, да и самому же
На хитрую разводку, как на удочку, попасть?
Про Женьку, про него я — и кривить при этом пасть,
Криви, ори — кому ты, на хрен, нужен?

И хоть рожа у Женьки и вправду кривая,
Но разводки пока ещё как таковой
Не случилось. Однако она назревает.
Женька чувствует это загривком, спиной.

«Ладно, с банков начнём, — пробежимся, погнались, —
Их там три у меня», а помощник в ответ:
«Там слияние было, я помню детали,
Трёх в один, это значит, что двух уже нет».

Женька враз протрезвел: как-то дело поганю!
«Ты скажи мне, а кто в этом банке глава?»
И запнулся помощник: «Да, в общем, Татьяна.
Пусть мозгами скрипит! — были Ваши слова.

Вы тогда ещё Джону с костяшками счёты
Приказали достать, чтобы Таню привлечь —
Приспособить её для масштабной работы,
Чтоб учить заодно иностранную речь».

- 18 -

«А что у нас с заводами, любезный?
Их у меня, я знаю, завались!»
Женёк ответ услышал, и над бездной,
Над пропастью как будто бы завис —

От ужаса, что клонится к закату,
Летит ко всем чертям его звезда!
Заводов больше нет — ушли куда-то,
Да в Танькин банк уплыли — вот куда!

Пыхтели потихоньку, и поди ты —
Какой-то там финансовый аврал!
Они залогом стали по кредитам.
Кредит просрочен. Банк залог забрал.

Де-юре никакой там Таньки нету,
Там люди Джона рулят — тесный блок! —
Куют большую звонкую монету —
Такие, как вот этот педагог!

Он говорит: «Вы сами поручили
Все доли в банках быстро обменять
На акции компаний где-то в Чили,
Чтоб концентрат там медный добывать.

Вот все бумаги». Злой, как волк в загоне,
Зарылся Женька в месиво таблиц,
В трясику чисел. Он примерно понял,
Какая тут сложилась группа лиц,

Какая птица-тройка всем стихиям поперёк
Летит напропалую — Джон, Танюха, педагог,
Который, вон, словами так и сыпет:
«У Вас долги, Евгений, то да сё, лимит затрат,
Так вышло, там у них не подтвердился концентрат.
Но жизнь идёт. За это можно выпить».

«Вы, Евгений, банкрот!» — он наглед понемногу.
Женька в горькой тоске, как в тягучем дыму,
Растворяясь, тонул. Он сказал педагогу:
«Ладно, можешь идти. Сам напьюсь на дому».

Вот врачи говорят, что от пьянства все беды.
«Это бред, — я отвечу, — поросший былльём.
Всё путём, если, рюмку махнув за обедом,
Ты при этом башку не роняешь в бульон».

Вот Онегин — он пил каждый день по бутылке
(Пусть не водку, вино) — кто не верит, прочти.
А в завязке бы был — до Сибири, до ссылки
Только так с декабристами мог бы дойти.

Вот и Женька лимонов нарезал на блюде, —
Чтоб делов не наделать, бутылку открыл:
«А ведь верил я им, надо ж так лохануться!
Да уж лучше б в Россию давно бы свинтил!»

- 19 -

Прошло пять дней. Он всё ещё поддатый,
Он за дубовым письменным столом
Сидит, как Герцен в Лондоне когда-то,
И книгу пишет — «Думы о быллом».

«Куда, куда ты, друг мой, Вовка, сгинул, —
Какой-то в нём звучит глухой гудок, —
Напрасно я тебя на бабки кинул!
К чему лукавить? Это был кидок!

Ты, может, в экономике и слабый,
Ну хоть бы уж на шухере стоял,
Когда бы я у Таньки втихаря бы
Мобилу и компьютер проверял!»

Вот тут я, скромный автор, снова встряну,
Чтоб раз и навсегда вопрос закрыть —
Что даже и во сне, не только спяну
Нельзя такие вещи говорить.

Напомню: я не Пушкин и не Шиллер,
И в лирике вообще ни в зуб ногой,
Тут целый у меня шпионский триллер
Заместо песни вышел сам собой.

И, кстати, план когда-то был у Женьки —
С искусством подружиться, не дремать, —
Бюджет пилить, а, если коротёнько, —
Блокбастеры по триллерам снимать.

И что теперь? Измена и засада,
Где Танька рулит, чёртово жульё!
Всем Скотланд-Ярдам, Абверу, Моссаду,
Всем ЦРУ — куда им до неё!

Как плесень, мбзги Женькины покрыла пелена,
Вокруг него такая паутина сплетена,
Что где, куда, какую ставил подпись, —
Запутался, забыл он. С Таньки — как с гуся вода, —
С гусыни — слёзы Женьки. Вы не правы, господа,
Когда вы над блондинками смеётесь!

В общем, Женька разделан, как рыба на блюде.
Джон в графическом виде рисует итог,
Общий куш на троих. «А повежливей будет! —
Танька ржёт, — ха-ха-ха!!» И грустит педагог.

Кстати, он наш земляк из эпохи застоя.
Он сперва отбивался: «Ни-ни, ни гу-гу!»
Педагогика, музыка — это святое!
Как хотите, ребята, а я не могу!»

Джон ещё ухмыльнулся тогда: «Ты прекрасен!
Уважаю таких. Молодчина! Зачёт!
Шесть процентов — твои. Было пять. Ты согласен?»
И вздохнул педагог, и промямлил: «Идёт!»

Всё разыграно было решительно, твёрдо, —
Как по нотам, не зря же их людям дают!
Не какие-то там трень да брень, три аккорда,
А серьёзный такой, настоящий этюд!

- 20 -

Вперёд идущих, Боже упаси нас
Не знать своих истоков и начал.
У Женьки был один серьёзный минус:
Он Пушкина почти что не читал.

Вы спросите меня: при чём тут Пушкин,
Онегин, Ольга, вся их суета?
При том, что жизнь стучит по черепушке
Тому, кто знать не хочет ни черта.

Онегину когда на самом деле
Без всякой там туфты пришла хана?
Когда он друга грохнул на дуэли —
Нормального, по сути, пацана.

Он, вроде бы, не конченный подлюка,
И не злодей кровавый, не упырь,
Но он любовь и дружбу профуфукал
И сам себя подвёл под монастырь.

Так как же нам, по совести и чести,
Назвать его, в какой вписать ранжир?
Он конь в пальто? Бугор на ровном месте?
Предатель, туняедец, дебошир?

Мираж, фантом, малюсенькая кочка,
Поросший мхом замшелый серый пенёк?
Вокруг пустого места оболочка?
Какая-то иная хренотень?

Коней в пальто в природе не бывает,
И, значит, он уже не конь в пальто,
И тут вопрос резонный возникает:
Он кто, в конечном счёте? Да никто.

А почему так вышло? Потому что в старину
Буржуазия внаглую дербанила казну,
И до сих пор в пуху у ней всё рыло.
На шару, на халяву ей — одёжа, скарб и снесь,
Я так скажу, ребята, что халява — это смерть,
Она и Женьку нашего сгубила.

Он из Лондона прибыл, небритый, сутулый,
Он теперь здесь, у нас свои грядки скребёт,
Он в Заречье живёт, на окраине Тулы,
Я работать его пригласил на завод.

Я директором стал, как-то так оно вышло,
Я сказал: «В тех. отдел, например, приходи.
Если мозг из башки твоей время не выжгло,
То чего там? Дерзай! Только в оба гляди.

Игорёк Шепетовский у нас там начальник,
Если что, он отвесит таких звездюдей,
Так за милую душу начистит хлебальник,
Что душе станет тошно. Но ты не робей.

Вычисляй в чугуне фосфор, марганец, серу,
Напрягай организм изо всех своих сил —
Засыпной аппарат изучи, для примеру».
И Женёк отказался: «Я всё позабыл».

А что же Вовка? Да примерно то же,
Такая же история почти.
Мусолить здесь её — себе дороже.
Кто дочитал досюдова — прости.

Читатель — он вообще не очень склонен
Терять в простом сюжете стержень, суть,
Он хочет с книжкой в тапках на балконе
Сидеть, жевать, курить и в ус не дуть.

И ладно, жуй себе. А что? Нормально.
Но я про Вовку кое-что скажу:
Мудила он, конечно, капитальный,
Хотя и до сих пор я с ним дружу.

Он, если вкратце, всё-таки поднялся
С тех пор, как его Женька бортанул, —
Не загулял, не запил, не сломался,
Не бил в набат: спасайте, караул!

А дальше — ровно то же, что у Женьки:
Суды-муды, развод, прощай, родня!
Такая же дележка, те же деньги,
И даже, вон, та самая судья.

Мне фотку её факсом Вовка скинул.
Он некий в голове имел пробел —
Он сунуть ей хотел серьёзный стимул
В конверте. И за это чуть не сел.

Она на этот раз была значительно мрачней:
«Любовь мертва. Аминь! И я не буду больше в ней
Копаться, как паталогоанатом!»
Она взяла и отписала Ольге всё, чего могла —
Всё, что у Вовки было, вот такие вот дела.
Эх, жаль, ребята, не было меня там!

Он пришёл на завод к нам, как после наркоза,
Будто все эти годы проспал крепким сном.
А теперь он у нас — машинист тепловоза,
Он по рельсам тягает ковши с чугуном.

Девяностые кончились. Жалко. А то бы
Быть бы Вовке министром железных дорог,
Мы б собрали деньжат и сказали бы: «Пробуй!»
Он бы с топливом нам, с запчастями помог!

Лондон, Женька, развод, — был период тяжёлый,
Но теперь-то он стал человеком опять:
Он с приёмщицей грузов Тamarкой Чижовой
Ходит в лес по субботам грибы собирать.

Знаю я: Вовка будет начальником цеха —
Не того, так другого, — он жить не устал!
Женьки нету, хоть он к нам в район переехал.
Вовка есть. Он на бабки ребят не кидал.

- 22 -

Мы как-то пиво пили: «Вовка, вспомни
Танюху, Женьку!» «Нет уж, — был ответ, —
Не потому, что это тяжело мне,
А потому, что темы просто нет.

Ведь я тогда не то, чтоб кверху лапки,
(Хоть раздолбай я был и ротозей),
Но, если друг развёл меня на бабки,
Не надо мне ни бабок, ни друзей.

С товарищем по-трезвому, по пьяни —
С таким, как этот, спорить смысла нет.
Как тёзка мой у Пушкина в романе,
Я не хотел уйти во цвете лет.

И парням инструмент выдавать для работы.
Я халяве вендетту, войну объявил.
«Эй, расслабься! — мне Вовка сигналит, — чего ты?
Лучше б пива ещё нам обоим налил!»

- 23 -

С героями моими расставаться
Не хочется, но надо. Час настал.
Пора бы мне, ребята, закрутиться,
И так я тут немало накатал.

Всё отнятое Ольгою у Вовки
Она вложила, дура, в некий фонд,
Где вскоре, по её формулировке,
Какой-то там дефолт или дисконт

Ударил, гад, в режиме беспредела
По сумме вкладов. Он их обнулil.
Короче, всем обратка прилетела,
И даже педагог, вон, получил

Свой срок в тюрьге, хоть, по всем расчётам,
Был должен лютой кары избежать,
Но это не учить Танюху нотам
И даже не на клавишах играть.

Бедняга Джон повесился в сортире.
Друзья, чего ещё мне вам сказать?
Того, что дважды два всегда четыре,
А пятью пять, хоть тресни, двадцать пять.

И если кто, завистливый и злощий,
Капкан готовить ближнему горазд,
Его судьба раздавит и расплющит,
И соскочить по-тихому не даст.

Вот и городит Женька свой унылый огород.
Танюха в дурке, в Англии уже который год
От психики оправиться не может,
А Олька в вечный транс от фонда этого вошла,
Всё жалобы строчит в прокуратуру: бла-бла-бла!
Пять лет её колбасит и корёжит!

Мне на это глядеть как-то грустно, ребята:
Было всё у людей — деньги, дружба, любовь,
И какой-то микроб изнутри хреноватый
Схавал душу у них. Что сказать? Нету слов.

Хорошо хоть, Вован своё доброе имя
Сохранил, отстоял. Он хитёр, как лиса, —
Уцелел в этой рубке своих со своими
И вернулся домой. Всё же есть чудеса!

Много мест на Земле, все объехать едва ли
Нам дадут, да и на хрен их все объезжать?
Надо меньше смотреть в эти светлые дали
И родным нашим воздухом глубже дышать!

Он полезен и сладок, как мёд при простуде,
Так глотай же его, чтоб кружилась башка,
И не просто живи, а с мечтою о чуде,
Будет лучше, я знаю, а хуже не будет,
Будь здоров, мой читатель. До встречи. Пока.

2017

* * *

Т. К.

Коромыслом нынче дым
У соседей за стеной.
Посидим, поговорим
Ты да я, да мы с тобой.

В кровь изранена душа,
Что ни день — то новый бой.
На ночь глядя, не спеша
Чай заварим мы с тобой.

Пусть матёрые скоты
Нам мычат за упокой.
Друг за другом я и ты —
Как за каменной стеной.

Вот и спятила страна,
Потеряла стыд и ум.
Ночь за окнами черна.
Месяц бледен и угрюм.

Поумнел бы я, притих,
Со своими встал бы в строй,
Но всего-то нас своих —
Ты да я, да мы с тобой.

... Дом вздыхает, старый дед,
Тени пляшут на стекле,
Мы с тобой погасим свет,
Мы одни на всей земле...

1984

* * *

Скучно ей, одиноко жить в рыбацком посёлке
На отшибе у моря, хоть кричи «Караул!».
Но однажды с прогулки, с городской барахолки
Развесёлый матросик в гости к ней завернул.

В шарфе клетчатом
Ходит кречетом,
Луком репчатым
Закусил.
Вьшил стопочку,
Шкалик, соточку,
Бьёт чечёточку,
Что есть сил.

Вот уже и объятъя, стол от смеха трясётся.
А она всё мечтает, втихомолку скуля,
Как под парусом алым к ней навстречу несётся
Молодой и красивый капитан корабля.

А он с ухмылкойю
Над бутылкойю
Тычет вилкойю
Мимо рта.
Лезет, тянется:
«Со свиданьем!»
Он останется
До утра.

Политровка допита до конца, без остатка,
А на сердце — ненастье, а в душе — холода.
И матрос развесёлый спит в стороночке сладко.
Он с рассветом проснётся. Он уйдёт навсегда.

Ох, до хруста ей
Рвут без устали
Душу грустные
Голоса
Ветра шалого.
Счастья мало ей,
Где вы, алые
Паруса?
Где вы, алые
Паруса?..

2007

* * *

Я вернулся в этот двор
Всем ветрам наперекор
И стою, соображаю,
Под какой упасть забор.

Клёны листья растеряли,
Старый дом утрюм, уныл:
«Мы тебя так долго ждали,
Только ты не приходил».

Поперечный-встречный пёс
От меня воротит нос,
Карусели окосели,
Вороньё пошло вразнос.

Дядя Гриша с тётей Грушей
Над закусками галдят,
На балконе бьют баклуши,
Сквозь меня во тьму глядят.

Холод, хмарь — хоть встань, хоть сядь,
Слова некому сказать,
Я с фонарными столбами
Буду танцы танцевать.

«Вот и песня твоя спета, —
Ветер вслед мне проскулил, —
Для тебя здесь места нету,
Ты сюда не приходил!»

1983

* * *

Под летящей листвой,
Без оглядки, без слов
Мы прощались с тобой
Возле Чистых Прудов.

Ветви хрупкие замерли над чугунной оградой.
Старый сквер в поздних сумерках под дождём опустел,
«Будь здоров, — ты сказала мне, — что поделать, так надо».
И на рельсы трамвайные снег летел, снег летел.

«Подожди же, постой!» —
Я кричать был готов.
Мы прощались с тобой
Возле Чистых Прудов.

Эх, гулял я без устали — были дни, было время,
Эх, носился с гитарою — трень да брень, смех и грех.
«Ладно, пой, — ты сказала мне, — не со мной ты — со всеми,
Что ж, гуляй, хоть и вправду ты лучше всех, лучше всех».

Снег пришёл, первый снег
Впереди холодов.
Мы прощались навек
Возле Чистых Прудов.

Снег с дождём — эта чертова сумасшедшая пляска, —
И домов стены серые нас сводили с ума,
И трамвай, как помешанный, мне вдогонку пролязгал:
«Холод, мрак друг без друга вам, темнота, кутерьма».

Вот и дом твой закрыт
На замок, на засов.
Ветер воет, свистит
Возле Чистых Прудов.

Вот и наших с тобой
Не осталось следов
В тишине ледяной
Возле Чистых прудов...

2002

* * *

Ничего, что вдоль по всей России
Бездорожье, сумерки, пурга.
Хороша ключица у Марии,
Хороша у Клавдии нога.

Ничего, что лампочки потухли,
Воронью осколками грозя.
Словно в печке каменные угли,
Светят мне Тамаркины глаза!

Столбы стоят кривые
Вдоль дороги —
Не то, что у Марии
Руки-ноги.

Людской распался улей,
Но, хоть тресни,
Ко мне несётся пулей
Машка с Пресни!

Всю ночь играем в игры,
В дурака мы,
В груди бушуют вихри,
Ураганы!

Путч прошёл — подумаешь, делов-то!
Я возьму стакан — встречать зарю,
Я Надюхе с люрексами кофту
В знак любви на память подарю!

А насчёт того, что денег мало,
Я не буду горе горевать,
Я за страсть высокого накала
Выпивал и буду выпивать!

Ни ягоды-малины,
Ни спиртного,
Развалины, руины,
Всё хреново.

Погано. Гадко. Худо.
Войны, взрывы.
Но мы живём, покуда
Девки живы!

Пусть парламент скурвился по пьянке,
Пусть заснуло войско — не беда.
Хороша осанка у Оксанки
И душа у Клавки хоть куда!

Вот увёл с тропы кого-то в тень я,
Говорю: «Держись, товарищ, брат,
Выпьем за основы возрожденья —
За любовь, за дружбу, за девчат!

Ничего, что сволочи смурные
Нас с тобою ставят на рога,
Хороша ключица у Марии,
Хороша у Клавдии нога!»

В тумане ли, в дыму ли,
С пляской, с песней
Ко мне несется пулей
Машка с Пресни!

И пусть мороз лютует,
Снег не тает,
Она меня целует,
Обнимает!

И я ей шар надую
К Первомаю!
И я её целую,
Обнимаю...

1995

* * *

Сотню лет не вылезать бы из норы укромной.
Снег и слякоть вперемешку за любым углом.
Я облезлый пёс дворовый, я — ничей, бездомный,
Город-зверь меня сграбастал, проглотил живьём.

Шкурой, шерстью, лапами, ушами, головой
Я плачу за то, что без ошейника шатаюсь.
По увядшим листьям, по шершавой мостовой,
По ночным окраинам петляю, спотыкаюсь.

Вот, от сытости сутулясь, до земли согнулись
Такса, словно как королева, пудель — важный принц.
Озираюсь. Огрызаюсь. Вереница улиц.
Паутина переулков. Путаница лиц.

Путь мой — во все стороны, в любой конец и край.
У меня свобода. Хочешь — стой, а хочешь — падай.
Хоть под фонарём, хоть под скамейкой подыхай.
В общем, будь для родичей утехой и усладой.

А у города со мною разговор недолгий,
По мою собачью душу шпарят со всех ног
Из щелей, из подворотен холода, как волки,
И трамвай — за ними следом, важный, как бульдог.

Ветер сдёрнет сумерки с деревьев и домов,
Я проснусь под лестницей, озноб стряхну со шкуры,
Под подошвой дворника очнусь от сладких снов,
В серый сумрак прочь уйду, в рассвет сырой и хмурый.

Ветер. Клёны, как калеки, до земли согнулись.
Ветер. На бульварах сонных ни собак, ни птиц.
И опять на целый день мне — паутина улиц,
Вереница переулков, путаница лиц...

1983

* * *

Она романсы пела, соседка наша Томка,
Стихи нам вслух читала и водки не пила.
Она парням казалась прекрасной незнакомкой
И вышла в королевы, как только подросла.

И вот уже с ней связан навеки, воедино,
Пленен её талантом, улыбкой, красотой —
Серьезный и солидный директор магазина,
На нём пиджак из драпа и перстень золотой.

Он дело знает крепко, ворюга и проныра, —
Покой в дому, порядок, и тишь, и благодать,
И он не хочет с нею штудировать Шекспира,
А хочет дебет-кредит нам пару с ней сверять.

И ни стихов, ни танцев, и, как стальное шило,
Тоска пронзает душу, как чёрная стрела.
Уж лучше б она водку стаканами глушила
И, книжек не читая, от радости цвела!

Гуляла б, веселилась, играла бы не вальсы,
А песню «Чижик-Пыжик» на радость всей родне...
А тут — сиди и сохни, на калькулятор пялься,
На чёртов дебет-кредит. Ей кнопки режут пальцы,
Ей клавиши рояля мерещатся во сне...

2001

* * *

Я когда-то с ним учился в ВУЗе,
Пить портвейн ходил к нему в гараж.
Братцы, кто такой Володька Кузин?
Это высшей пробы персонаж!

А ещё — в России ли, в Союзе,
В городе, в деревне, да везде,
Самый первый парень — это Кузя,
Конь такой рабочий в борозде.

Что ему все камни и колючки, —
Силища бурлит, клокочет в нём,
Он пахать настроен до отключки,
Утром, ночью, вечером и днём!

Мысль, как будто семечка в арбузе,
У меня застряла в голове,
Мысль такая: Кузя — это Кузя,
Типа, белый гриб в густой траве!

Не опёнок жалкий и презренный,
Чтоб его ботинком сразу — шмяк!
И привет! Он крепкий, здоровенный,
Пусть не гриб, но брат мой и земляк!

Если ты, к примеру, в переделку
Попадёшь, мол, всё уже, каюк,
Продолжай спокойно опохмелку:
Кузя — самый лучший в мире друг!

Он врага ладонью, словно прессом,
По стене размажет: «Смирно, ... ь!
Шагом марш, пошёл отсюда лесом,
Не мешай ребятам выпивать!»

Вот и я в ночи хожу, петляю,
Мне поёт коварная метель:
«Спи, дружок мой милый, баю-баю!»
Я в ответ: «Пошла-ка ты отсель!»

Ничего, что ветер, как напильник,
Мне по рылу, падла, знай скребёт, —
Самый лучший в мире собутыльник,
Вовка Кузин рюмку мне нальёт!

Вот уже хрустящим караваем
Он на кухне потчует меня,
Мы в хорошем темпе выпиваем,
Стопарями полными звеня.

За окошком звёзды, как оливки,
Месяц — типа, как бы, чебурек.
Мне даёт настойки и наливки
Кузя — лучший в мире человек!

У меня мениск восстановился,
Потому что я, не чуя ног,
В смысле выпить к другу торопился.
Я к Володьке шёл на огонёк...

2016

* * *

- 1 -

Я сегодня немного волнуюсь,
Я со старта вошёл в колею.
Я с утра сам с собой соревнуюсь.
Я за Миху Гаврилова пью!

Чуть заем двести грамм кочерыжкой —
И опять добавляю чуток —
За него, за любимого Мишку.
Все по делу! Нормально, браток!

Вот возьму и спляшу «Кукарачу»,
Да вдобавок ещё и спою.
Эх, живём! Я усвоил задачу —
Я за Миху Гаврилова пью!

И пускай ледяной, ураганный
Ветер, сволочь, свистит надо мной,
Я стою, как солдат оловянный,
Как у Спасских ворот часовой!

Грозы, бури меня окружают.
Я-то знаю, чего я стою.
Я своих дружбанов уважаю.
Я за Миху Гаврилова пью!

Если кто-то под красное знамя
Скажет встать мне в неравном бою,
«Извините, — отвечу, — я занят,
Я за Миху Гаврилова пью».

... Я к нему наугад, бестолково,
Шёл, петлял меж камней и коряг.
Есть! Нашёл! Это здесь! Ну, здорово,
Дорогой мой братишка, земляк!

У него юбилей. Друг мой Миха,
Я скажу тебе умную речь,
Ты с бокалом в стороночке тихо
Сядь, послушай и мне не перечь.

Я в апреле родился, ты в мае.
Что тут скажешь? Салага, сынок.
Но при этом я шляпу снимаю,
Как ты мне в этой жизни помог.

Ближе к делу, вперёд, ёлки-палки,
Я настрой тебе нужный создам.
Я сегодня с тобой о рыбалке
Разговор поведу по душам.

Не рыбак я, бывают пробелы в спортивной судьбе.
Ты-то — профи по этому делу, спасибо тебе,
Что однажды меня в подмосковные дебри завёз ты, —
Был мороз «минус тридцать»; палатка на льду, на реке
Трепыхалась. И поезд какой-то свистел вдалеке,
И над нами сияли большущие синие звёзды...

- 2 -

Я в ту пору по жизни тащился
Криво, косо, зигзагами, вспячь,
Даже песни писать разучился,
Если так уж по правде сказать.

Лютой злобой, как сорной травой,
Прорастали во мне семена
Неудач и потерь. Сам не свой я,
Жил, пахал — ни покоя, ни сна.

Мне мозги разъедала незримо
Важных боссов брехня, болтовня,
Я запомнил ту смутную зиму,
Кризис личности был у меня.

Мои боссы, как злые барбосы,
Посрывались как будто с цепей,
Меж собою решая вопросы,
Кто из них в этой жизни главней.

Мне базар этот чёртов не нужен,
Лай, надрыв на слепом кураже.
К человечеству, к людям всё хуже
Относиться я начал уже.

Я с развалом на фирме смирился,
У меня — своё дело взамен,
Я в свободный полёт устремился,
Весь такой из себя бизнесмен.

Я крутился без лишней шумихи.
Эй, читатель, ау! хватит спать!
О себе, о рыбалке, о Михе
Я балладу хочу рассказать.

Мне работа мозги иссушила.
«Ну и ладно, бывает, устал,
Есть лекарство, — мне Миха Гаврилов,
Усмехаясь, тогда подсказал, —

Ты сперва поначалу расслабься,
И душа из-за груза хлопот,
Пребывая в режиме коллапса,
Понемногу сама оживёт.

А расслабиться где? На рыбалке!
Прямо так наливай да и пей —
Не в кустах под забором на свалке,
А в кругу задушевных друзей!»

Он ухи наварил. «Эй, — сказал он — очнись, старина,
 Помни, знай, что работа за шкуру держать не должна,
 И что нужен усталой душе хоть какой-нибудь роздых».
 Мы из фляги хлебнули всего-то тогда по глотку,
 Я с души своей сбросил, как тяжкую ношу, тоску,
 И глядел, замерев, как во льду отражаются звёзды.

- 3 -

Я в портфеле поллитру заныкал.
 «Мишка, глянь» — я ему козырнул.
 «В чем она, суть рыбалки, скажи-ка?» —
 Он вопросом меня ковырнул.

«Да, сто грамм для сугрева — святое,
 Тут и спорить-то даже смешно,
 Только очень уж тут непростое
 Мы порой наблюдаем кино.

Вот ты сам — ты всегда наготове,
 Пашешь, бьёшься, как рыба об лед —
 Та, что мы с тобой в проруби ловим,
 Что на нашу приманку клюёт.

Но ведь есть же какой-нибудь окунь
 Или там эксклюзивный карась,
 Что крючки наши острые боком
 Стороной огибают, смеясь.

И тебе, чудаку, может статься,
 Брать пример-то как раз надо с них,
 Чтоб тебе на крючке не болтаться
 У работы, у боссов твоих».

Он меня потрепал по загривку:
 «Ты же ведь не придурок, не пень.
 Не заглатывай, парень, наживку —
 Деньги, статус и прочую хрень!

Можно ведь и на дно с этим грузом
Фигурально пойти, знаешь сам —
Хоть на море к малькам и медузам,
А хоть к тем же речным карасям».

Да, бывает оно всяко-разно,
Но с мозгами я, в общем, дружу,
Невзирая на силу соблазна,
И сухим из воды выхожу.

Да, я парень немного с приветом,
У меня потаённая страсть —
Чтоб наживку глотать, и при этом
Ни к кому на крючок не попасть!

«Ладно, — Мишка решение выдал, —
Мордой к ветру давай становись,
Чтоб он дурь из мозгов твоих выдул
И гляди в межпланетную высь!»

... Ветер, ветер колючий и острый во мне выжигал
Все обиды на жизнь, полной грудью дышать помогал —
Без него, без рыбалки, без Михи досада и злость бы
Доконали меня, только вся эта хрень стороной
Пронеслась, кто ж меня доконает, когда надо мной
Как застывшие искры, далёкие синие звёзды?

- 4 -

Я в рыбацких делах, право слово,
Не сказать, чтобы был всемогущ.
Мне в нюансах подлёдного лова
Элемент дебилизма присущ.

Я сто раз повторю монотонно,
Что задача подбора снастей
Посильнее бинома Ньютона
И вообще этой физики всей.

Но спасибо Гаврилову Мишке —
Он, собравшись с запасами сил,
Шаг за шагом в устройстве мормышки
Мне по полочкам всё разложил.

Да, ребята, смеяться легко вам,
У меня же крошечный бардак
Был в башке. Но теперь я подкован,
Я реальный по жизни рыбак.

... А тогда — как болотные жабы
Тучи, тучи плывут в небесах.
Эх, Серёгу Евсенко сюда бы —
Сбавить музыку нам на басах!

Вот мы к фляге повторно приникли,
К нам Серёга, красавец, орёл,
Прикатил на своём квадроцикле,
Как он только дорогу нашёл?

Весь набор позитивных флюидов
Мы имели уже на троих —
Закусь разную всяческих видов,
Красотищу просторов родных.

Будто счастье за нами впритирку
Устремилось само по пятам.
Я Серёгу спросил с подковыркой:
«А чего это булькает там?»

Вместе мы. В этом суть. Я серьёзно —
Навык мыслить с рождения мне дан,
Всем известно, что я скрупулёзный,
Философский, научный пацан.

Я с мозгами дружу, с головою,
Я в трудах побеждаю, в борьбе,
Я гармонию жизни освоил.
Друг мой Миха, спасибо тебе!

Пусть над нами то смог ядовитый, то град, то гроза,
Но ведь есть оно счастье, ребята, раскройте глаза,
Да хотя б на рыбалке за жизнь зацепиться не поздно.
Вот и я до сих пор проживаю в любимом краю
И с Серёгой Евсенко за Миху Гаврилова пью,
И смотрю, как во льду отражаются синие звёзды...

2018

* * *

Петька, твой старьёй, по детскому саду дружок,
 Замок волшебный построил тебе из песка —
 С башней, с балконом, свечу возле входа зажжёт.
 «Взрослыми станем, — сказал, — и без споров и склок
 Точно в таком заживём навсегда, на века!»

Мамы на нас наглядеться в тот день не могли,
 Где-то оркестр за рекою чуть слышно звенел,
 И замирала печальная песня вдали,
 И над песочницей пух тополиный летел.

Вечность прошла. Утро. Митинг. Сто тысяч толпа.
 Луч милицейской мигалки, как острый тесак,
 В воздухе шарит. И Петька, тот самый, тебя
 Тащит по площади в серый стальной автозак.

Да, это он, так уж вышло, так карты легли,
 Ну и зачем ему в гуще событий и дел
 Помнить тот двор, как звенела та песня вдали,
 И над песочницей пух тополиный летел?

Вспомнил, узнал, пошутил: «Как там кости, целы?
 Всех вас таких куда надо сейчас привезут,
 Примут, возьмут на учёт, как на кончик иглы,
 Всем вам, очкарикам, крышка, хана и капут!»

Вот и участок. Дежурный — как пёс в конуре.
 Ливень по стёклам, собравшись с остатками сил,
 Бьёт, обезумев, и замок у вас во дворе
 Смыт без возврата, и ветер свечу загасил...

2013

* * *

Ночь на город легла, как тюленья туша.
Вот и время пройти по родным местам,
В дебри влезть, во дворы заглянуть, как в души.
В душах — тьма и раздолье шальным ветрам.

Месяц в спячке, и туча на нём, как намордник.
Воздух чёрен, но виден вдали проход.
Свет не гасит в окне дядя Вася, дворник,
Ждёт, не знает кого, уж который год.

Дядя Вася сидит у окна, он всё помнит,
Как весёлая шла кутерьма, чехарда
В непролазной глуши коридоров и комнат,
Как мы прочь укатили, ушли навсегда...

Злого ветра звучит заунывная нота.
Дом — как старый разбитый корабль, и в ночи
Капитан дядя Вася все ждёт, что хоть кто-то,
Хоть один из ушедших придёт, постучит.

Он чай до утра в одиночку гоняет,
Он в тельняшке и в шлёпанцах, с трубкой во рту
На балкон, как на палубу, тяжело ступает.
Он печален и тих, он один на борту.

Нас по белому свету ветра разметали,
И следов наших нет в переулках пустых.
Дядя Вася не спит — смотрит в дальние дали,
Ищет, ищет, высматривает своих...

... Ночь в лохмотья листвы, в серый снег разодета.
В дальних далях, вокруг — ни тепла, ни огня.
«Эй, свои! Где вы там?» — тишина, нет ответа.
Нет своих. Дядя Вася сидит у окна...

1995

* * *

Видный советский партийный и государственный деятель А. Микоян, находясь в ноябре 1962 г. во время Карибского кризиса на Кубе, был вынужден остаться там, когда умерла его жена — Ашхен Лазаревна Микоян; он не приехал на её похороны в Москве.

Нет на Кубе ракет. Будут долго отныне и впредь
Воду в ступе толочь генералы и лясы точить.
Анастаса смотрящим оставили — в оба смотреть.
Анастас Микоян не поедет жену хоронить.

Хочешь — рыбу лови, хочешь — пей до упада, пируй.
Чуть заснёшь — и друзья по оружию во всю свою прыть
Дел таких наворотят, что мама моя не горюй!
Анастас Микоян не поедет жену хоронить.

Он всё знал: век безумен и лих,
И отчизну в два счета от них,
Если что, отряхнут от таких,
Как подошвы от пыли.
Было всё: страх, и ужас, и бред,
А они, стиснув зубы в ответ,
Жили вместе почти сорок лет
И друг друга любили.

Он в шезлонге с бокалом у моря под пальмой сидит,
И стукач, дружелюбный пацан, предлагает: «Налить?»
И, как снежным ковром, сонный берег туманом укрыт.
Анастас Микоян не поедет жену хоронить.

Вот в сторонке стучач бородатым вождям с пьяных глаз
Балаболит, допив, что страна, как её ни любить,
Не жилец — что у вас, что у нас, если прямо сейчас
Анастас Микоян не поедет жену хоронить.

Как же он с ней по паркам ночным
Колобродил под ливнем шальным,
Та пора и сейчас ещё с ним,
Тот закат над Тверскою,
Те дворы довоенной Москвы,
Ветра свист, словно звон тетивы,
И обрывки осенней листвы
Над уснувшей рекою.

Вот и всходит над морем звезда,
А в России, в Москве холода,
Снег и стужа, ненастье, беда,
Люди злы с перепою.
Ну, а здесь, вон, Фидель, друг и брат,
Тоже зол, и вразброд, невпопад
Дни бегут, словно листья летят
Над Москвою-рекою...

2012

* * *

И дом продрог на холоде, и дождик-дуралей
Цеплялся, как помешанный, за каменные стены,
Листва летела клочьями с берёз и тополей.
Зачем ты, Катя Фурцева, вскрывала себе вены?

Печаль вошла в печёнку, как заточка под ребро.
Они тебя конкретно мимо кассы прокатили —
Они тебя не приняли в состав Политбюро —
За то, что ты не в коме, а в уме, в соку и в силе!

Душа дрожит от судорог, и рядом — никого,
А бывшие подельники грызутся, как гиены.
Они не стоят ногтя, заусенца твоего.
Зачем ты, Катя Фурцева, вскрывала себе вены?

И скоро уж отставка — слава Богу, не отстрел.
Без сердца и без чести упыри придут на смену!
Дремать у телевизора — таков он, твой удел, —
И водку пить стаканами, и в ванной резать вены!

И если скажут «Фас!», тебя фиксировать готов
Топтун из-под окошек, тупорылый, как полено.
Но все-таки прекрасна жизнь-подлюка, сто пудов!
Зачем ты, Катя Фурцева, вскрывала себе вены?

2008

* * *

А ему было худо, и камень на сердце тяжкий
Он, зубами скрипя, в свой последний унёс поход.
Возле школы сидим во дворе, поминаем Сашку,
И бездонен вдали подворотни сквозной пролёт.

Вот Серёга опять за своё: «Коль ушёл в дорогу
С тяжким камнем на сердце, то дело твоё труба.
Братцы, так не бывает, что все ни при чём, ей-Богу,
Кто-то должен сказать напоследок: «Мы ждём тебя».

Кто-то должен успеть — прошептать ли вдогонку, крикнуть:
«Ты вернешься! Ты нужен!», а там — хоть на край земли!»
... Нету Сашки, и сил наших нету понять, привыкнуть.
Мы сидим за дощатым столом. Мы свечу зажгли.

Вот бы смерть с недосыпу, с похмелья дала промашку,
Вот бы путь наш извилистый был от неё укрыт.
Да куда там? Сидим во дворе, поминаем Сашку,
Окна гаснут в домах, и листва с тополей летит.

И свеча чуть мерцает в ночи, как мираж в пустыне,
И над крышей, как обух, кривая висит луна.
Ветер воет осенний, и водка в стаканах стынет.
Мы продрогли насквозь. Мы, не чокаясь, пьём до дна...

2005

* * *

Ёлку нарядила, стол накрыла,
Струны натянула. Прочь, тоска!
Ласковый, красивый, добрый, милый,
Он к тебе придёт наверняка.

От огней оранжевых отдельно
И с шарами розовыми врозь
Старые игрушки вой метельный
Слушают с тоской глухой, смертельной,
Им на ёлке места не нашлось.

Вот они, забытые однажды, —
Дед Мороз с царевной в стороне,
И совсем не страшный волк бумажный,
И картонный рыцарь на коне.

Вот сосед с женой заглянут: «Спой нам!»
Вот затихнут музыка и смех,
И куранты звоном колокольным
Тишину расколят, как орех.

На дворе ненастье, вьюга злая.
Кофе ему сварен, чай согрет.
Он с гостями дома пьёт, гуляет,
Может, он придёт, а, может, нет.

Он большая птица, он в полёте,
Места не нашлось тебе опять
Под его крылом в дому напротив.
Он с какой-то дурой ляжет спать.

Ветер за окном скулит протяжно,
И грустят с тобою в тишине
Дед Мороз, царевна, волк бумажный
И картонный рыцарь на коне...

1988

* * *

Верка крутит обнову,
Обронив невзначай:
«Выхожу за другого,
Хватит, Ваня, прощай!»

Он ладонь ей понуро
Положил на плечо.
Он любил её, дуру,
Горячо, горячо.

Посошок — напоследок,
И какой-то барбос
На машине «Победа»
Нашу Верку увез —

То ли в Крым, то ли в Сочи.
Верка машет рукой:
«Эй, прощай, мой дружочек,
Задушевный такой!»

Все равно он влюблённый,
Он им танго сыграл
На гармошке с балкона,
И исчез, и пропал...

Жизнь, как кошка взбесилась,
Как метель в декабре,
И печаль поселилась
В нашем старом дворе.

Годы мчатся галопом,
Мы на лавках сидим.
По неведомым тропам
Ваня бродит один.

Ой, берёза согнулась
На ветру под окном.
Вот и Верка вернулась
Восвояси пешком.

«Ой, барбос мой зазнался,
Он мне больше не мил!
«Он подлец оказался,
Он мне юность губил!»

Верка скачет по кочкам,
Хочет с Ваней своим
Прогуляться — с дружочком
Задушевым таким.

Эх, зима, вон, всё ближе.
Верка шепчет: «Беда!
«Я его не увижу
Никогда, никогда!»

Не забыть ей до гроба,
Как из всех своих сил
Он ночами бок о бок
С ней в обнимку бродил,

Как он новую кепку
Для неё надевал.
Он любил её крепко,
Он ей танго играл...

1999

* * *

Ты с утра сам себе варишь кофе и кашу,
Пол метёшь по причине нехватки родни.
Мама с папой твои за границею пашут —
Дипломаты какие-то, что ли, они.

Ты душа факультета, весёлый студент-старшекурсник,
Жизнелюб, хлебосол, славный парень, душевный, простой:
От твоих угощений, от сладостей всяческих вкусных
Все девчата твои позитивный имеют настрой!

Ты друзей и подруг собирал у себя каждый вечер —
Много было их разных, и в каждом надежда жила,
Что всегда здесь нальют, и что праздник у них будет вечен,
И что хватит на всех в этом мире любви и тепла.

Ты такую гульбу на родительской даче
Развернул посреди родового гнезда,
Что про эти дела весь посёлок судачит:
«Это ж сколько он баб-то привозит сюда!»

Ты включал иногда олигарха, наследного принца,
Девоч мыслями в звёздную даль, в царство грёз уносил,
И дурёха одна из каких-то дремучих провинций
Полюбила тебя до потери сознания и сил.

Быстро дело пошло: холоднее, чем зимняя стужа,
Как бы так, она с виду была, но махнула сто грамм
И с утра, в твоих жарких объятьях себя обнаружив,
Заявила: «Я жизнь за тебя, если надо, отдам!»

Ты фруктовый коктейль отхлебнул из бокала —
Весь красавец такой королевских кровей,
И в рассветных лучах за окошком сверкала
Голубая роса на зелёной траве.

«Я тебе позвоню, — ты сказал, — а пока будь здорова!
Плотный график. Прости. То да сё, кутерьма, столько дел!»
И с портрета, со стенки придурок какой-то суровый —
То ли граф, то ли князь на тебя с укоризной глядел, —

Мол, вести сбя с дамой по-честному — это святое,
Как так можно, братишка? И ты ему тихо сказал:
«Если б ты столько бабок на «Сотбисе», сука, не стоил,
Я б в утиль тебя сдал, чтоб зазря тут не пялил глаза!»

Всё она наконец поняла, та дурёха,
И к калитке пошла, обронив на ходу:
«Если вдруг тебе станет особенно плохо,
Ты меня позови. Я на помощь приду».

Ты продолжил гульбу. Чтоб изжить тошноту и изжогу,
Виски лучших сортов постоянно держал под рукой —
Ты сидел у окна и потягивал их понемногу
И смотреться любил в зеркала: типа, вот я какой!

Полированный стол и стеклянные створки серванта —
Тоже вроде зеркал, ты и там тыщу раз отражён,
Молод, весел, кудряв, и ума в самый раз, и таланта,
И плечист, и красив, майку снять — так вообще Аполлон!

Ты запомнил её, неотёпу смешную —
Ветер мял лопухи, где-то поезд свистел;
Как кузнечики, капли дождя врассыпную
По крылечку скакали. Ты вслед ей смотрел.

Дождь три дня колотил по кустам, по раскидистой липе,
Под которой ты рос пацаном. И случилось оно —
Чтоб душою развеяться, ночью на папином «Джипе»
Ты каких-то дурищ длинногих повёз в казино.

И здоровый КАМАЗ на пути, как гранитная глыба,
Как скала перед вами возник, так уж карты легли.
Дальше — тьма, чернота. Тем ребятам со «Скорой» спасибо,
Что без признаков жизни в больницу тебя привезли.

Откачали. Очнулся. Два месяца в гипсе.
Вроде жив. «Поправляйся, — сказали, — пошёл!»
Ты смирился с судьбой, ты скукожился, свыкся —
Что теперь твой удел и суров и тяжёл.

Ты на даче в беседке, за чаем тихонечко сидя,
Получил от папаша звонок: «Будь морально готов!
Намудрил — отвечай! Никаких тебя больше субсидий!
Хрен тебе, а не виски элитных заморских сортов!»

И дружки твои все, с кем ты пил, как-то враз рассосались,
И девчата, что раньше во всю свою резвую прыть
Отжигали по полной вот здесь вот — с тобою расстались:
«Если праздника нет, то о чём нам тогда говорить?»

Это раньше ты был космонавт, небожитель,
А теперь ты в другой, так сказать, полосе!»
Ты кричать был готов: «Эй, вы, девки, скажите,
Почему вы такие циничные все?»

Где у вас доброта? Растворилась в безудержной злобе!
Где любовь к человеку? Просыпалась, как в решето!
Значит, если я в роскоши плавать уже не способен,
Как в реке крокодил, то и в жизни я больше никто?»

И казалось тебе, на портрете неведомой кисти
Важный граф тебе жезлом своим золочёным грозит:
Мол, ты сам-то кому что́ отдал, не имея корысти,
Без расчётов там разных? А ну, отвечай, паразит!

Ты дурёхе своей аж до боли, до крика
Всё хотел позвонить: приходи! помоги!
Только ты её номер куда-то заныкал
И пока вспоминал, изломал все мозги.

И о том, что с тобою стряслось, невесёлые вести
Ей сорока в её глухомань принесла на хвосте,
Что уже ты не принц, что в тоске, как в трухе нынче весь ты,
И не в жарких страстях, а в печали погряз, в пустоте.

И она в Подмоскowie твоё наудачу рванула.
Вот и станция. Сосны. Автобус. Знакомый маршрут.
Впрочем, нечего ждать, прочь от дыма, и лязга, и гула!
Тут пешком через лес от перрона — пятнадцать минут.

«Ты очнёшься!» — шептала она всё упрямей
И по узкой тропе, как по лезвию, шла,
И венки из цветов, что росли под ногами,
Непонятно зачем по дороге сплела.

Вот уже и твой дом. Нет звонка, отключён. Что за мода?
Это ты так решил. Ты жестоко обижен на баб,
Что когда тебе дали костыль, пусть всего на полгода,
И на лбу твоём шрам, ты для них лишь прошедший этап.

Но калитка открыта — и вот уж она осторожно
Заглянула, вошла: «Постучу, подожду, и назад —
Десять, двадцать минут, полчаса, ну, а что, сколько можно?
Если он не откроет, то всё, значит, он мне не рад».

И шептала она «Ну, почувствуй же, выйди!»
Ты с бокалом скучал у камина, в тепле.
Ты не видел её. Ты не мог её видеть.
Ты смотрел на своё отраженье в стекле.

Истекли полчаса. Ты её у порога не встретил.
Всё, конец. Нет её. Ну, а ты, сам себе командир,
Что сошлись твои звёзды сейчас вот и здесь — не заметил, —
За поллитрою пива ворчал, как жесток этот мир.

И туман всю округу накрыл покрывалом пушистым,
И она свой венок на крыльцо, как спасательный круг,
Положила тебе: «Ну, плыви же, ты, чёрт, ну, держись ты!»
И вдали где-то замер вагонных колёс перестук.

Что потом? Ничего. Тяжело и угрюмо
Стены давят тебя, как стальные тиски.
Вот она, твоя жизнь — ни веселья, ни шума, —
Одиночества омут, трясина тоски.

И часы тебе бьют: «Где тут жизнь, может, разве во сне лишь?
Душу режет и рвёт на куски этот дьявольский звук, —
Спета песня твоя, если ты разглядеть не умеешь
Даже пусть из цветов полевых свой спасательный круг».

Ты картину с тем графом покрепче к стене присобачить
Захотел, но не стал — вроде вновь он беззвучно орёт:
«Если нет ничего за душой, кроме папиной дачи,
То и круг никакой эту душу уже не спасёт!»

Ты укрыт от ненастья под каменной крышей.
Ты с бокалом в закатной сидишь полумгле.
«Просыпайся! Очнись!» — бьют часы. Ты не слышишь.
Ты глядишь на своё отраженье в стекле...

2018

* * *

Я всегда по жизни был (я начну от печки)
С госпожой Фортуною в корешах, в родстве.
Я однажды в «Лексусе» покатил по встрече
Со своей красавицей по ночной Москве.

Я летел, выписывал кренделя и петли,
Я врубил «сто семьдесят», хохоча взахлёб,
И какой-то хрен со мной аж на красном «Бентли»
Не сумел разъехаться. Мы столкнулись в лоб.

Хоть мы оба выжили, я ему не рóвня,
Это факт доказанный, а не мелкий вздор —
Что родной отец его — генерал-полковник,
Ну, а мой — всего-то лишь генерал-майор.

Вот и суд недолог был, да ещё, вон, папа
Подмогнул, спасибочки, восемь лет — мой срок —
Вместо трёх. Он всё ж таки не старлей, не прапор —
Был услышан, машет мне: «Посиди, сынок!»

... Звёзды в тучах спрятались, расползлись, как мыши.
Ветер, сволочь, носится по сырой листве.
А моя красавица, пацаны мне пишут,
С тем козлом катается по ночной Москве!

Чем ходить стреноженным, да в тугой уздечке,
Лучше воля вольная, лучше жизнь, чем смерть!
... Если ты с красавицей покатил по встрече,
Не врубай «сто семьдесят», а нормально едь!

2017

* * *

С. В.

А нам бы с ней чай потихоньку хлебать из блюдца,
А нам бы ей розы дарить при любой погоде...
Кусты и деревья под ветром холодным гнутся,
Кончается лето, и Светка от нас уходит.

И ветви в решетку сплелись, кабинет — как клетка.
«Я всё отдала здесь — она у окна вздыхает, —
Хоть раз бы когда похвалили, сказали: Светка,
Устала, ошиблась — держись, ничего, бывает!»

Берёзы озябли под небом сырым и блёклым.
А дел было много, и праздники были редко —
Почти никогда. Даже дождь, вон, стучит по стёклам:
«Работай, работай, работай, работай, Светка!»

И сердце у Светки бездомным дрожит котёнком,
Свой вроде рядом, а ты — словно в чёрной чаше.
А доброе слово — как пламя свечи в потёмках,
Когда ты свой воз вверх и вверх до упада тащишь.

Да как-то неважно у нас со словами, братцы,
И катится жизнь, улетаёт шальной монеткой,
А нам бы с гитарой хоть раз у костра собраться,
Да как-то ни слов и ни песен. Прости нас, Светка,
Да как-то ни роз, ни ромашек, прости нас, Светка,
Удачи тебе, мы тебя не забудем, Светка...

2010

РАЗДЕЛ II

*Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдёт минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.*

*Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

*Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.*

И т.д.

Пушкин А. С.

Это одно из самых моих любимых пушкинских стихотворений. Говоря о его содержании, готов подписаться под каждой строкой. Но, прожив немало лет, я в какой-то момент захотел дополнить текст Пушкина своими рассуждениями. Учёные критики назвали бы это переключкой поэтов. Я мало с кем из поэтов согласен переключаться, Пушкин — один из них, я его безмерно люблю и уважаю, но всё же не удержался от некоторых дополнений по существу.

* * *

Хоть и движемся мы строго порознь,
Эй, поэты, кто начал свой путь,
Перспективная юная поросль,
Старших слушай, усваивай суть!

Столько будет всего впереди там,
Столько будут глупцы вас клевать...
Это нам уж, седым и маститым,
Тыщу раз на толпу наплевать.

Мы-то древние как бы такие —
Я, Гомер там, Петрарка, Шекспир,
Тот же Пушкин. Но вам, молодые,
Я скажу, как непрост этот мир.

Ну чего там неясно с глупцами?
Не хочу никого обижать,
Только лучше всего огурцами
Им на рынке идти торговать.

Так ведь нет — не желают, и всё тут,
Им бы глотку скорей промочить
И под собственный гогот и топот
Нас азам и основам учить —

Мол, вот здесь ты пошёл против правил,
А вот здесь не сумел устоять
И словцо непечатное вставил,
А ведь мог бы его не вставлять.

Да и ладно. Мы сами с усами.
Нам бубнёж их унылый не впрок,
Всё же мы, как-никак, с небесами —
Со Вселенной ведём диалог.

Я писатель и поэт, весь такой из себя остролов,
И, внимая великим, различных учёных ослов —
Знатоков, типа, критиков с речью их скучной, убогой
Ну, никак не приемлю. Пошли они все! И притом
Сам себя иногда вдруг таким ощущаю ослом,
Что в пивную к друзьям за советом иду, за подмогой!

Вон, Андреич, мой друг, ты смотри-ка! —
Трезвый, чёрт! Я с вопросом к нему:
«Есть в мозгу у меня закавыка,
Даже странно порой самому —

Вот помру я, а как же иначе? —
Всё живое когда-то помрёт, —
И такой вот нюанс, незадача,
Типа камешка в мой огород:

Кто потом-то меня прочитает,
Над строкой моей пустит слезу?
И, выходит, затея пустая,
Что свой воз я по жизни везу,

Что от рифм голова моя пухнет,
Отзвенели там все соловьи, —
Словно камера смертников, кухня,
Где творю я шедевры свои!»

К нам на шум, словно катер, подчалил
Мой старинный товарищ, Васёк,
Мне «Зубровки» для бодрости налил:
«Я хочу, чтоб ты чётко усёк —

Никакой ты, братишка, не смертник!
Почему? А как раз потому,
Что поэт — он для вечности сверстник,
Пусть и плачет петля по нему.

Даже пусть его пуля находит.
Это мелочи всё, ерунда —
Если стих твой известен в народе,
Значит, ты не умрёшь никогда!»

И, пивка отхлебнув, я идею нутром осознал:
У поэта, когда он один, прост и скучен финал —
Он во мраке веков одинокой снежинкой растает.
Раз уж взялся писать, я скажу, то дружи с головой,
Пусть проносится время, летит наугад — ты живой,
Если живы другие, кто любят тебя и читают.

Так. Не зря я сюда заявился.
Я им Пушкина, кстати, прочёл —
Тем, кто слушать меня согласился.
Я бутылку поставил на стол.

Комментарии были конкретны:
«Ты за подвиг награды не жди,
Будь ты хоть патриот беззаветный,
Хоть в трубу боевую дуди!

Знай, поэт, что нельзя по-другому —
Хоть в какие шагай ты края,
Есть простая, как пень, аксиома,
Что тебе не дадут ни ...!

Хоть пройди ты весь путь до упаду
С земляками в едином строю,
Не похвалят тебя — очень надо! —
За геройскую доблесть твою.

Если даже получишь по роже
Или ранят тебя из ружья,
И внезапно ты голову сложишь,
Всё равно не дадут ни ...!

Скажут, был он отважный и дерзкий,
Вот и нету её, головы,
Но в любом производстве издержки
Существуют. И будут правы».

Да, согласен я. Нет перекося
В этих тезисах. Как ни крути,
От такой постановки вопроса
Никакому творцу не уйти.

Эй, поэт, будь готов ко всему и хлебало не хмурь!
Ждать при жизни каких-то там бонусов — полная дурь.
Быть соперником космосу — вот она, доля твоя,
Ты же сам себе космос. А, значит, расслабься, поэт,
На кормушку с халявой глаза не коси, смысла нет,
Потому что тебе всё равно не дадут ни ...

А вдобавок любому поэту
Я сказал бы простые слова:
Знамо дело, дружок, спора нету,
То, что ты сам себе голова.

В путь пошёл? Молодец! Ать-два левой!
Спать охота? Ложись! Баю-бай!
Но при этом в режиме припева
День и ночь про себя повторяй:

«Есть в России нормальные люди,
Кто способен слова понимать,
Кто умеет, и хочет, и будет
Из развалин её поднимать,

Кто за нашу великую землю
Грудью, насмерть стоит, до конца,
Не придуркам из телека внемля,
А работая в поте лица!

Будь с народом, с людьми, в самой гуще,
Как столовая ложка в лапше.
Пусть он даже немного и пьющий —
Тот народ, что тебе по душе.

Если что-то чего у тебя там
Сикось-накось, не в склад и не в лад,
Ты иди за подмогой к ребятам,
Ты совета спроси у ребят.

И по жизни шагай полным ходом,
Да с улыбкой, чтоб рот до ушей!
И один не живи. Будь с народом —
С тем, который тебе по душе!»

Эй, творец, это всё несущественно — царь ты, не царь!
Хренотой, ерундистикой сам себе мѳзги не парь,
И вообще — композитор, художник, поэт, да хоть кто ты,
Спесь, гордыню — долой! И чего о тебе говорят —
Очень даже полезно послушать нормальных ребят —
Есть такие, я видел. Не все же вокруг идиоты!

За искусство, за жизнь превентивно пол-стопки приняв,
Чтобы пиво потом лучше шло, я скажу: «Пушкин прав
(Умный был человек), я хочу лишь дополнить немного:
Будь весёлым, поэт, беспокойным, царя не включай,
А уж коли кручина-печаль полоснѳет невзначай,
Скрутит в узел тебя, ты к ребятам иди за подмогой...»

2018

РАЗДЕЛ III

В этом разделе — несколько песен о спорте. Продолжаю дружить со спортсменами разных времён и не могу о них не писать песен и стихов.

* * *

Подъём. Двое в связке — сильны ж они, черти, ей-Богу!
Меня высота превратила в полено, в бревно.
Я знать их не знал, но они мне пришли на подмогу.
Теперь только спуск, вот такое вот вышло кино.

Снегом склон занесло
В пять секунд, так бывает в горах.
Вот и солнце зашло,
Вот и сумрак в башке, вот и страх

Лёг на грудь, как удав.
И, судьбу втихомолку кляня,
Зубы до крови сжав,
Эти двое тащили меня.

Я звал их к каким-то русалкам — да вон они, братцы, —
Чего-то весёлое хором галдят вразнобой!
Давайте туда! Мне сказали: «Не смей отключаться!
Пока ты хоть как-то стоишь ли, идёшь — ты живой!»

Я в сугробах увяз,
Я завял на корню и зачах,
Я ступал через раз,
Я болтался у них на плечах.

Мимо трещин наш путь —
Всё смешалось, ни ночи, ни дня, —
Сквозь кромешную муть
Эти двое тащили меня!

Я взять собирался вершину с налёта, с наскока,
Я лез, как баран, на неё, и теперь вот — антракт,
Тягучий и злой, и какая-то хмарь, поволока
В башке у меня. Я куда-то уплыл, это факт.

Полубред, полусон,
Карусель, свист и скрежет в мозгу,
Лунный свет полосой
Зыбкой, мутной, дрожал на снегу.

Образ в мозге мелькал —
Дом, застолье, гармошка, родня,
И по льду, среди скал
Эти двое тащили меня!

Пурга накатила. Нам ветры все уши провывли.
«Не спи, не тупи, — мне сказали, — картина ясна.
Чего там лукавить? Теперь это гонка навывлет —
Вот этот наш спуск. Шевелись, а иначе — хана!

Лёг, свалился — ползи!»
... Нас не тронул ледовый обвал,
Хоть и грохнул вблизи,
Видно, Бог мне в пути помогал,

И берёг, и хранил,
Где вокруг — ни жилья, ни огня,
Потому что они,
Эти двое, тащили меня!

Мы к лагерю вышли. Они меня в нужные руки
Отдали: ну, всё, тренируйся, дружи с головой,
С гармошкой к русалкам своим заявись — руки в брюки,
Башки не теряй там. Пока ты в уме, ты живой!

Им наверх ещё лезть,
Им обратно идти на подъём:
«Всё, пора, время есть!
Мы ещё до вершины дойдём...»

Им из термоса чай —
На дорожку дают посошок,
И во сне, невзначай
Я шепчу: «Да поможет вам Бог...»

2017

* * *

Мы были молоды, сильны и бесшабашны,
А он — чуть старше, молчаливей и мрачней.
И на маршрут, как на прогулку, как на пляж мы
Пришли в тот год — гора сложна, и хрен бы с ней!

О судьбах мира, мать божья,
О надежде, о мечте,
Под ледопадом, у подножья,
Привыкая к высоте,

Мы за стаканом, час за часом,
Про начало всех начал
Который день точили лясы,
Только он один молчал.

И каждый вечер — нам казалось, что не кстати —
Он нас учил суставы, связки разминать,
И был вопрос в его глазах вполне понятен:
Мы кто вообще, чтоб не по делу тут болтать?

Бывают умные спортсменки,
И у нас такая есть —
Мозгов полно у нашей Ленки,
Чтоб саму латынь прочесть!

Она прочла: «Молчи и делай» —
Всё. И больше ничего —
Наколку Ленка углядела
На запястье у него.

Мы заползли на шесть пятьсот и там застряли,
Мы на красоты рты устали разевать.
Мы в жарких спорах больше время не теряли,
Вопрос один был: как нам дальше выживать?

Сквозняк холодный ёрзал в пузе —
Что-то как-то не того!
Нас высота скрутила в узел —
Всех подряд, но не его.

Лежим. Вершина высока.
Он нас с утра в печаль поверг:
«Вы отдохните здесь пока,
Я просто сбегаю наверх».

Металась, нервничала, дёргалась природа,
Сезон дождей был на подходе, на носу.
А он взошёл на восемь сто без кислорода —
Взбежал, взлетел, пока мы чухались внизу!

У нас над ухом смерть свистела,
Камни падали со скал,
А он пахал — молчал и делал —
Шёл, рубился, рисковал.

Мы травим байки втихомолку.
Не взошли. И что с того?
Но помним, помним ту наколку
На запястье у него!

И красно солнышко, как овощ с огорода,
Подлюга ветер утащил за перевал.
А он взошёл на восемь сто без кислорода,
А после нам ещё спускаться помогал.

У нас палатки снег засыпал,
Глянь вокруг — белым-бело.
Нас, злых и вялых, с недосыпа
Било, глючило, трясло.

Эх, где ты, базовый наш лагерь?
Холод, ночь. Пропала связь.
Эх, нет живительнее влаги
Той, что там рекой лилась!

Мы ухайдоканные в ноль. Конец походу.
Нас ветер странствий уморил и умотал.
А он взошёл на восемь сто без кислорода —
Он свой баллон каким-то «чайникам» отдал.

Как будто чёрт когтями чиркал,
Ветер тёрся возле щёк,
А он нас каждого за шкуру,
Спотыкаясь, вниз волок.

У нас у всех оно впервые —
То, что ноги не идут.
«Ну ни хрена себе? Живые!»
Он довёл нас. Всем салют!

И если жизнь свою, братишка,
Ты не хочешь продолбить,
То и шуметь не надо слишком —
Надо делать и молчать.

И чтоб душа дружила с телом,
Чтобы свет не гас в ночи,
Молчи и делай, делай, делай,
Делай, делай. И молчи!

... Вот мы напитки бросим пить, —
Суставы, связки разомнём,
И снова будем лёд рубить,
И снова вверх на штурм пойдём...

2017

* * *

Чёрных елей угрюмый конвой
Нас у входа в каньон стережёт,
И в обнимку с последней листвой
Первый снег закрутил хоровод.

Сушим вёсла. Закончен маршрут.
Пой, Серёга, всю ночь до утра.
Звездопад — как прощальный салют.
Мы с Серёгой сидим у костра.

Сердце скачет и бьётся в груди,
И тоска, словно бритва, остра.
Наш убийственный спуск позади.
Мы с Серёгой сидим у костра.

Нам стократ перемкнуло мозги.
«Мы вернёмся сюда, — шепчет он —
Мы реке отдадим все долги,
Мы пройдем этот чёртов каньон».

С вольным ветром, с высокой водой
Нам до лета прощаться пора.
Вьюга воев над горной грядой.
Мы с Серёгой сидим у костра...

1996

* * *

Фарватер сложен. Русло скручено в петлю.
Большие волны завалить нас норовят.
А он хохочет: «Это я вас завало!», —
Серёга Крюков, зубоскал и здоровяк.

Как ястреб за косулей по пятам
На бреющем несётся вдоль горы,
И клюв — как нож, и когти наголо,
Вот так за нами страх и тут, и там,
Летит, бежит. И камни, вон, остры,
И брызги — словно битое стекло.

А у него всегда консенсус и контакт
С любой стихией, для него она — пустяк!
Когда нам страшно — он смеётся, это факт —
Серёга Крюков, зубоскал и здоровяк!

... У нас булыжник на пути размером с дом,
Психоз и обморок у нас, озноб, оскал,
И лишь Серёга бьёт по шлему кулаком:
«Да что ж я раньше-то сюда не приезжал!»

Ой, как нам худо было на реке!
А он на всю катушку, в полный рост
Живёт и жил, и нам сумел включить
Одну простую формулу в башке:
Зачем сюда лететь три тыщи вёрст —
Неужто, чтоб с маршрута соскочить!

Душа у девок замирает и звенит
При виде Крюкова: возьми нас, типа, в плен,
И там держи! Он для девчат — маяк, магнит,
Наш друг Серёга, сердцеед и супермен!

И если юная блондинка в пустоту
Со склона шмякнется — вот так вот прямо — шмяк!
Её подхватит, как снежинку на лету,
Серёга Крюков — зубоскал и здоровяк!

К нам ночью в лагерь через перевал
Пришёл, на распальцовке весь такой,
Не кто иной, как снежный человек.
Серёга его взял и вверх поднял,
И подержал за шкирку над рекой:
«Не ты, а я хозяин этих рек!

Подумай сам — мы их конкретно бороздим
И поперёк, и вкось, и кривь, и так, и сяк.
Остынь, дружок, не то в музей тебя сдадим!
Ведь ты нормальный с виду парень, не ...к!»

И он остыл, и спирту выпил, а потом
Серёгу ласково похлопал по плечу:
«Прости, братишка!» — и пошёл своим путём:
«Я экспонатом быть в музее не хочу!»

... К нам на воде с утра звездац пришёл —
Катамаран заклинило в камнях,
У каяка от носа до кормы
Дыра в борту. Серёга всех завёл —
У нас, как медный колокол, в ушах
Серёгин крик: «Стихия — это мы!»

Серёга прыгнул на скалу, размял сустав:
Поднял весло: «Звездац, я вот он, и чего?»
Звездац всё понял, и, затылок почесав,
Растаял, сволочь, рассосался, нет его!

Каяк починен, и в кустах катамаран
Спокойно дремлет, как объезженный мустанг.
Стоянка. Берег. Ветер блеет, как баран.
Порог ревьёт за поворотом, словно танк.

Хлебаем суп, глядим на карту у костра.
Луна на небе, как на лбу большой фингал.
Нас завтра в бой пошлёт: «Ни пуха, ни пера!» —
Серёга Крюков — здоровяк и зубоскал.

И я сказать могу и в песне, и в стихе:
Пусть дама в чёрном к нам с косой из-за угла
Придёт в ночи, Серёга скажет: «Хе-хе-хе!
Ребят напрасно не тревожь, а ну, пошла!

Какого хрена тут под носом шебуршить?
Тебе секунда, чтоб смотаться — в самый раз!»
... И нет её. И мы живём, чего не жить,
Когда такие, как Серёга, среди нас?...

Живи, Россия, физкультуру не бросай,
Дружи со спортом, бей рекорды, меньше пей.
Вот я, к примеру, хоть слегка и раздолбай,
Но далеко не самый слабый из людей.

... От нас отскочит, если что, любой урод,
И убежит к чертям собачьим грозный враг,
Когда его с усмешкой встретит у ворот
Серёга Крюков — зубоскал и здоровяк.

2017

* * *

С. Холцевникову

Буйной силой, звериным оскалом
Мы сильны. Это то, что искал он.
Он без лишних речей,
Бесшабашен и зол,
Словно банду чертей,
Нас собрал и повёл,
Мы прозвали его Адмиралом.

Мы шли напролом по высокой воде в то лето,
Неслись по порогам далёкой большой реки,
Он был впереди, он кричал: «Веселей, атлеты!
А ну, не бояться! А ну, не терять башки!»

И река, извиваясь, дрожала
Среди скал, как змеиное жало,
И над нами висел
Месяц — острый тесак,
«Отыщи свой предел,
Сделай шаг, главный шаг!» —
Это были слова Адмирала.

И кто из нас кто — он со старта усвоил чётко,
И где чей предел, и кричал, кому надо: «Стоп!»
Концы не отдашь, если держат тебя за глотку
Такие, как он. И смеялась река захлёб...

И, борта в водопадах ломая,
Мы дошли до предела, до края,
Ветер плакал и выл,
Как голодный шакал,
Нас за шкирку ловил,
Нас спасал Адмирал,
Из воды, чуть живых, вынимая.

Беспечных и наглых, он взял нас с собою в дело,
Нас волны безумные били со всех сторон,
Спасибо, Серёга, что живы мы все и целы,
Что снова сегодня сидим за одним столом...

2016

* * *

А. М.

Он шутил, он шёл неплохо,
Он веслом работал шустро,
Где пороги без подвоха
И с помехами не густо.

Но забрался снег в палатки,
Но пошла игра навывлет,
И река, как псих в припадке,
Колобродит, дебоширит.

И, позавтракав обильно,
Он сказал нам между прочим:
«Я пока что не двужилый,
Для меня маршрут окончен».

Мы уткнулись в миски-кружки,
Ни черта не отвечая,
Он собрался, сделал ручкой
И заначил пачку чая.

Мы не ладили с рекою,
Снег и ветер нам хамили,
Мы узнали, что такое
Бабье лето на Памире.

Он в воде не кувыркался,
Он шагал к жилью, скучая,
Он не слишком волновался,
Он заначил пачку чая.

Мы нашли его, беднягу,
Отпоили, откачали,
Он с тех пор сюда ни шагу,
Где в пути одни печали,

Где дорога рвёт на части
И берёт тебя под ноготь
За сомнительное счастье
Облака рукой потрогать.

Он от чая отучился,
Он по-шустрому, ретиво
На портвейн переключился
Всех сортов, любых разливов.

Он зальёт бурдой некрепкой
Оба глаза на пол-суток
И рассказывает девкам
О неведомых маршрутах...

1983

* * *

Моим русским друзьям, живущим в Окленде (Новая Зеландия) и не бросившим меня в трудную минуту, посвящена эта песня.

Рождает же свет дуралеев!
Вчера вот атлет и амбал,
Каякер Серёга Киреев,
По пьянке медаль про... л!

Вот он с перекошенным рылом
Всю ночь до утра напролёт
Ребятам, с которыми пил он,
Сигналы о помощи шлёт:

«Куда мне домой без награды?»
Ребята ворчат: «Беспредел!
Медаль про... ть! Это ж надо!
Да как ты, паскуда, посмел?»

Ты рвался на трассе к победе,
И что теперь? Стыд и позор!
Вот ты восвояси приедешь —
Такой без медали призеёр.

Ты будешь в сомнительной роли
Смотреться, когда тебе в лоб
На паспортном скажут контроле:
«Обратно езжай, долб... б!

Чего ты свой паспорт в окошко
Суёшь нам? Мы видим и так,
Что ты ... нутый немножко,
Что ты не спортсмен, а ... к!

Твою молодецкую удаль
В гробу он, народ наш, видал!
Иди-ка ты ... отсюда,
Каякер, атлет и амбал!»

Ребята весёлые рожи
Нацелили в дальнюю даль:
«Да ладно, братишка, поможем,
Отыщем мы эту медаль!

Мы на уши город поставим,
Мы все кабаки обойдём,
Мы всех, кого надо, удавим,
И всё, что ты скажешь, найдём!»

И вот оно, чудо, случилось —
Медаль, набекрень завалясь,
Взяла и сама прикатилась,
Сама с перепуту нашлась!

И, лёжа в холодной кровати,
От поисков мрачен и вял,
«Вот это оно очень кстати! —
Серёга Киреев сказал, —

Секунды, часы и минуты
Уйдут, как вода в решето,
И мне то, что я ... нутый,
Теперь уж не скажет никто
(медаль-то нашлась).

Мне надо от жизни немного:
Гитару, весло и бокал,
И знать, что ребята помогут,
Когда ты медаль про... л!»

2017

* * *

Был же он, был при деле —
Шайбу гонял по льду,
Трезвый, стремился к цели,
С жизнью, с судьбой в ладу!

Вышел в тираж, испёкся,
Шерстью зарос густой,
Пьянством, гульбой увлёкся,
В омут попал, в застой!

Грязный, страшнее чёрта,
Ночью домой идёт, —
«Слава героям спорта!» —
Мне через дверь орёт,

Воет, вопит по-волчьи,
Сводит меня с ума.
Я с ним на нервной почве
Вою уже сама:

«Хватит, очнись, скотина,
Листья стряхни с башки!
Шведы, канадцы, финны,
Помнят твои броски!

Что ж ты мурло к стакану
Тянешь без слов, без сил?
Ты ж приносил тюльпаны,
Ты ж человеком был!»

Вот я стою в подъезде,
Вот он сквозь дождь и мрак
С тварью какой-то вместе
Рысью бежит в кабак!

Греет её, голубу,
Ласковым хочет быть,
Хочет хрустальный кубок
Взять, да и весь пропить!

Ой, как по шайбе хитро,
Он на лету лупил,
На Олимпийских играх
Лучшим из лучших был,

Водки не пил, не ведал,
Чёрной глухой тоски,
Финны, канадцы, шведы
Помнят его броски...

1992

* * *

Сам поэт Евтушенко сочинял ему гимны.
Сам певец Магомаев с ним ходил в ресторан.
А вчера вот с утра он последних две гривны
Дал к расчёске в придачу за неполный стакан.

И самому
Жаль, что на льду
Не околел.
Дайте ж ему
Рупь на еду,
На опохмел.

Он врез́ался в борта, он ломал себе шею
В Монреальях, в Стокгольмах, за любым рубежом,
А теперь он лицо своё жуткое бреет
Раз в четыре недели перочинным ножом.

Вот он губой
Дёрнул кривой —
Белый, как мел, —
Травмы болят!
Вот тебе, брат,
На опохмел!

Говорил главный шеф, гад, мясистая морда:
«Пусть горит этот бывший самым ярким огнём!»
Ну, так что ж, он горит — вон, стяхнул с себя чёрта
И кричит нам: «Ребята, все нормально, живём!»

Он по уму
Дачу в Крыму
Взять не сумел.
И потому
Дайте ему
На опохмел.

Он к нам в тапках идёт, закаляется, с понтом.
Не сдавайся, товарищ, будь спокоен и твёрд!
Если мы с тобой пьем, значит, мы тебя помним.
Значит, мы уважаем физкультуру и спорт!

Ты народом любим, ты в стакан смотришь прямо,
И медаль, вон, на майке нам видна под пальтом.
А спортивного шефа, проходимца и хама,
Никогда не уважит и не вспомнит никто.

Ты по злобё
Стерве-судьбе
Машешь, кричишь:
«Чучело, тварь!»
И под фонарь
Встал и стоишь.

Глядя с тоской
В корень и вглубь,
Мент подлетел:
«Брат, мы с тобой!
Вот тебе рупь
На опохмел...»

1983

* * *

Солнце тает в рассветном тумане,
Я стою, как дурак, у окна.
Я устроил дебош в кегельбане,
Я явился на матч с бодуна.

Я расслабился, братцы, не скрою,
За неделю со мной от тоски
Пару раз приключалось такое,
Я скучаю по вас, мужики!

Я до хрипа с арбитрами лаюсь,
Я по шайбе, как проклятый, бью.
Я в Торонто за бабки ломаюсь,
Клубный гимн по отмашке пою.

Я трясусь, как колдун, ежечасно
Над разбитым коленом своим.
Я не так уж и быстр. Эх, напрасно
Я нарушил спортивный режим!

Голос тренера вязок и вкрадчив:
«Ты к победным атакам остыл,
Ты в последних пятнадцати матчах
Ничего никуда не забил.

Ты соперника рвал в обороне,
Ты катил на него, как трамвай,
Вот и будь вышибалой в законе,
Самых шустрых со льда вышибай!»

Штангу жму по утрам. Мои плечи
На глазах разрастаются вширь.
Моё дело — крушить и калечить,
Я — кувалда, боец, богатырь!

Я считаю соперникам рёбра,
Я любого с пути уберу,
Я слежу за добычей, как кобра,
Я играю в чужую игру!

Вот на выезде бьёмся в Чикаго,
Я от местной звезды ни на шаг.
Он зубами скрипит, бедолага,
И трибуны вокруг — на ушах.

Он к воротам несётся по краю,
Я его с потрохами сожру!
Я иду на таран. Я играю
Не в свою, а в чужую игру!

Я с другой стороны горизонта
Прилетел — из-за синих морей,
Я узнал в этом самом Торонто,
Что такое канадский хоккей.

Шайбу в зону, как мясо овчаркам,
Я бросаю, и мчусь, и ору:
«Всех размажу! Сейчас будет жарко!»
Я играю в чужую игру.

Вот зажётся свечой поминальной
За воротами красный фонарь.
Я талантливый, я гениальный,
Но не я здесь, другой — бог и царь, —

Сашка с Химок, герой Подмосковья,
Мой партнёр, он забил им, чертям!
Он, стервец, из России с любовью
Шлёт приветы чикагским парням!

В уголке на разбитое рыло
Лью зелёнку средь белого дня.
Русским танком, слоном и гориллой
Называют партнёры меня.

Лёгкий форвард, идущий в обводку,
Гений паса, технарь, голова, —
Я им был, а сегодня в охотку
Всё живое крушу, как дрова.

Не коронным финтом, не бросками
Я команде победу кую,
А стальными своими клешнями
В честной драке, в кулачном бою.

Я в атаке дружка прикрываю.
Всё твоё здесь, когда ты здоров:
Смех подруг, номера на Гавайях,
Гром оваций и море цветов.

И ни друга, ни свата, ни брата,
Если слабым ты стал и больным,
В общем, будьте здоровы, ребята,
Соблюдайте спортивный режим!

1995

С. Киреев, спартакиада в пионерлагере «Ленинец», 1965

С. Киреев, Подмосковьё, 1966

*Река Обихингоу (Таджикистан), 1982,
спортсмены московского «Буревестника»*

С. Киреев, 1984, верховья реки Бзыбь (Кавказ)

Тянь-Шань, 1958, крайний справа (стоит) — мой отец

С. Киреев, Непал, Гималаи, 2012

С. Киреев, 1978, Хибиньы

РАЗДЕЛ IV

Девяностые годы прошлого века почему-то прозвали лихими, тем самым, на мой взгляд, неоправданно снизив степень лихости других наших российских и советских десятилетий. Для меня это время интересно в первую очередь тем, что в нём, говоря языком советских пропагандистов, всегда было место подвигу. На моих глазах одни люди уходили в глухую безвозвратную депрессию, потеряв статус и связанные с ним привилегии прошлой жизни, другие же являли собой образцы смелости и работоспособности, благородства и воли к победе. Вчерашние кандидаты наук вставали у подземных переходов, торгуя продуктами и вещами; мастера различных искусств пели в тех же переходах, зарабатывая на жизнь; некоторые из них плясали под гармошку на вокзалах и улицах, люди создавали фирмы, прогорали, снова создавали фирмы и снова прогорали. В отличие от большинства моих собеседников, я говорю, что это не плохо, а хорошо — наши люди стали жить, как весь мир живёт:

был важным учёным — потерял работу — пошёл в грузчики или таксисты — потом опять вернулся в важные учёные, если спрос на тебя появился, а если не появился — продолжаешь грузить, такси водить, в подземном переходе на гитаре играть. Нормально, по-моему. Чего долго рассказывать, все всё помнят. Я вблизи, можно сказать, наблюдал рождение нового класса настоящих бойцов, создавших успешный бизнес с нуля, своими руками. Кандидаты наук недолго простояли у переходов, до середины 1992 г.—1993 г. Затем очень многие из них, не сломавшись, создали свои успешные фирмы или стали успешными топ-менеджерами. Короче, для меня конец 80-х—90-е — это время настоящих героев. Сейчас почти всеми забылось, что конец 80-х в СССР был как минимум не менее лихим, чем все последующие 90-е, вместе взятые — некоторые песни этого раздела именно о том, ещё советском времени. Борьба с нетрудовыми доходами, антиалкогольная кампания, резкая девальвация рубля, тотальный дефицит — все эти драматические коллизии имели место ещё при СССР, ещё в 80-е. Лихо было, чего там говорить. Кое-что из этого я и отразил в своих песнях.

* * *

Я очки уронил.
Я галош потерял.
Всё продал, всё пропил,
Жить пришёл на вокзал.

Жарю, жгу по полдня
На гармошке губной.
Мент, не трогай меня,
Проходи стороной!

Я к честному народу,
Что набил свою руку на длинных рублях,
Позабыл путь-дорогу,
Я дружу с семафорами, сплю на путях.

Я червонцы сшибаю.
Я с родного завода взащей сокращён,
И живу-поживаю,
И обиду ношу, как кинжал под плащом.

На этап со скамьи
Соскочили во мрак
Братья-друзи мои —
Под забор, под кулак.

Вдалеке во хмелю
Пропадает родня.
Я им денег пошлю.
Мент, не трогай меня!

Вот прекрасная дама
Подошла, пять рублей подала на пропой
И протопала прямо.
Вот свистит скорый поезд: «Играй, я с тобой!»

Тётя Мотя для танца
Разминает стопу, приготовилась млеть.
Я живой, я не сдамся,
Я в губную гармонию научился дудеть!

Вот пернатый скворец
Прилетел на концерт.
Значит, мне не конец,
Значит, побоку смерть!

Вот ребята зовут
Водку пить возле пня.
Пробираюсь на звук.
Мент, не трогай меня!

Мир задет за живое, —
Я сыграл про печаль, и среди тощих берёз
В такт по-тихому воет,
Мордой в лапы уткнувшись, бродячий барбос.

От мудрёных мелодий
Мент поплыл, на свистке исполняет куплет,
Сапогами молотит
По асфальту — по сцене, у нас с ним дуэт...

1989

* * *

Эх, судьбина лютая
Гладит против шёрстки!
Я рубли с валютою
Проиграл в напёрстки.

Зажил под платформою
С горя на пол-суток,
Загудел по-чёрному,
Задубел, как цуцик.

Эх, гульнул на славу я!
Нынче в горле сухо!
Вот ко мне кудрявая
Подгребла маруха —

Нинка вокруг да около,
Рядом побродила,
По плечу похлопала,
Пивом похмелила!

В старой куртке кожаной
Встал мой друг Серёжка,
На ветру скукоженный,
У столба с гармошкой.

Нинка глаз нацелила
В голубые выси,
Грусть мою развеяла:
«Ну-ка, возродися!»

Ох, горячий парень я!
Пляска! Выход начат!
Сердце, как ошпаренное,
Скачет, скачет, скачет!

Эх, чечётка с выходом!
Пропадай, ботинки!
Эй, в погонах, тихо там!
Я пляшу для Нинки!

Я сердцебиение
Ощутил аортой,
У меня движение,
Значит, я не мертвый!

Расступись, легавые,
У меня отмазка —
Дело моё правое —
Пляска, пляска, пляска!

Холод. Рожи синие.
Дрожь терзает тело.
Парни, прочь уныние,
Подлетайте смело!

Кто там на попятную?
Я — вожак дружины!
Были ноги ватные,
Стали, как пружины!

Суета вокзальная,
Свой для всех в душе я!
Эх, дороги дальние,
Ой, ты, мать-Расея!

Братцы, будем крепкими,
Кто живой, тот пляшет!
И платками девки мне
Из вагонов машут!

Я ногой размахиваю,
Лёд подошвой рушу.
Ветер сквозь рубашу мою
Проникает в душу!

Снег плывет, как селезень,
У меня с ним связка,
У меня веселье с ним —
Пляска, пляска, пляска!

Люди ходят сонные.
Нинка бьёт в ладоши:
«Да я в тебя влюбленная,
Милый мой, хороший!»

Пусть легавый варежку
Разевает важно,
Мне с тобою рядышком
Ни хрена не страшно!»

Я согрелся, ожил я,
Нет тоски-печали,
Мне в картуз прохожие
Денег набросали.

Я подругу верную,
Нинку дорогую
У ларька под вербою
Мну напропалую!

Все невзгоды побоку,
Я к победам годеи!
Мы, как люди, под руку
По бульвару ходим.

Я собрался с силами,
Вдел шнурки в галоши,
Нинка шепчет: «Милый мой,
Дорогой, хороший...»

1992

* * *

Был почти что принц голубых кровей,
Был пример, маяк для народа,
А теперь стою, продаю портвейн
У подземного перехода.

Был филолог я, был философ я,
На поклон ходил в храм науки,
Соскочил с кругов, больше нет житья,
Страхом скованы ноги-руки!

Нас таких — толпа, мы плечом к плечу
Дохнем, давимся на асфальте!
Эй, вы, граждане, я домой хочу,
Подходите же, покупайте!

Вот легавый мент, кверху нос задрал,
В стороне стоит — ждёт, зануда.
Четвертак на жизнь отстегнуть в рукав
Я ему, козлу, не забуду.

Мне сосед кричит: «Разменяй деньги,
Аристотель, блин, Ломоносов!»
Я даю рубли. Кутерьма в мозгу:
«Не мети пургу, сам философ!»

Вот какой-то гад подошёл, спросил,
С кем решаю я круг вопросов.
Мама родная, больше нету сил,
Был филолог я, был философ!

Вот бутылку я уронил, разбил,
Эх, стекляшка жизнь, эх, осколки!
Род людской утрюм, белый свет уныл;
И черны в саду палки-ёлки!

Кровь пульсирует в паутине вен.
Я не режу их, жить охота!
Завтра мне опять продавать портвейн
У подземного перехода...

1992

* * *

Нынче с выживанием
 плохо дело,
 Но сквозь бури снежные
 к нам в село
 Помощь заграничная
 подоспела,
 К святкам в аккурат её
 принесло.

Вот менты мигалками
 освещают
 Путь гуманитарным
 грузовикам,
 Нам с едою ящики
 выгружают,
 И коробки с куревом —
 тоже нам.

Уж, вон, полночь близко.
 Сутробы. Мгла.
 Разделить по спискам
 И — все дела!

Но, кусая ноготь,
 Вникая в суть,
 Нам сказал Серёга:
 «За мною, в путь!»

А в пути ни выпивки,
ни ночлега, —
Трудно, но приходится
жилы рвать!
Едем в город с песнями
на телегах —
Помощь эту самую
продавать!

Трубы. Дым. Окраина.
Люди в польтах.
Провода, троллейбусы,
все дела.
Светофор сощурился:
«Мол, кого-й-то
К нам сюда нелёгкая
занесла?»

Рекогносцировка.
Разведка. Марш!
Мы свезли в столовку
Колбасный фарш.

Скинули в буфеты
Для тортов крем
И ещё пакеты
Незнамо с чем.

Мы к ларькам подъехали,
где их много,
Наняли сержанта
трубить подъём:
«Эй, товару хотите?
Ради Бога!
Оптом за недорого
отдаём!»

В коридорах ветрено.
Надо брать
По ноль восемь — не хрена
Темп терять!

Пляска. Топот. Гомон.
Гуляй, братва!
Всем известно, кто мы —
Хозяевá!

Загудели-запили
капитально,
Что от перегара, вон,
мухи мрут!
Люди хотят праздника.
Всё нормально,
Трактора с комбайнами
подождут!

С пятницы до вторника
срок немалый.
В холле — пальмы, фикусы
вождь страны,
Мы ему об голову
бьём бокалы,
А ему, железному,
хоть бы хны!

На столе огрызки,
В окне пейзаж,
Мы желаем виски,
Заморский джаз.

А закат — как знамя,
Иль нет, заря,
Сознаем мозгами,
Что всё не зря!

Нам на сердце сделалось
веселее, —
Петька упряжь новую
приобрёл,
Клавка в оборот взяла
Пантелея,
А Серёга клоуном
в цирк пошёл.

Ой, вы, кони резвые,
путь под горку,
Едем к дому по ветру,
наугад,
Там три дня без продыху
на задворках
Дети плачут малые,
жрать хотят!

Горло промываем,
Не закусив,
Преодолеваем
Лесной массив.

В «Гранд-отеле» нас ищи
Наперёд.
Помощь-то не раз ещё
К нам придёт!

1991

* * *

Я — свободный российский фермер.
Я брожу по полям понуро.
У меня от шипов и терний
Со скелета слезает шкура.

Я валю бурелом руками,
Я корчую столбы и брёвна,
Люди смотрят, скрипят клыками,
Люди дышат ко мне неровно.

Девки в клубе, сплясав мазурку,
План приняв при свечах в подвале,
Из кустов мою лошадь Нюрку
Мухоморами забросали.

«Мы во тьме сгноим свору сытых!» —
Пол-деревни кипит, клокочет,
И не видно зрачков залитых,
И народ суровеет к ночи!

У конторы Илюха с Гришкой
Водку хлещут в укор, в пример мне.
Я видал их в гробу без крышки,
Я свободный российский фермер!

Плачет, стонет земля сырая,
А у них — фейерверк в программе:
Шустрик Вася в моём сарае
Раздувает ушанкой пламя.

Вот братья — Пантелей с Прокопом —
Край передний, группа заброски, —
На амбар налетели скопом,
Сапогами ломают доски,

Самогоном скотину травят,
Из берданок по окнам лупят,
Нос кувалдой хотят мне править
И толочь мян палкой в ступе!

Участковый в окошке кисло
Усмехнулся, махнул рукой мне.
Выходить ему нету смысла:
Амуницию моль погрызла,
Прах и тлен в кобуре, в обойме.

Я совковой своей лопатой
Сам стучу по горбам соседей,
Я кричу: «Земляки, ребята,
Не будите во мне медведя!»

Пыль столбом на моём посеве, —
Это братский совхоз по пьяни,
Перепутав восток и север,
Притащился на поле брани.

И, впотьмах с меня сняв ботинки,
Люди вместе хотят держаться,
Чтобы справить мои поминки
И на них сообща нажраться!

Я повержен. Народ ликует.
Дрянь дела. Но сквозь рощу строем
Мой домашний скот марширует:
«Сей хлеба! Мы тебя прикроем!»

Куры, овцы бегут, бараны,
И петух впереди — потеха!
Даже трактор, мой конь буланный,
Сам завёлся и сам приехал!

Бородатый козёл Василий
Обучался работать рогом
И толпу без больших усилий
Разогнал по большим дорогам!

Враг бежит! Авангард нарушен!
«Мы — из бывших! Из высших сфер мы!
Всё, что мы подожгли — потушим!
Не губи нас, российский фермер!»

Из канав, из окопов слышу
От Миколы, Илюхи, Глеба:
«Всё починим — и пол, и крышу,
Мы голодные! Дай нам хлеба!»

Дал. Сожрали. Визжат и воют,
Восстают из трухи и пыли:
«Брат, спасибо тебе большое!
Жаль, что мы тебя не убили!»

Вот заря занялась над степью,
Солнце — в саже, как чёрный череп.
И грохочет железной цепью
Пёс Барбос, на деревню щерясь.

Баба Маня, как мышь, скребётся:
«Ой, зима впереди лихая!»
И коварен квадрат колодца.
И народ по углам бухает...

1992

* * *

Стук колёс. Гармонь. Три поллитры.
Стёкла в копоты. Пыль в носу.
Мы на поезде едем в Дмитров,
Режем ножиком колбасу.

Колька старую рвёт тельняшку,
Петька впалую чешет грудь.
На строительство, на шабашку
Всей бригадою держим путь.

Фонари в окне, словно свечи.
Сёла мирные спят вдали.
Мы наклюкались, а под вечер
Парни крепкие подгресли.

И пошла игра: денег горстка,
Портсигар, кольцо на кону.
Шарик маленький, три напёрстка
Скачут, прыгают. Ну и ну!

Это после мы протрезвели,
А пока-то, вон, всей гурьбой
Над столом ревём, словно звери.—
Ноздри красные, хвост трубой!

Май идёт по земле, трень да брень в головах, —
Светлый праздник весны и труда!
И смеётся, глумясь, фраер в тёмных очках:
«Ложьте деньги. Вперёд, господа!»

Мы под музыку в полумраке
Просадили всё в полчаса
И скулим, сидим, как собаки,
Рвём последние волоса!

Колька драные скинул кеды
И часы к чертям снял с руки:
«Без борьбы, — кричит, нет победы,
Отыграемся, мужики!»

Петька палкою об пол треснул,
Кольке пива дал: «Эх, беда!
Все туфта, братан, все нечестно,
Мы не выиграем никогда!»

Он сощурился, он глазастый,
Он обман нутром уловил
И очкастого мордой на стол
В банку с кильками завалил!

Где-то песнь весны льётся в ухо,
Небосвод звенит голубой,
А у нас базар, заваруха,
Молотиловка, мордобой!

Вот и станция. Шухер! Облава, свистки!
И, прикладом свободу поправ,
Нас верёвками вяжут мальцы, сосунки —
Рядовой и сержантский состав!

Парни сгнули. Их в дорогу
Шуганул старлей: «В добрый путь!»
Я очкастому кружкой в ногу
Втихаря успел звездануть.

До копеечки, подчистую
Нас разделали в пух и прах.
Нас на «газике» в ментовскую,
Как на казнь, везут в кандалах.

Вот полковник нам молвит слово:
«Смирно, сволочи, застрелю!» —
Рожа синяя, нос лиловый,
И глаза горят во хмелю.

Нас за шиворот — сонных, квёлых,
Взяли, выдали инструмент.
За оградой среди ёлок
То ли жизнь у нас, то ли смерть.

Злые, грязные, под конвоем,
Мы корячимся дотемна,
Возле озера виллу строим
Для пузатого полкана!

Вот мы варим на ужин в котле карася,
Вот нам песню щебечут скворцы.
Вот полкан прикатил, подбородком тряся:
«Так держать, — говорит, — молодцы!»

Воронья полно, глины, гнуса,
И при помощи кобеля
Нас курирует пьяный мусор,
И черна вокруг мать-земля.

Я пузырь нашёл из-под виски
И записку вглубь записал:
«Всем привет — родным, дальним, близким,
Я в плену погряз, я пропал!»

Сургучом бутылку закупорить
Я хочу, а мне: «Кыш, балда!
Здесь же озеро, а не море,
Как ей плыть, скажи, и куда?»

... Лето кончилось. Мы обратно
По пустым полям прочь пошли.
Мы работали за бесплатно.
Мы дворец ему возвели.

Спины скрючены от печали.
Рожи белые, словно мел.
«Ни хрена себе, погуляли!» —
Петька челюстью прогремел.

Поезд. Едем домой. Нас тоска обожгла,
Словно к сердцу приставили ствол.
Снова шарик. Напёрстки. Портвейн из горла.
«Ложьте деньги на стол!» — нам шипят из угла.
У Петрухи заправка. Была не была!
Есть рубли! Мы их ложим на стол...

1997

* * *

Следующие несколько песен связаны с темой отъезда моих земляков на чужбину, за моря разные океаны, за лучшей долей. Миллионы россиян живут вне своей Родины — географически, по крайней мере, Бог им в помощь — нормальная, в принципе, история, но с советских ещё времён отъезд в эмиграцию близких мне людей был для меня настоящей драмой. «От прощальных рукопожатий похудела моя рука» — писал мой любимый поэт Александр Галич. У меня, пожалуй, в этом смысле рука почти отсохла за все прожитые годы — настолько много моих товарищей уехало. В общем, я понастоящему обожжён этой темой, отсюда и песни, где она звучит.

* * *

В окнах знакомых погасли огни.
Братцы, вас нет и не будет, я знаю.
В небе луна, словно рана сквозная.
Пыль да потёмки, куда ни взгляни.

Светка, прощай, нам чай не гонять
В старой квартире на Сивцевом Вражке.
Бравый балбес в милицейской фуражке
Дрянь здесь какую-то хлещет из фляжки, —
Радость, раздолье ему, благодать.

Ветер трамвайные рвёт провода.
Душу сквозняк леденит и пронзает.
Родине плохо, с отчизной беда,
Если друзья насовсем уезжают.

В сердце, в упор, словно в борт корабля,
Лупит тоска, как шальная торпеда.
Светка мне пишет: «Не жди, не приеду,
Вот и дошла до кромешного бреда
Наша с тобою родная земля».

Братцы, мой город без вас не жилец,
Снова его холода окружают.
Родине крышка, отчизне конец,
Если друзья навсегда уезжают...

1999

* * *

«Покинь этот дом, с ним всё ясно, чего же ты медлишь?
Измена и страх здесь ночуют за каждым углом!» —
До судорог стонут дверные скрипучие петли,
И печь, задыхаясь, им вторит: «Покинь этот дом!»

Пропавшие годы мне шепчут: «Мы были, да сплыли,
Твой поезд ушёл, ты один на перроне пустом»,
И сад за окном, сквозняками прошитый навывлет,
Последним листом шелестит мне: «Покинь этот дом!»

Бродячие призраки — тени убийц и убитых
Шершавыми лапами мнут и мусолят мой мозг.
С утра мне в лицо — ветер с моря, как вечности выдох,
И тот окошел, и к ступеням осклизлым примёрз.

Он сдал все дела, мой товарищ далёкий и давний,
И звёздное небо шальные таращит глаза
На чёрные сучья, что, выбив и стёкла, и ставни,
Сквозь дом проросли, искромсав, изломав образа.

«Покинь этот дом, или сразу вскрывай свои вены,
У Бога до буквы расписан последний погром —
Скрипят, холодея, и хрипнут от хохота стены, —
Мы рухнем сегодня, беги и забудь этот дом!»

Сивухой несёт от земли, от горбатого пола,
И гнилью, и гарью от шкафа, где тысячи книг.
В дырявой бадье домовый поселился весёлый,
Последний наш с ним под гармонию репетирует крик.

Когда этот дом дух испустит и будет не в духе,
Я снова начну ладить доски, стучать топором —
Потом, а пока что я обух грызу с голодухи
И, челюсть ломая, ору себе: «Брось этот дом!»

И сердце в груди, как кувалда, стучит и колотит,
Кричу в небеса: «Эй, хоть вы там, откликнись, кто жив!»
Но вязнут слова мои, тонут во мгле, как в болоте,
И падает дом мой, роняя обломки в обрыв...

1989

* * *

«Богом проклята эта земля, здесь дышать уже нечем» —
Так решил он — здесь только и будет, что смерть и беда.
Он по улицам бродит родным целый день, целый вечер.
Завтра утром ему улетать насовсем, навсегда.

Всё растает, уйдёт, уплывёт — этот снег, эти лица,
И вот это кафе — он сто раз здесь гулял, пил до дна.
... Если дома весь день не сидеть, чудо может случиться —
Вон, в углу — свечи, стол, и она в полутьме у окна.

Он зашёл, он присел. Ну и ну, десять лет пролетело.
«Как ты, где? Муж? Семья? Что вообще-то? Какие дела?
«Да тебя, дурака, всё ждала, а потом надоело.
А потом — суп с котом. Мужа нет. Был да сплыл, прогнала.

Ну, а ты, сам-то как?» «Жизни нету вокруг, уезжаю.
Так возьму вот и взмою на лайнере в синюю высь.
Там, Бог даст, вдалеке всё, что здесь упустил, наверстаю».
«Что ж, удачи, — сказала она, — где любовь, там и жизнь...»

... Кто там прав был из них, тут уже не добраться до сути,
А сейчас — ночь, туман, и кафе, и они у окна —
Будто вместе куда-то плывут в корабельной каюте.
«Уж приплыли. Пока. Будь здоров» — усмехнулась она.

«А вот это уж нет, — он сказал, — не пойдёт, не годится»,
И, как раньше, на кофе, на чай к ней домой завернул
И на кухне какое-то там капучино с корицей
Пил и пил до утра, а потом с ней в обнимку уснул.

Сердце, сердце во сне било, било ему и стучало:
«Где любовь, там и дом, больше нет у тебя ничего»,
И вдали, за окном ветер, ветер свистел одичалый,
И в пять тридцать его самолёт улетел без него...

* * *

Я пить перестал, я закончил по улицам шляться.
Я в гору пошёл, мне маячит гастроль за бугром.
Мне завтра в Париж, я к ребятам зашёл попрощаться.
Я свой. Мне позволено дверь открывать сапогом.

Стаканы. Столы. Все путём. Я играю на флейте.
Сподвижники рядом, родные мои алкаши.
Вихляясь, волнуется хор: «Человеку налейте!»
Мы пляшем и пьём. Продолжается праздник души.

Народ с головою увяз в огурцах и капусте,
Народ погружён в полубред, но достаточно бодр:
«Товарищ, ты наш, мы тебя никуда не отпустим,
У нас тут ковчег для своих, и ты принят на борт!»

Качаются девки, худы, как колхозные клячи.
Мы выпивку делим. Дрожит под копытами пол.
И некто Степан мою шляпу за пазуху прячет,
И шарф, и ботинки, чтоб я никуда не ушёл.

«Флейтист, отвлекись! — мне моргает красавица Клава, —
Не ездь ты в свой Копенгаген, талант не транжирь!
Мы вот они, здесь, тебе дадено полное право
Душевное сбачать — про чубчик, про нож, про Сибирь!»

Гуляет залётный кулак по фарфоровым вазам,
Зигзаги на скатерти пишет случайный каблук,
А я на контроле, я галстуком к стулу привязан,
Чтоб не было шансов отбиться от дружеских рук!

Я к выходу рвусь, я попал под толпу, как под поезд,
И руки уже за спиной, и на морде мешок,
Меня уважают, мне флейту просунули в прорезь:
«Товарищ, работай и помни: тебе хорошо!»

Вблизи воробьями витают весёлые вопли:
«Дружище, мы рядом, а ты золотой наш запас!
Мы вместе с тобой обретали осанку и облик,
Мы любим тебя. Это факт. Ну, куда ты от нас?»

... Я вижу восход, я сквозь дырку в мешке наблюдаю,
Как башенный кран зарывается носом в зарю.
Он хочет взлететь, но колёса к земле примерзают.
Я в форточку лезу, я за ноги пойман и знаю:
Пора борзануть после крепкого чёрного чаю —
С ребятами вмазать за здравие по стопарю!

1993

* * *

Парни под раскладушками
Сходят на ноль, на нет.
Ёлка в углу игрушками
Гремит, как костями скелет.

И какой-то подвыпивший скот
Бахрому абажура грызёт.
«Эй, — кричит мне, — Сергей-Воробей, —
Хочешь — пей, а не хочешь — не пей!»

Вот я флейту
из футляра достал,
Пса погладил,
туфель пнул под кровать:
«Я к вам в гости —
с самолёта на бал,
Я хочу вам сонату сыграть!»

Играю. Друзья-приятели
Укутаны в чёрный чад, —
Ножи от греха попрятали,
Гогочут, ревут, мычат.

И какой-то подвыпивший скот,
Весь в опилках, нечёсан, небрит,
По роялю половником бьёт
И об люстру стаканом стучит.

Он меня на виду у ребят
Сгрёб за шкурку — смельчак, удалец:
«Я теперь тут заместо тебя!
Это музыка наших сердец!»

По окуркам,
 по осколкам очков,
Спотыкаясь,
 Клавка кружится влать.
Скатерть, сволочь,
 рвёт краями клыков:
«Это танец любви! Это страсть!»

Бемоли прыгают белками.
Диезы дают дрозда.
Хлебальники над тарелками
Гуляют туда-сюда.

И всё тот же мохнатый урод
Мне плечо сквозь рубаху грызёт,
Бельма щурит средь общей возни:
«Жрать охота, братан, извини!

Ты в Европах
 за большие средствá
Чувства в душах
 у людей пробуждал.
Ты уехал
 к ним на месяц, на два,
А сказал, что в ларёк побежал...»

«Мы скучали,
 мы так ждали тебя, —
Мишка с Гришкой
 мне с балкона кричат, —
Всё напрасно.
 Наше дело — труба,
Дым и пепел, туман, чёрный чад».

Мишка с Гришкой нахмурили лбы:
«Мы — солисты. Талант — это труд!»
И в кусок водосточной трубы
С двух сторон, надрываясь, орут.

«Да, таков твой родимый причал, —
Колька с Пресни сопит под столом, —
Ты нам нот не оставил. Ты знал,
То, что мы без тебя пропадём.

А теперь такова твоя роль, —
Чтоб долбать тебя мордой об стол!
Ты в Париж умотал на гастроль,
А сказал, что за хлебом ушёл.

Как играм мы, так и живём,
Так же держим приклад на плече,
Так же службу по жизни несём —
В том же самом скрипичном ключе!»

Колька свистнул в свисток: «Это «ми»!»
Он мне молнии мечет в упор
И над ухом цепями гремит:
«Это «ля», извиняюсь, мажор!»

Он зубами пролязгал ноктюрн,
Он с берданкой в обнимку застыл,
Он шепнул: «Всех вас, гадов, к ногтю!»
И скворца на суку завалил.

Я сквозь слёзы исполнил запев
Про любовь, про судьбу, про печаль,
А друзья, от гульбы одурев,
Клонят головы: «Хватит, кончай!»

В небе радуга, вон, как удав,
Тихо дремлет в лазурной дали,
И ребята, от пьянки устав,
На полу среди польт полегли.

Сбившись с курса, упал у дверей
И сигналил мне друг мой, Степан:
«Мы от флейты устали твоей,
Убери её к чёрту, братан!»

Бобик руку мне, стар и сутул,
На прощанье лизнул и слинял,
И на клавиши лёг и уснул
Тот, который заместо меня.

Мишка с Гришкой, горбушку грызя,
Втихаря принимают по сто.
И заснули, затихли друзья.
Я играю. Не слышит никто...

1992

* * *

Осень нас развела, ты уехала за три моря
За удачей и счастьем, а я вот на этот пруд
Прихожу в сотый раз, где свистящему ветру вторит
Полуночник-трамвай, и последние листья жгут.

Сизым дымом асфальт накрыло.
Ты когда-то меня ждала
Здесь, давно. Всё, что было — сплыло,
Сожжено до конца, дотла.

Тихо в старом дворе. Ветви клёна висят, как плети.
Почему, почему на чужбину, на край земли
Едут прочь те, кого ты любил больше всех на свете?
Дай им Бог уцелеть от родного двора вдали!

Псу бездомному, тощему сердце от страха сводит,
Что разъедутся все, и не будет людей вокруг.
Одурев от отчаянья, ветер холодный бродит
Среди серых домов. Дьявол, чёрт ему — лучший друг.

Сквозняки в подворотнях воют,
Клён трясётся, как старый шут.
Осень нас развела с тобою.
На обочинах листья жгут...

1991

* * *

На дверях замки, и газон пострижен, —
Наш Серёга-друг вышел в первый ряд:
Сто пудов деньжищ, вилла под Парижем,
И подлец в пенсне друг ему и брат.

И дела у них не идут, а скачут,
Без оглядки рвут конницей в галоп,
И летит мой друг, оседлав удачу,
Аж у всех у нас по спине озноб.

Помнишь — синий лёд, дальняя дорога,
Скалы, ночь, костёр, горная река —
Да забыл ты всё, что с тобой, Серёга?
Тишина вокруг, скука и тоска...

Мелкий дождь в ночи пробежал по крышам,
У ворот каштан на ветру дрожит,
И чугунный лев виллу под Парижем
И тебя от нас, сволочь, сторожит.

Будет жизнь, как дрейф без руля, без вёсел,
На мели, впотьмах, посреди реки,
Если ты своих позабыл и бросил
И в дому твоём на дверях замки...

2004

* * *

Одна из главных примет советского времени — пивные на окраинах Москвы, это были такие дощатые сараи с небольшим прилегающим участком, где, как и внутри сарая, стояли столики — на них посетители и располагали выпивку и закуску. Уникальную человеческую атмосферу этих заведений невозможно передать ни в музыке, ни в стихах, это были настоящие оазисы искреннего, естественного общения чужих, формально, друг другу людей; мы там обсуждали всё — искусство, политику, спорт, инопланетян (тогда ещё не вполне был решён вопрос, есть ли жизнь на Марсе), свежие научные открытия, вопросы общечеловеческой и советской морали, кого за что посадили на районе, какой участковый инспектор достоин, чтобы ему налили, а какой нет, и т.д., и т.д.

В поздние советские годы почти все эти пивные снесли — дощатые сараи сровняли с землёй, а так называемые «стекляшки», они же «аквариумы», были сданы в аренду кому ни попадя. Ушла та уникальная дружеская атмосфера, да и Советский Союз перестал существовать. Указ о борьбе с пьянством, по мнению обитателей этих пивных, решающим образом повлиял на развал СССР. С этим можно спорить, можно соглашаться, но мне той атмосферы, тех пивных, тех людей сегодня не хватает. Там была душа.

Следующие пять песен так или иначе посвящены событиям второй половины восьмидесятых годов двадцатого века, когда борьба с пьянством принимала самые причудливые формы.

* * *

Мне страх царапает мозги, нутро кроит,
Душа продрогла, сердце ходит ходуном.
Мы взять хотели две поллитры на троих,
Но спятил, скурвился любимый гастроном.

«Имбирной» нету, и «Пшеничной» тоже нет.
Такие лютые настали времена.
Торговля знает, что творит людям во вред.
Нам надо две, а получается одна!

Кричу: «Братва, за что боролись, как же так?
Четвертый час трамбуем грязь, и вот те на:
В связи того, что водки нет, один коньяк,
Хотели две, а получается одна!»

Последний ящик прочь уносят на рысях.
Закончен бал. Всему хорошему хана!
Торчим, как пни, рубли мусолим так и сяк,
Хотели две, а получается одна!

Андрюха шепчет мне: «Работай, режь углы!»
А я сквозь сон почти: «Спокойно, старина!»
Толпимся, топчемся, как овцы, как козлы,
Хотели две, а получается одна!

Алкаш со стажем, в серой шерсти ветеран,
Красавец писанный — три зуба, два бельма,
Кричит: «Подайте, Христа ради, на стакан!
Не то в натуре, на ходу лишусь ума!»

В него огрызком запустили из толпы,
Потом налили дихлофосу: «Пей до дна!
Прости, товарищ, самидохнем, как клопы,
Хотели две, а получается одна!»

Барыга в кепке заложил лихой вираж,
Он сыт и пьян, и даже нос, вон, в табаке,
К прилавку лезет: «Ну-ка, Раечка, уважь!»
А сам пять франков, как птенца, зажал в руке!

Я свой любимый, золотой передний клык
Рванул клещами, красный шарф поднял, как флаг,
У Райки — зайчики в глазах, из горла крик:
«Сюда, товарищ, молодец, давно бы так!»

Мой друг Андрюха снял с руки часы «Полёт»,
На край прилавка положил, прикрыл рублём,
Взял три чекушки, рвёт рубаху, гимн поёт!
Бог правду видит. Распогодилось! Живём!

И вот уже гудят, как пчёлы, мужики,
Они бегут ловить прохожих на бульвар,
Хотят отпарывать от польт воротники,
Хотят для Райки на-гора давать товар!

Смеётся Райка, соболей суёт в мешок,
Песцов и нутрий прячет в подпол, в дымоход.
Дела идут. Она не пьёт. Ей хорошо.
Она кричит: «Иди сюда, честной народ!»

1986

* * *

«Пьянству — бой!» — есть указ. Есть ответ ему,
Как бы план наш такой встречных мер.
... Не совсем, но почти близко к этому
Алкоголь отменён в СССР.

С персонажами, чуть даже пьяными,
Нынче фильмов снимать не дают:
Моряки на экранах стаканами
Молоко после плавания пьют!

Красный вермут хорош
Был. Теперь не найдёшь
Ты его днём с огнём — ну нигде нет!
С водкой — хрень. Не вопрос —
Ацетон, дихлофос
Нам и водку, и вермут заменят!

Раньше нервы полезными травами
Я лечил, умирал боль и гнев,
А теперь клей варёный по праву мне —
«Борис Фёдорыч», он же БФ!

Пусть порою нутро окровавлено,
Если густо его замесил,
Политура — «Полина Ивановна»
Снимет стресс и прибавит мне сил!

Это всё я к тому,
Чтобы жить по уму —
Лох и неуч копыта откинут!
Нынче новая власть
Ошалев, скалит пасть!
Ладно, скаль, хрен с тобой, вызов принят!

Я не помню, где дух, где материя,
Но насчёт всего прочего мудр —
Всю известную мне парфюмерию
Применил исключительно внутрь!

А вообще в нашей доле и участи
Ничего необычного нет,
Мы по степени нашей живучести
Переплюнули весь белый свет!

Ах, всегда с нами он —
На свекле самогон —
Словно ствол в кобуре, наготове!
И при этом при всём
Огуречный лосьон
Нам выводит токсины из крови!

За портвейном племяш мой с ребятами
Пять часов простоял — и облом!
Всё закрылось. Запасы припрятаны.
Их сейчас продадут за углом.

Он пожарник, он зол и решителен,
Он пошёл против всех, он восстал —
Выпил пену из огнетушителей,
Президенту письмо написал:

«Наломал же ты дров,
Михаил Горбачёв,
Всё отнял — и надежду, и веру!
Это значит — конец
Песне наших сердец,
И тебе, и всему СССРу!»

Кто в спиртах ни бум-бум — все мудилы вы!
У меня на душе свежий шрам —
Значит, сам я такой, мне метиловый
Шибанул по балде, по шарам!

И чего? Ничего! Через полчаса
Я уже оклемался вполне,
Лишь чертей сумасшедшие полчища
Трое суток скакали по мне!

Да, я вырулил к свету из сумерек
И любому теперь докажу:
Кожный зуд и развитие судорог
Я всегда под контролем держу!

Я в специфику вник,
Все нюансы постиг,
Шлю невесте приветы по почте:
«Дорогая, всех благ!
Если пьёшь нитролак,
Пропускай сквозь сосновые почки!»

Вот уже и ответ —
Спорный тезис, совет, —
Я б назвал это женским капризом:
«Хочешь жить, милый друг,
Режь, кромсай свежий лук —
Четверть дольки в стакан с антифризом!»

1987

* * *

Он заходит свободно и гордо,
Заступает на вахту в дозор —
Юра, бывший штангист, мастер спорта,
Олимпийский, в натуре, призёр.

Он сидит у стены молчаливо,
Он огромен, и он справедлив.
Пиво пенное, вкусное пиво
Нам даёт тётя Шура в розлив.

Юра брови мохнатые сводит,
Если хамство пускается в ход.
Он встаёт, справедливость наводит,
И обратно садится, и пьёт.

К нам однажды — к простывшим, озябшим,
«Мусора» со свистками пришли,
Руки за спину первым попавшим
Заломили, во мрак повели.

Ой, темно на душе, ой, погано,
Пиво в кружках от злости кипит!
«Мусор» Миша, как свёкла, румяный —
Самый старший, и толстый, и пьяный,
Хочет денег, над ухом хрипит.

Юра встал, развернул свои плечи,
Отобрал у легавых свистки,
Воронок об панель покалечил,
Эполеты порвал на куски.

Он им дал колбасы для прокорма,
Пива дал — чем богат, тем и рад,
И не дал перевыполнить норму
По отлову нормальных ребят.

«Мусора» воронок починили
За полгода, а, может, за год,
Юру брать всей толпой прикатали —
Может, рота, а, может, и взвод.

Вот они перед ним по программе
Вроде мельниц стоят ветряных,
Машут палками, машут руками!
Юра, с кружкой, один против них!

Сеня, друг, подошёл на протезе,
Юру, грозного, треплет за бок:
«Ну зачем ты на мельницы лезешь,
Смелют к чёрту тебя в порошок!»

Было скользко, и Юра споткнулся,
И на них покатился, как ёж,
В воронку под ружьём кувыркнулся,
И исчез, и пропал ни за грош.

Так и ездют к нам на машинах,
Чтоб людей раскалять добела —
Офицеры, сержанты, старшины:
«Мы его победили, козла!»

Вот за стойкой грустит тётя Шура,
Сеня мечется, в дудку трубя:
«Юрий Юрьевич, Юрочка, Юра,
Мы всё помним, мы пьём за тебя!»

За окном почернела природа,
Соловей на берёзе затих,
И менты над душой возле входа
Вроде мельниц стоят ветряных,

Заливают шары на халяву.
Мы в сторонку отходим, скорбя,
Мы найдем на них, гадов, управу,
Юра, где ты? Мы пьём за тебя...

1992

* * *

Пусть работой и жизнью ушиблены мы и контужены,
И тоска нам мозги занавесила огненным заревом,
Как средь каменных глыб, меж домов затерялась жемчужина —
Бар, стекляшка вдали — мы зовём это место «Аквариум».

Мы приходим туда. Мы спокойно, как рыбы, тут плаваем.
Мы прокуренный воздух ноздрями хватаем, как жабрами.
Нас за нашу щетину, обувь, одежду дырявую
Из культурных других ресторанов гоняли бы швабрами.

Мне б ещё и ещё
Локоть друга, плечо
Ощущать — и не к стенке вставая,
А за столик, втроём!
Эх, родной мой район,
Эх, любимая наша пивная...

В светло-сизом дыму плющ по стенам ползёт вроде водорослей —
Это нам красоту создала тётя Валя, буфетчица,
Что за стойкой стоит целый день, дама в теле и в возрасте,
И душе хорошо здесь — уютном, теплом она лечится.

Участковый Серёгин внимательно нас инспектирует,
«Водолаз» — его кличка, — он к нам, словно в царство подводное,
Погрузился, глядит: «Как? Чего?» С ним, с весёлым транжиром,
Вместе пьём мы в итоге за дело его благородное.

Всем нам крышка, капут —
Все стекляшки снесут.
Это значит, в кругу коллектива,
На судьбу не ропща,
От души, сообща
Нам с друзьями не пить больше пива.

Сход великих вельмож и вождей, на ходу засыпающий,
Встрепенувшись однажды, из нас понаделает вскорости
И филе, и консервов, и рыбных котлет, но пока ещё
Тётя Валя у стойки стоит — дама в теле и в возрасте...

Им бы просто, вельможам, покрепче вздремнуть, успокоиться.
В нас одно только видится зло, будто в пьяном угаре, им.
И любимая наша страна, как тарелка, расколется,
Потому что сначала снесут наш любимый «Аквариум»...

Эх, Советский Союз,
Козырь ты, главный туз,
Только нет никакой перспективы
У тебя впереди,
Если ты, сам гляди,
Вместе нам не даёшь выпить пива...

2002

* * *

«От пьянства люди лечатся», — сказал мне зам. по тылу
И щёки свои красные надул, как паруса, —
Бумажку, хрень какую-то суёт мне прямо в рыло:
«Поедешь на лечение! На сборы — полчаса!»

Мне дали в провожатые очкастого майора —
Спортсмен, отличник, умница, наставник, строевик!
А я, бывает, спать ложусь в овраге у забора,
Мне птицы машут крыльями, ко мне патруль привык!

И вот мы покумекали,
Вагон узнали свой,
И он сказал: «Поехали!»,
Зевнул, махнул рукой.

Уселись боле-менее,
Шепчу: «Товарищ, брат,
Махнём за уважение
По двести пятьдесят!»

Он поначалу ёрзал, то да сё, мол, трали-вали,
Согласен грамм на семьдесят, а больше — ни-ни-ни!
И мы по первой приняли, конфеткой зажевали,
И он затрясся: «Господи, спаси и сохрани!»

Сидеть бы нам по-тихому, культурно керосинить,
А он три фляги высосал, — как рыба, рот раскрыл,
В титан полез, обжётся, ждёт, когда вода остынет,
Часы, погон, кокарду, портунею утопил!

И, пополам согнувшись, мы остались в пополаме,
Зато на кухне плётками гоняли поварих:
«Отход! Подход! Фиксация! Равнение на знамя!
Эй, кто там правой шлёпает? С носка ему, под дых!»

Огни вдали размазаны,
Майор скулит во тьму:
«А с кем, вообще, мы связаны?
И что у нас к чему?»

Вот звякнула, как запонка,
Упала мысль. Я рад,
Что мой внучатый папенька
Прабабке сводный брат.

А я служу на севере,
И, значит, у меня
Троюродные девери —
Ближайшая родня.

Мы к машинистам бегали показывать дорогу,
Парад давали, спорили: «Ну, всё же, кто мы есть?»
По коридору топали, шагали строем в ногу,
Тянули спички, думали, гадали, где нам слезть.

На чём в разведку ездим — на лошади, на танке,
А, может, мы ракетчики? Спорттрота? Ни хрена!
Мадам в пенсне сказала нам, что мы — орангутанги,
И с горя с нами выпила без закуси до дна.

Майор с какой-то выдрюю
Затеял хоровод,
В окно махал поллитрою,
Кричал, что всех убьёт!

Потом «Калинку» спели мы,
И в тамбуре, в углу
У печки под шинелями
Заснули на полу.

... Часы над ухом тикают, бегут собаки-стрелки,
Вот проводницын голос мы сквозь дрему узнаём:
«А если кому холодно, возите с собой грелки!
Вас тут — как кур в курятнике, и всех доставь живьём!»

Мы вздрогнули, прочухались: под боком Дарья с Марьей,
А за окошком вечная, сплошная мерзлота.
Эх, нам бы в Запорожье! Мы попали в Заполярье!
Да кто рулил-то, где он? Гад, скотина, сволота!

И даже Дарья с Марьей
Рыдают в свой стакан:
«В каком мы полушарии,
Каков меридиан?»

Майор чего-то понял,
И вперёд, вон, на таран
Мы вскачь летим, как кони,
Вскачь, галопом на стоп-кран!

Мы из вагона выпали, мы вдаль, по снегу, сами
Пошли заре навстречу через лес наискосок,
Приток по льду какой-то переходим с фонарями,
У нас упадка нету, есть настрой на марш-бросок!

Мы под сосной последнее разлили по стаканам,
Нас местные увидели, попадали с телег,
А мы по назначению стремимся, шаг чеканом —
Хозяева, начальники лесов, полей и рек!

Вперёд и вглубь, до обморока —
И вот он, этот дом,
Вдоль по забору проволока,
Все двери под замком.

А мы вокруг да около
Гуляем взад-вперёд,
Соображаем, кто кого,
Зачем, куда сдаёт.

Я был во всеоружии, а он — без портупей,
И свора санитаров — гренадёры, удальцы! —
Его с порога вяжут, держат пальцами за шею
И тащат в процедурную — втыкать в него шприцы!

... В родную часть приплёлся я, заплакал у порога,
Начальство в шашки резалось: «Чего уж там, служи!
Кто лечится — пусть лечится, сегодня с этим строго.
Ступай. Следи за выправкой. Со штабом связь держи».

Один, с тоской во взоре я
Встречаю Новый Год, —
Майор в профилактории
Ушанки, тапки шьёт.

Пищу ему исправно я
И шлю зелёный чай:
«Здоровье — это главное!
Товарищ, не скучай...»

1993

* * *

Во хмелю, в раздумьях горьких,
Загребая пыль ушами,
Отдыхаю на задворках,
В лопухах, за гаражами.

Свежий воздух, как сладкий компот,
Я глотаю опять и опять,
Я идти не желаю вперед,
Я в строю не хочу состоять!

К солнцу, к свету, с песней звонкой,
Пусть народ, готовый к бою,
Без меня идёт сторонкой.
Лейся, песня, хрен с тобою!

Рыло рвать мне готов каждый-всяк:
«Ты наш разум в сомнения вверг!
Ты почти что предатель и враг!»
«Врёте, сволочи, я — человек!»

Всем хана — печёнкой чую!
Пусть я пень, сорняк на грядке,
В строй к народу не хочу я!
У меня мозоль на пятке!

Подыхаю под рябиной,
Как скотина, как собака!
А народная дружина
На меня идёт в атаку!

Поросёнком, свиньёй завизжу,
Когда скажут: «Стоять! Руки вверх!»
Но, пока под забором лежу,
Знаю точно, что я человек...

1988

БАЛЛАДА О СВОБОДНОМ ВЫБОРЕ

В начале 90-х годов XX века многие россияне неожиданно столкнулись с проблемой: они получили возможность выбирать местную власть. Расклады иногда выходили самые диковинные — на высоких должностях могли появиться как бывшие, так и действующие нарушители закона — со специфическими для своей среды навыками решения оперативных и стратегических задач. Так что обычным нашим людям вдобавок ко всем жизненным трудностям пришлось ещё и учиться делать свой выбор, а потом за него отвечать. К вопросу «Кто во всём виноват?» прибавился вопрос: «А сами-то мы кто?»

* * *

Они дворцы воздвигли, и всё до фонаря им,
У них гулянка-пьянка все ночи напролёт,
А мы свои шесть соток граблями ковыряем
И воду пьем из крана, когда она течёт.

У них от нас шлагбаумы, овчарки и ограды,
Туда и не подъехать с гармонью на козе,
Они за Русь святую лакают до упада
Под музыку Вивальди коньяк «Курвуазье».

Им весело и сыто —
Тут и пляски и пиры, —
Верхушка, блин, элита,
Не хухры тебе мухры!

Их раньше в автозаках
По судам возил конвой,
Теперь они во фраках
Пьют коктейли под луной.

Мы раньше с нашей властью бодались в жёстком клинче —
На митингах, на сходках любили горло драть,
А в девяносто третьем, сегодня то бишь, нынче,
Мы можем, кого хотим, свободно выбирать.

Вот мы и выбираем. Свобода — это круто!
Тут можно самых разных делов нагородить,
Вот мы их и городим. Безумных, шибанутых,
На трон сажаем сами, чтоб век под ними жить.

Вот он сидит на троне,
Рожа пьяная крива —
Везунчик Сашка Пронин,
Городской наш голова.

Он соскочил с этапа
По амнистии, и вот —
В бюджете шарит лапой
И указы издаёт.

Воскресла, возродилась Россия молодая,
Бюджетные потоки повсюду бьют ключом,
Они в конечном счёте в карман к нему впадают,
К дружкам его по зоне, и всё им нипочём.

Но грянет час расплаты, чего ему не грянуть,
И будет небо в клетку, и ровно в шесть подъём,
Их ласково и тихо преемники помянут,
Глотая в уголочке водяру с вискарём.

Отправят, стопудово,
Самых борзых лес валить,
Да сколько ж, как корову,
Можно родину доить?

«А столько, сколько нужно —
Тут сомнений даже нет!» —
У них весёлый, дружный
И простой для нас ответ.

Они, расправив когти, над картами колдуют,
Куда ещё вписаться и где чего отжать,
Беда не в том, ребята, что все они воруют,
А в том, что им не стыдно сверх меры воровать!

Студент, пацан соседский, вопрос решил поставить,
Что слово есть «дилемма» — ну, в смысле, хрен поймёшь,
Самим свой выбор сделать, кому над нами править,
Или забить по полной — кумекай, молодёжь!

Ну где ещё, ребята,
Я скажу вам, да нигде
Жестокий век проклятый
Бьёт дилеммой по балде!?

Расклад, признаться, новый —
Хоть какой ты умник, спец,
И выберешь — хреново,
И не выберешь — ...ц!

Под вишней на задворках за столиком дощатым
Сидим и выпиваем, дискуссию ведём —
Мол, даже денег нету цветы дарить девчатам!
«Кто рулит и что делать?» — вопрос у нас ребром.

«Россия, птица-тройка, галопом резвым, скорым
Куда она летит-то, какие чудеса
Там, впереди, за лесом?» — под самогонку спорим,
Бычки в траву бросаем и смотрим в небеса.

Венера виноградиной
Повисла. Хочешь — рви,
А хочешь — право дадено —
Сачком её лови!

В любого бога веруй
И хоть с кем води родство,
А можешь выбрать мэра!
Мы и выбрали его.

Лукич, совхозный сторож, стакан поставил с краю:
«Ребята, а ведь Сашка у нас тут лично был!
Чего-то я такое сейчас припоминаю —
Он водку нам в машинах, в КАМАЗАХ привозил.

Он закусь раздавал нам, девчат была орава,
Он в микрофон орал нам, что нет дороги вспять,
И мы ему, я помню, ещё кричали «Браво!»,
И за него наутро пошли голосовать!

По жилам кровь бежала,
Точно в паводок река!
Гармонь свиньёй визжала!
Мы плясали гопака,

По полной жгли, бухая
Возле клуба из горла.
А, кстати, неплохая
Водка Сашкина была!»

А ровно через месяц в простом и чётком стиле —
Куда нам надо съехать — спокойно, не спеша,
Нам парни со стволами культурно объяснили —
Уж больно тут для Сашки природа хороша!

Нас вытурили в шею — легко так, между делом.
Теперь тут заповедник, косули, кабаны,
Их валят из винтовок с оптическим прицелом
Дружки его в наколках, когда они пьяны!

Набьют добычи вдоволь,
И — по новой пировать!
А что зверьям хреново,
Им на это наплевать!

Мозги скребёт и сверлит
Им один, но жирный штрих,
Что их спихнёт и свергнет
Тот народ, что выбрал их!

Студент пургу метёт нам, что всё расставит время,
И про свободный выбор мы сами всё поймём,
Ну, а пока мы ходим, не чуя ног, под теми,
Кто баб, как рыб, пускает в элитный водоём!

Для них всегда готовы палаты и покои —
Не где-нибудь на нарах в СИЗО и в КПЗ, —
Да нет, они лакают напротив, за рекою
Под музыку Вивальди коньяк «Курвуазье»!

У них для гольфа парки,
Дачи, клячи, нет пути,
Да чтоб вас, ёлки-палки,
Ни проехать, ни пройти!

Трясёмся мелкой дрожью —
Нам пятнадцать вёрст домой
В обход по бездорожью
Лесом, полем, стороной

В бурьяне пробираться.
В общем, Сашка — сволочь, псих!
Ну и на кой мы, братцы,
Выбирали их таких?

Туман густой, как творог,
Наши выселки накрыл.
У Сашкиных шестёрок
Сколько надо средств и сил —

Гуляют, руки в брюки,
Фу ты, ну ты, нечем крыть!
Они забыли, суки,
Что скромнее надо быть!

Мы сами их создали,
В голове темным-темно —
Вот нам свободу дали,
Это, типа, как оно?

Прогресс или упадок,
Хренота или ...ц?
Нам до зарезу надо
Разобраться наконец!

В нас беды и печали
Бьют в упор, наверняка,
Но мы ж тогда плясали
Возле клуба гопака!

Выходит, в нас он, корень,
А не в ком-нибудь другом,
Что вор сидит на воре,
И кругом у нас облом,

И что не будет рая,
Что сгорело всё дотла!
...А всё же неплохая
Водка Сашкина была!

...«Лети же, тройка-птица!!» —
Вот такой им наш ответ.
Россия возродится,
Тут сомнений даже нет!

1995

* * *

Их туда увезли, где война.
И оркестр на перроне продрог.
И шептала, шептала она:
«Возвращайся скорее, сынок».

Поезд в ночь, громыхая, влетел,
В гиблом мраке пробил колею,
И пролязгал, подлец, просвистел
Сумасбродную песню свою.

Жизнь бежит с переплясом лихим.
И полгода без писем, и год.
Вот она по дорогам чужим,
Горный воздух глотая, идёт.

Город по уши в пепел зарыт.
Спит земля под засохшей травой.
«Эй, вы, люди, очнись, кто не спит!
Он был с вами, он здесь, он живой...»

Ей усталый солдат дал ответ:
«С нами ужас, и бред, и беда,
А кто помнил его, тех уж нет,
И не будет уже никогда».

День и ночь, от села до села,
С фотографией старой, без сна,
По земле, что сгорела дотла,
И петляет, и кружит она.

«Пей же, пей свою чашу до дна,» —
Встречный ветер ей песню поёт.
«Он живой,» — тихо шепчет она,
И идёт, и идёт, и идёт.

Воздух горем и смертью пропах,
Только страх, вон, один, дым и чад,
Только женщины в чёрных платках
Смотрят, смотрят ей вслед и молчат.

Псы голодные рвутся с цепей,
Обезумев, у каждых ворот.
«Эй, сынок, возвращайся скорей», —
Шепчет, шепчет она и идёт —

Вновь и вновь, от села до села,
Оступаясь на скользких камнях,
По земле, что сгорела дотла,
С фотографией старой в руках...

1996

* * *

И. Г.

Ах, этот август! Бред. В Москве войска.
И друг мой Игорь, мирный программист,
Чуть по́днял кисть, курок как будто взвёл.
Ему крутили пальцем у виска,
А он, хоть и не резок, не речист,
На баррикады взял, да и пошёл.

И людям вмиг сковало холодом сердца.
И он своим махнул: айда со мной, кто хочет!
И с ним пошли. Три дня без продыха, три ночи
Они стояли до победы, до конца.

Десантные машины на ходу
Колёсами курочили асфальт,
И вот уже пошёл погибшим счёт,
И люди на прицеле, на виду
У тех, кто ошалел и впал в азарт,
И на Садовом кровь рекой течёт...

А баррикады — словно в сумраке причал.
Куда нам плыть и с кем — решалось — или-или!
И женщин гнали, но они не уходили,
Спасибо Игорю за то, что там стоял!

Солдатики штыками на броне
Копчёную кромсали колбасу,
Что люди им в авоськах принесли.
Дома оцепенели, как во сне,
И штурм — уж вот он, скоро, на носу,
И танки — словно жабы на мели.

Как будто ворон в небе крылья распластал —
Над Белым Домом тучи чёрные висят, вон.
Сто лет живу — не верю рассказням и клятвам,
А верю Игорю, который там стоял.

А что потом? В упор, вприщур на общий бал
Глядела власть, а после лавочку прикрыла.
Затвором — щёлк! И людям крышу поносило,
Но ведь была жива страна, ведь было, было —
Свобода, совесть, ум и разум, страсть и сила,
Спасибо Игорю за то, что там стоял!

1998

* * *

В старом саду третий месяц затишье,
Люди в штатском ушли на обед.
Дедушка Фирс отдыхает под вишней,
Сторожит оборонный объект,

Скрюченной кистью в кустарник вцепился,
Чтобы крепче на вахте стоять.
Вишни поломаны. Дедушку Фирса
Позабыли с поста снять.

Бейся, воюй с каждым,
Будь здоровей, злее,
Глупых гоняй граждан
Грязной метлой в шею!

Граждане, шустрые, как тараканы,
Пробираются в парк по грибы,
Вредную дрянь наливают в стаканы,
Лбом ломают стволы и столбы.

Дедушке Фирсу фиксировать лишних
Знамо дело — опять и опять!
Дедушка Фирс потайной свой булыжник
На три метра умеет кидать!

Люди идут скопом:
«Эй, ты чего, чудо?»
Фирс начеку: «Кто там?
Стой! Убивать буду!»

Рухнул объект и зарос лопухами,
Но не падает дедушка Фирс,
В люди шагнул, приучился с парнями
По утрам принимать антифриз.

Слёзно скорбя, скособоченный некто
Морщит рожу: «Ступай, хватит, дед!
Все разошлись, больше нету объекта,
Нету нас и тебя нет!»

Низкие вдаль тучи
В чёрную мглу мчатся.
Фирса трясёт, глючит:
«Где же мы все, братцы?»

Люди идут, людям по уху ветер,
Развесёлая ломится рать,
Люди в дырявые стены не верят,
Не желают объект уважать.

Злую печаль ощущая в печёнках
И хрипя, что делов невпродых,
Дедушка Фирс у забора в потёмках
Из рогатки подбил пятерых!

Дали доской сзади —
Держится, нет крена!
«Хватит стоять, дядя!
Где там твоя смена?»

Рухнул объект, поднялась скотобаза,
Дело в шляпе, скули не скули.
Фирсу взгрустнулось. Ребята два раза
Вынимали его из петли.

Ночью и днём палкой ломаной, лыжной
Отгоняя тоску, боль и бред,
Дедушка Фирс отдыхает под вишней,
Сторожит оборонный объект,

Ногтем скребет стену,
Тянет лицо к свету,
Мёрзнет, зовёт смену.
Где там она? Нету...

* * *

Баллада о том, как ветерану труда Ивану Лукичу Зайцеву, нарушившему общественный порядок в городе Ленинграде в 1990 году, нечем было, на первый взгляд, платить в отделении милиции за своё освобождение, и чем это закончилось.

Ломовую чувиху с понтовым фэйсом
Снял на точке в сквере заморский хрыч.
А в сторонке брёл по трамвайным рельсам
Старый перец в шляпе — Иван Лукич.

Он подгрёб, подчалил, надрал ей уши, —
В меру трезв, он стряхнул с нее дурь и спесь:
«Эх, за что я пахал!» — он ей смял, нарушил
Чумовой прикид и понтовый фэйс!

Он хрычу пол-рыла расквасил в кашу!
Вот его в ментовку везёт конвой.
Опер вкрадчив, хитёр: «Как же так, папаша,
А ведь в шляпе весь из себя такой!»

Вот его трясут: «Ты хоть понял, где ты,
И куда все отсюда ведут пути?
Эх, попал ты, брат, если денег нету!
Если есть, гуляй, но сперва плати!»

Орден Ленина есть на груди у Вани,
Лысаком на винте этот знак зовут.
Денег — ноль, ни копейки. Мусора по пьяни
Веселясь, из Вани верёвки вьют!

Он мурло кривит, клонит тыкву набок,
И с него, опухнув от сладких вин,
Лысака на винте взял вместо бабок
Толстопузый хрен — лейтенант Кузьмин!

Он наутро, ханью замазан густо,
Сквозанул на Невский. Она стоит —
Бабки, сука, считает! Хрустит «капуста»!
И лысак на винте на груди горит!

«Это мой лысак!» — он к ней волком, зверем,
А она: «Хорош тебе, сукин сын!
Мы с тобой бухнём, мы туман развеем, —
Норги, финики, шведы башляют зелень,
Лысака забашлял лейтенант Кузьмин!

Он вчера ко мне приставал в участке,
Денег жаль козлу, он в награду мне
Лысака-то и дал за любовь, за ласки!
Я взяла, я знаю: лысак в цене!»

Бьёт кондратий Ваню, шиза ломает!
Он грызёт мозоли, скулит, вопит,
А она смеётся, «гринь» считает, —
Шнобиль кверху, оглобли торчат, как сваи,
И лысак на винте на груди горит!

1992

* * *

Что с тобою случилось, родная земля?
Я своих потерял. Были люди — и нет.
Время вспячь понеслось. Жизнь даёт кругалья.
Снова явь за окном, как бред.

Хам повылез из всех щелей.
Всё, как раньше, в который раз.
Снова кровь, как смола, как клей, —
Кровь связала, скрепила нас.

В стаю сбились сородичи, в радостный хор,
Мне урок помогают усваивать впрок:
«Кто не с нами, тот мёртв, вот и весь разговор,
Заруби на носу, дружок!»

У меня на плече гармонь
И в кармане столовый нож,
Ты гармошку мою не тронь
И меня самого не трожь.

Я шепчу сам себе: «Терпи!»,
И аккорд невпопад беру,
И в какой-то глухой степи
«Земляки, отзовись!» — ору.

Земляки подступают с обоих боков,
Одинаковы все, здоровы, вроде пней:
«Мы верны, кому надо, а ты кто таков?
Ближний? Наш? Так давай, налей!»

Я оглобли направил вспять.
Я на ближнего болт забил.
Я хочу на трубе сыграть
Отходняк от опухших рыл.

Я природе шепчу: «Замри!»
Я про дружбу читаю стих.
Я стою посреди земли.
Я хочу отыскать своих.

Ветер воеет, как пьяный псих.
Ветер душу вгоняет в дрожь.
Я хочу отыскать своих,
Улыбнуться и бросить нож.

Я в тумане ищу просвет.
Я отбился от цепких рук.
Люди, где вы!? Ответа нет.
Я один. Никого вокруг.

Кто речист был и смел — все сомкнули уста.
Вор, подлец правят бал на просторах родных.
... Даль степная безлюдна, черна и пуста,
Кожа, кости при мне, и гармонь, и мечта —
Бросить нож и найти своих...

1990

* * *

Друг возглавил фирму. Повезло.
Это тёща шанс ему дала.
Он бугор, начальник, не фуффло,
Дебет-кредит, прибыль, все дела.

Он процесс поставил по уму,
Он мастак финансами крутить:
Чтоб на жизнь хватало самому,
Надо людям денег не платить!

Теща — старший в холдинге главбух.
Друг цехами рулит вместе с ней,
Он устал от тостов и опух
В хороводе красок и огней!

Нас в литейке двести человек,
Мы для кранов делаем груза!
Пьянства нету. Нам, как мокрый снег,
Слёзы застыт ясные глаза!

Нам в таблице пишут каждый шаг,
Сколько там графита в чугуне,
И рисуют, если что не так,
Сумму штрафа мелом на стене!

Это чтоб детей теперь кормить,
Чтоб нам дуба с голоду не дать,
Значит, надо грядки разводить,
В чистом поле щавель собирать!

Грустно нам — придурок он и псих,
Мы сказать по совести должны:
Если ты воруюшь у своих,
Значит, ты объелся белены!

Он у тёщи трётся наверху,
Он у них, как слизь на сером пне,
А ведь был же мастером в цеху,
Пыль глотал со всеми наравне!

Он на эти штрафы за бугор
Тихой сапой хочет соскочить —
Замок строить с видом на Босфор,
Грыжу в Штатах лазером лечить!

Он в Майами был на выходных,
Поглядеть, чего там за дела,
Где какой землицы там у них,
Прикупить на старость, чтоб была!

Фотку с пляжа — в плавках, в неглиже,
Он с сигарой, в шляпе набекрень,
Сбросил Катьке, бывшей протеже,
По фейсбуку, есть такая хрень!

Нам-то что? Порхай себе, как моль,
Не сидеть же дома взаперти!
Только нам мозги не канифоль,
А зарплату вовремя плати!

Он на нас, чумазых, щурит глаз
Из окна по пьяни в Первомай,
Он кричит: «Вперёд, рабочий класс,
Будь здоров, не кашляй, не чихай!»

Что с тобой, любимая страна?
Это жсть, подлянка, беспредел,
Если друг похож на кабана,
Если он от денег одурел!

С ним теперь не выпить и не спеть,
Вот и песни наши не слышны,
Это худо, братцы, это смерть,
Если друг объелся белены!

Жизнь течет, как талая вода,
В ней ни песен звонких, ни весны,
Ничего не будет никогда,
Если друг объелся белены...

2003

* * *

Партнёр мой — Лёнька, мы с ним жбанили до полного улёта,
Мы отмечали дебет-кредит, обороты, платежи,
И к нам пришел отряд бойцов — да не отряд пришёл, а рота!
У них у всех глаза под масками, как скользкие ужи!

Облава! Обыск по наколке — им источник просигналил,
Что мы финансами ворочаем сверх меры, чересчур!
И я какому-то козлу по ходу дела водки налил:
«Прими на грудь и отдыхай, у нас отвязка, перекур!»

И вот сохатый, козырной нам лечит крышу: «Руки в гору!»
А мы в ответ: «Чего ты гонишь, дай хоть ксиву почитать,
А может, ты вообще левак и просто шарிшь под контору.
Мы выпивали, черт возьми, и будем дальше выпивать!»

«Чего-то думать надо, брат, дела серьёзные, ей-богу, —
Он мне шепнул, швырнув бычок на полированный паркет, —
По штучке с носа — в самый раз, иначе — с нами в путь-дорогу!»
И я сказал ему, глумясь: «Ты извини, но денег нет!»

Они нас каждого прикладами по кумшолу урыли,
Мол, нет — так нет. Они рванули прямо к сейфу напролом!
Мы встали грудью. Пусть не до смерти, но мы их завалили,
Так будет с каждым, кто придет сюда не с миром, а с мечом!

Мы даже маски с них сорвали в том крошечном балагане,
Да, наших дедов без проблем хозяин ставил у стены,
Но мы другие, чем они, у нас «капуста» на кармане,
И на ходу стальные кони, и стволы припасены!

Что ж, мы нарезали винта, мы переехали на Мальту.
Улёт был полный, жаль, конечно, рвать с землёй родимой нить!
Зато легавка с бодуна не возит рожей по асфальту,
И можно денег подработать, чтобы семью прокормить.

Мы раскрутились в семь секунд, мы сразу стали основными,
Сидим, вон, в тапках на балконе, в СССР маляву шлём,
Что кто с мечом сюда придёт, то у того мы меч отнимем,
И об колено поломаем, и сдадим в металлолом!

Ну что ещё мне вам сказать? Закон один: трудись, работай,
И снизойдёт на всех и каждого господня благодать!
Мы с Лёнькой жбанили на отдыхе до полного улёта
И будем дальше в час веселья жбанить, квасить и кирять!

...Но вот такая хреновня, оно потом всё разъяснилось —
Они и вправду были ряженые! Весь их маскарад
Продуман так был «от и до», что Станиславскому не снилось,
Они косили под легавых точка в точку, в аккурат!

Вернуть бы, братцы, всё назад, башкой подумать, да куда там!
Какого хрена торопиться рвать с землёй родимой нить?
Тесна нам Мальта и мала. Им вот сюда бы, тем ребятам,
И я их старшего узнал, он стал народным депутатом,
Он нам по телеку втирает, как преступность победить...

Товарищ, верь, взойдёт она, звезда не эта, так другая!
В Москве, в Подлипках, в Воркуте, во глубине сибирских руд —
Россия будет вдаль, вперёд лететь, как тройка удалая,
И пусть нам ветер хлещет в харю и дожди по рылу бьют!

И, кстати, этот депутат мне новый паспорт изготовил,
Пришлось потратиться, конечно, я и Лёньку подучил —
Пусть даже дома иногда из нас попьют немного крови,
Зато какие перспективы, если есть избыток сил!

Да, заграница не для нас, хоть мы срубили крупный куш там,
Пока в ней в ней жили-поживали. Бизнес был, и хрен бы с ним!
Короче, есть он, этот факт, что нам на Мальте стало скучно.
Мы с Лёнькой заново родились. Мы на Родину летим!

1991

* * *

Мы со Светкой — на новом этапе
Нашей светлой любви. Ну, дела!
И она меня маме и папе
И гостям показать привела.

Предо мной, расплываясь, маячат
Рожи красные, как кирпичи.
Мне положено водку хреначить.
Моё дело — сиди и молчи!

Я народ уважаю, Русь.
Я предстал бы во всей красе,
Только как? Я за правду бьюсь.
Я дебил. Это знают все.

Вот, пузатый и важный, как жаба,
Мне налив под завязку бокал,
Перспективный полкан из генштаба
По загревку меня потрепал.

Нам вручают подкову на счастье,
Нам дают от квартиры ключи,
И Светланка меня по запястью
Гладит пальцем: сиди и молчи!

Я поджал в уголочке хвост,
Я, как белка, грызу орех,
И полкан произносит тост:
«Мы сильны! Мы замочим всех!»

Я в селёдку нарезал укропу,
Я не вытерпел и предложил
За свободную выпить Европу,
Я же честно сказал: «Я дебил».

То, что мы всех на свете умнее —
Это сказки, и вот мой наказ:
Пусть народы живут, как умеют:
Хочут с нами, а нет — так без нас.

Светка смотрит за мною в оба —
Пальцем — щёлк! И уже родня
Про камыш затянула, чтобы
Как глушилкой, глушить меня!

Я куриную кость вместо кляпа
В рот засунул себе и застыл.
Светка — к папе бочком: «Тихо, папа!
Он же честно сказал: он дебил!»

«Миру — мир!» — понесло меня, братцы,
Я на папу в упор поглядел:
«Хватит, папа, борзеть и бодаться
С белым светом! Долой беспредел!»

И полкан рапрямил плечо,
Молодую расправил грудь,
Рюмку взял и сказал: «Ты чё?»
У Союза — особый путь!»

Я погряз во хмелю, словно в яме,
Я сказал ему: «Парень, прости!
Слишком много костей под ногами,
Много хруста на этом пути!

Я берёзки, луга заливные
Очень даже люблю, но притом
Кто мы есть, извиняюсь, такие,
Чтоб ходить этим самым путём?»

Гриб солёный неся ко рту,
Папа с рюмкой в углу застыл
И вцепился руками в стул,
И шипит на меня: «Дебил!»

Светка в ванной от слёз погибает,
Папа тихо сидит, как сурок,
То сгибает, а то разгибает
Палец свой, будто жмёт на курок.

Самолёттик сложив из салфетки,
Притворившись тем самым, что пьян,
Он ключи от квартиры у Светки
Цапнул, сволочь, и сунул в карман!

Совесь чувствую, боль в душе,
Сотку выпил за вечный бой
И почти что в бреду уже
Светке в ванну стучу: «Открой!»

Светка, нежная, как незабудка,
Вышла, руки прижала к груди:
«Ты скажи им, что всё это шутка,
И нормально, и дальше сиди!»

Да, я пьян, самому неприятно,
Но я правило в голову вбил:
Никогда не идти на попятный!
Я же честно сказал: я дебил!

Кто-то, бешенством доверху полон,
В чёрном фраке кружит надо мной.
Отвяжись, не кружи, чёрный ворон!
Я ещё поживу, я не твой!

Строй фигур у стены — типа шахмат.
Я за жизнь опасаясь свою,
Вот сейчас они вилками звякнут
И заколят меня, как свинью.

Всё! Линяю! Пора. Ноги в руки!
Вот хватают меня за пальто.
И смеются вдогонку мне, суки:
«Мы завалим тебя, если что!»

Ивы всякие машут ветвями.
Ночь, зараза, чернее чернил.
И Светланка бренчит, вон, ключами
И орёт мне с балкона: «Дебил!»

Никакой моей мочи нет
Этот чёртов терпеть бедлам,
И гуд бай! И какой-то бред,
То, что Светка осталась там.

... Годы мчатся, как поезд порожний,
Я с ребятами бизнес завёл.
Светкин папа, начальник таможни
К нам за первым откатом пришёл.

Мы ему откатали не хило.
Он восторг ощущает в груди:
«Это ты притворялся дебиллом!
Это ты к нам ещё приходи!»

Я стараюсь дышать ровней.
Жизнь летит под откос, к чертям!
Смысла нет никакого в ней,
Если Светка осталась там!

1992

* * *

Песня представляет собой пейзажную зарисовку: Москва, осень, ночь. Комендантский час (только что закончился октябрьский путч 1993-го года). Двое — мужчина и женщина — стоят в обнимку посреди Тверской улицы, на проезжей части, на разделительной линии. Им ни до кого нет дела.

У них опять путч, а у нас любовь.
Мы в обнимку стоим посреди Москвы.
Полночь. Серый туман. Силуэты столбов.
Город пуст. Фонари мертвы.

Ты со мной. Эх, живём! Эх, гуляет душа!
Эх, сейчас я пойду по асфальту в пляс!
Мы друг друга греем впотьмах, чуть дыша,
А у этих козлов комендантский час!

«Мусора» на «моторах» калымят, бомбят,
Им сегодня лафа, куролись — не хочу!
Мчатся, фарой моргают: «Поехали, брат!
Денег нет? Дальше стой, даму гладь по плечу!»

Вот пол-третьего ночи, никто не везёт.
Мы глотнули, согрелись. У нас теперь страсть!
Значит, так: ангажирую Вас на фокстрот!
Разрешите, мадам! Раз-два-три, понеслась!

Ты осенний лист прицепила ко мне,
Как медаль, как звезду. Всё, я маршал, герой!
Я главней «мусоров». Ой, губам горячо!
Ой, ещё, ну, давай! Ну, быстрее, Боже мой!

Солнце встало, прочухалось, рот до ушей,
Нам сигналият, гудят: «Прочь с дороги, эй, вы!»
К чёрту всех! Сами прочь! Мы давно тут уже!
Мы в обнимку стоим посреди Москвы!

Пусть антенна торчит, как могильный крест,
Но в трубу водосточную за ночь сто раз
Ветер вальс исполняет, трубит в нашу честь,
И плевать, что сержант нас глазищами ест,
Что у них патрулей и постов не счесть,
Что у этих козлов комендантский час!

1993

* * *

Наш товарищ Шура, блудный сын Арбата,
Молодой советский дипломат,
На работу ездил в город Улан-Батор,
Кайф ловил в отрыве от ребят.

Он теперь в отставке, он пришёл, понурый,
Он в углу прокуренном увяз.
Мы сидим на кухне с нашим другом Шурой,
Водку пьём и слушаем рассказ.

«Братцы, я сорвался, я увлёкся пьянкой, —
Шура бьёт по сердцу кулаком, —
И притом сошёлся с юной англичанкой,
И дурак остался дураком!

Я ходил к ней в гости — та ещё оторва,
Зазвала на коржики, на чай:
«То, что мы коллеги — это просто здорово,
Не стесняйся, Шура, наливай!»

Братцы, я влюбился с первого фужера,
На контакт пошёл, как на костёр,
А она прекрасна, как звезда Венера,
На меня бросала нежный взор.

Мы с ней трое суток предавались страсти,
Это буря, смерч и ураган,
Как, примерно, Галька из военной части,
Что с поста влекла меня в туман.

А потом мы виски в кабаке хлестали
С дружбаном, с военным атташе.
Я ему конкретно излагал детали,
И звенели скрипки на душе.

Он мне ром ямайский лил в коньяк и в воду,
Он меня омарами кормил,
А к утру проспался и начальству продал,
С потрохами, сука, заложил!

На ковре у шефа в состоянье шатком
Я в окно смотрел на горизонт,
И, трясясь от злобы, два урода в штатском
Брали меня внаглую на понт!

«Ты чужой разведке передал секреты,
Ты в тайник записку положил,
Брат, скажи нам правду, и вопросов нету,
Что ты прибыль в фунтах наварил!»

И, глотая воздух, как пескарь на суше,
Мой дружбан, войдя, мотал башкой:
«Мы живём для долга, ты его нарушил.
Ты не друг мне больше никакой!»

Я сказал им: «Хватит, на хрена всё это?
Режь меня, копытами дави,
Мне ваш долг до фени, если дружбы нету,
И на кой мне служба без любви!»

Мне сказали: «Сволочь!», а потом, в подвале
Продержав неделю взаперти,
Два кило печенья на дорогу дали:
«Будь здоров, счастливого пути!»

От дождя, от снега, от судьбы паскудной
На душе у Шуры грусть-печаль.
И сосед Виталик, корефан приبلудный,
Льет ему на рожу спирт «Рояль».

Может, он Андрюха, но не в этом дело.
Может, он вообще Смирнов Степан.
Главное, не дронуть в ходе опохмела,
Руку не обрезать об стакан!

«Главное, чтоб дружба в людях оставалась! —
Это Шура тост нам прокричал, —
Чтоб душа горела, и земля вращалась,
И скворец на ветке щебетал!»

... Мы на Север Гальке в часть письмо послали,
Чтоб опять в туман его влекла!
Вот уже с ней Шурка все забыл печали,
У него на роже взор орла!

«Мне сто лет не нужен город Улан-Батор, —
Там у них сквозняк из всех углов.
Вот же оно, счастье, — Галька, дом, ребята,
Жизнь, Россия, Родина, любовь!!!»

1989

* * *

Ой, время нынче подлое, лихое
Кувалдой колошматит по башке.
Бригада не вернулась из забоя.
И нет у нас ни мира, ни покоя
В шахтёрском захудалом городке.

И, чтобы нам чихать от чёрной пыли
Без лишних слёз, вожди родной земли
Похорона по полной оплатили
И пива две цистерны привезли.

И мы сидим во дворике продмага,
И тётя Зина встала на розлив,
И пес Полкан, заморыш, бедолага,
Нас охранять приплёлся, еле жив.

И мы бежим за воблой к бабе Варе,
Глаза горят на рожках, как угли,
Она в кредит нас оптом отоварит,
Она всё знает: пиво привезли!

Его сюда сто лет не привозили
И тыщу лет ещё не привезут,
И шóфер Федька едет к нам на ЗИЛе,
И бабы с коромыслами бегут!

И старикан Антоныч выгнул шею,
И побросал в крапиву костыли,
И покатился с горки: так быстрее!
Пошло всё к чёрту! Пиво привезли!

И машинист от Бога, друг наш Колька,
На переезде бросил паровоз,
И прибежал на шум, и пляшет польку,
И пиво пьёт, и по хрену мороз!

Он от колёс, от шпал воротит рыло,
Душа поёт под стук людских сердец:
«Спасибочки, товарищ Ворошилов!
Спасибо, Сталин, наш родной отец!»

Нам машет лапой заяц на опушке,
На нас гудит гружёная баржа:
«Я б тоже с вами вмазала по кружке,
Но путь далек, и нету куража!»

И комсомолец Васька — жук, проныра,
Ведро наполнил: вот оно, ура!
Какой там, к чёрту, марш во имя мира,
Какой там, на хрен, уголь «на гора»!

У воробья вираж заложен криво,
И журавлиный клин вошёл в пике:
«Курлы-бурлы! — кричат, — мы хотим пива
И жить не хотим в грусти и тоске!»

А Кольке пятки чешут ради смеха
И чешую за шиворот суют.
Он никуда сегодня не доехал,
Он болт забил на график и маршрут!

А за рекой великие просторы,
Там тоже люди русские живут,
Там лопухи, полынь и мухоморы,
И нет дорог, и пива не дают!

Колян кричит: «За тех, кто спит в могиле!
Скорби и плачь, Сибирь, родная мать!
Их не за счастье наше положили,
А чтоб в продмаге выручку собрать!»

И ветер зол, жесток. На кружках наледь,
И пиво на исходе. Кончен бал.
И шахта нам сиреною сигналист:
«Пора на смену, чёрт бы вас побрал!»

И котелок, вон, пуст у Николая,
Он глазом вертит красным и кривым:
«Отговорила роща золота!
И жизнь прошла, как с белых яблонь дым!»

И нам туда, где сумрачно и сыро.
Закат холодный замер над землёй.
И тучи в небо впились, как вампиры.
И пива нет. И мы идем в забой...

1993

* * *

Очнувшись от сладких снов,
Пожрав из кастрюли корм,
Мой друг Федосей Ершов
Дудит в пионерский горн —

С последнего этажа,
С балкона на Млечный Путь,
Впотьмах, под дождём дрожа,
Дудит, надрывая грудь.

Секретный сотрудник служб,
Он в норах торчал, как крот.
Забитая в тишь да глушь,
Душа всё равно поёт!

В душе объявилась боль,
В душе разошёлся шов.
Тоскует, берёт бемоль
Мой друг Федосей Ершов.

До слёз, до разрыва жил,
Как скот ломовой в хлеву,
Мычит Федосей: «Я жил!
И даже сейчас живу!»

Он хочет к честной братве
Подвинуться на вершок.
С людьми хочет быть в родстве
Крутой музыкант Ершов!

И пятна лиловых лиц
Из окон, как из могил,
В пейзаж свысока вшлелись,
И свет над землёй уныл.

Из пыльных глухих щелей
Во мглу, как на кол, на крюк
Случайных ночных людей
Зовёт заунывный звук.

Сбиваются ноты с ног,
Как психи, как псы в бегах,
И вот уже — прыг да скок —
Попрал сапогом порог
Сержант со свистком в зубах.

Сожрав вместо хлеба кляп,
В прохладу, как в чёрный ров,
В полёт из железных лап
Ушёл Федосей Ершов!

Сбивая с пространства спесь,
В пути из последних сил
Он людям играет песнь
Про то, как он жил и был...

1990

* * *

Я со всех постов смещённый, я собрался в даль степную,
Вышел с горя из горкома и пошёл,
От меня отцы и дети, как от чёрта, врассыпную,
И кабан летит галопом, и козёл.

Скука, холод в чистом поле, сквозняки свистят, как пули,
Но, пробравшись через травы-ковьлы,
Мне совхозные девчата руку дружбы протянули,
В пункт приёма стеклотары привели.

И сказал начальник пункта: «Безнадёжных нынче нету,
Даже если ты — ЦК КПСС!
Нас не бойся, мы не будем привлекать тебя к ответу,
Коль от скверны душу выскреб и воскрес!»

Я всё понял, я вписался, я от жидкости лечебной
Позабыл свои чины и должности.
И плевать, что градус крепок, и что транспорт мой служебный
Переведен на запасные пути.

Широка душа у шефа, как река, примерно, Волга,
Он сказал: «Ты план составь и курс наметь.
Чтобы Родина воскресла, наше дело — первым долгом
К человеку уважение иметь!»

Пьём во имя человека, стаканы́ сдвигаем стоя,
На пейзажи, на окрестности глядим,
Балагурим с комсомолом: «Здравствуй, племя молодое,
Заходи сюда, подлечим, похмелим!»

Комсомол на нас очами из-под зонтиков сверкает,
Ноги в руки: надо взносы собирать!
Комсомол воротит рожу, перегаром вдаль икает:
«Одобрняем, блин, и будем одобрять!»

Принимаю стеклотару, для ребят внедрил новинку:
Четверть суммы сухарями выдавать,
И народ бежит в обнимку под берёзку, под рябинку
Угощения на ящик накрывать.

Вася, вечный посетитель, войлок вытащив из уха,
Душу словом поразил мне, как копьём, —
Спотыкаясь об окурки, подошёл, сказал: «Братуха,
Мы тебя за человека признаём!»

Я вождей не уважаю, их снимают, мне не жалко,
В гордом нищенстве не сдохнуть никому,
Я вождей хочу направить в люди, в жизнь железной палкой,
Пусть бутылки собирают, я приму!

Может, завтра нас в натуре приспособят для расстрела,
Но сегодня у народа путь прямой —
В пункт приема стеклотары, в храм искусства опохмела,
К свету, к дружбе, не в рудник и не в забой!

Где-то гордый буревестник громовым сражён раскатом,
Хочет клюв в пучину моря погружать.
«Эй, — кричим ему, — товарищ, к нам рули, к своим ребятам,
Будем вместе стеклотару принимать!»

1986

* * *

Я певец и плясун, мне везло и везёт,
Я служу гармонистом в элитном полку.
Зал приёмов. Стою, исполняю фокстрот,
Чтоб заморскому гостю развеять тоску.

Танцы в холле. Камин. Я гляжу из угла,
Как плешивый полкан, пучеглазый пенёк,
Верку, рыжую падлу, у края стола
Африканскому другу пихает под бок.

Ох, хорош после бани рассол из бадьи,
Ох, крепка медовуха на званом пиру!
Друг журнал ей даёт: «Вот министры мои,
Ногтем ткни, в кого хошь, я любого сожру!»

«Съешь их всех, сволочей», — Верка шепчет ему
И хохочет взахлёб, и свеча на столе
В сизом сумраке тонет, в сигарном дыму,
И бульдог возле двери хрипит, как в петле.

Верка водку лакает, и жрёт винегрет,
И серьгу золотую роняет в стакан:
«Это всё ерунда, то, что он людоед,
Я полштуки за час получу на карман!»

Он даёт ей десерт, и язык её злой
В земляничном сиропе увяз, как в крови.
Слышу крик: «Ну давай, гармонист молодой,
Жми на кнопки, играй о душе, о любви!»

В клетках горло дерут соловьи, снегири,
Верка в рыло суёт мне серебряный грош:
«Ну чего ты так смотришь, козёл, не смотри,
Выдох — вдох! Будь готов! По щелчку запоёшь!»

Он, узорчатый стул оседлав, как коня,
В чьи-то чёрные тени метает ножи,
И куском колбасы Верка манит меня:
«Ну, давай же ты, гад, сучий потрох, служи!»

Нету сил, нету слов. Я, дрожа, окунул
Африканского друга хлебалом в салат.
И в окошко, в рассвет от греха сиганул,
И забор перелез, и несусь наугад.

Первый луч по церковному пляшет кресту.
И Серёга, старлей, пальцем жмёт на курок,
Мажет, лупит по шишкам, палит в пустоту
И вдогонку мне шепчет: «Спаси тебя Бог!»

... Верка спит с африканцем, увяв от тоски.
Я в бегах. Я промёрз на ветру и продрог.
Снова ночь. Я один под луной у реки.
Сон смотрю, как они меня рвут на куски,
И Серёга мне шепчет: «Спаси тебя Бог!»...

1997

* * *

Слышишь шорох дождя, слышишь ветра протяжное пение...
Ты одна на перроне. Закат золотой, словно сон.
И в серебряных сумерках кружатся листья осенние,
И войны вроде нет. И увозит солдат эшелон.

Вон, один, на подножке, за поручни держится ржавые, —
Он на танцах вчера ещё был целый вечер с тобой, —
Он букет васильков тебе бросил: «Счастливо, кудрявая!
Нам сегодня в дорогу, а завтра — за Родину, в бой!»

У шлагбаума берёза, как кость, пьяным ветром обглодана,
И ты стебли ломаешь, и шёпот застыл на губах:
«Ну опомнись, постой, подожди, ну какая там Родина?
Ну какая там жизнь в этих чёртовых чёрных горах?»

Прыгай, прыгай сюда, дни и ночи у нас будут длинными,
Видит Бог, заживём, да и ладно, что грудь не в крестах».
Но безмолвно несжатое поле, покрытое инеем,
Но колёса стучат, и колосья колышатся в такт.

И уносится поезд, и двери вагонные заперты,
И впотьмах, обезумев от стужи, кричат журавли.
Ты под серой луной на перроне стоишь, как на паперти,
И гудок, бесконечный и злой, завывает вдали.

И сквозняк ледяной вяжет рот, словно вишня неспелая,
И какая-то тварь завывает в дремучем бору,
И колёса, колёса, колёса стучат опалелые,
И колосья, колосья колышатся в такт на ветру...

1996

* * *

М. С.

Столбы за окном, как скелеты,
И ветер порывистый, шквальный.
Вдали ни огня, ни просвета.
Стакан залудить — и нормально!

Я в бизнес вписался, как в бездну,
Охрип, и прокурена плевра,
А если я завтра исчезну,
Родня и не чухнется, стерва.

Геройские звёзды на лацкан
Общественность мне не прицепит.
И люди то в форме, то в штатском
Мечтают вогнать меня в трепет.

Смурной и угрюмый, как осень,
Начальник, майор, в ходе шмона
Привычно и вежливо просит
На лапу четыре «лимона».

В Госбанке служивые люди
Беснуются радостным роем:
«Наличности нет и не будет,
Мы всех толстосумов прикроем!»

Пускай мою кровь без возврата
В бокал наливают хрустальный.
Пожалуйста, пейте, ребята,
По сто пятьдесят, и нормально!

Сквозняк ощущаю макушкой.
Извилины в вечных мозолях.
Я помню — «макар» под подушкой,
«Калашников» — на антресолях.

Сосед семенит по аллее,
Пирог пожирает пасхальный,
Кричит мне: «В пивной веселее!
Ребята нальют, и нормально!»

А если я шею и спину
Ввиду воспалённого нерва
Согну и безвременно сгину,
Родня и не чухнется, стерва.

Я за полночь с другом надежным,
С Семёнычем сел капитально.
Гори оно всё, сколько можно?
Стакан залудить, и нормально...

1991

* * *

Под балконом черешня поспела,
А людя́м кислород перекрыт:
Здесь индустрия раньше гудела,
А теперь ни хрена не гудит!

Луч змеи, словно тонкое жало,
По заводу скользит тут и там.
Всё крутиться у нас перестало,
Всё вокруг повалилось к чертям!

Петька в воздухе вертит лопатой,
У него и азарт, и кураж:
«Я хочу бить рекорды, ребята!»,
А ему отвечают: «Шабаш!»

Толстосумы над ним пролетали,
За успех выпивали до дна,
Петьке сверху рукой помахали:
«Не сдавайся! Держись, старина!»

Эх, тоска, словно плётка тугая!
Петька с криком: «Вперёд! Победим!»
Транспортёрную ленту тягает —
На разливке, вручную, один!

Толстосумы от счастья гогочут,
Из ружья завалив кабана,
И обратно летят, лясы точат,
Петьке машут: «Держись, старина!»...

1995

* * *

Суббота. Утро. Гомон-крик. Толпа штурмует гастроном:
Кашира, Тула, Клин, Можайск, и мы — десант из Костромы,
Мешки, авоськи, рюкзаки, бутылки, банки, пыль столбом,
Москва для нас — не ближний свет, а жрать-то надо, чёрт возьми!

Толкает, жмёт со всех сторон угрюмый, дёрганный народ,
Здесь лица серые у всех, как будто снег в конце зимы,
И каждый местный скалит рот, скулит, ревёт, как бегемот:
«А ну, колхоз, посторонись!» А жрать-то надо, чёрт возьми!

Нам продавщица овощей кричит: «Придурки, скройтесь с глаз!
Бараны, бестолочи, сброд!», а мы ей: «Дочка, извини!»
И пересортицу, гнильё она сует нам, и на нас
Имеет гривенник с рубля. А жрать-то надо, чёрт возьми!

Я слышу — бабы мне кричат: «Айда на площадь Ногина,
Там колбасы невпроворот, народу нету до семи!»
И мы туда — на трех такси, со всех колёс! Но ни хрена!
Замок. Закрыто на учёт. А жрать-то надо, чёрт возьми!

У трёх вокзалов, вон, снуют проводники, у них аврал,
Скупают всё, везде, у всех. О, Боже, грешных вразуми!
Хлеб-соль и весь другой товар в утробу хищную вобрал
Вагон «Москва — Владивосток», там тоже люди, чёрт возьми!

В «Новоарбатский» гастроном, как в Мавзолей, очередь,
А сбоку — тайные ходы, исчадь ада, царство тьмы.
Сейчас туда из чёрных «Волг» нырнут и нас опередят,
Чего хотят, то и берут. А нам что делать, чёрт возьми?

Товарищ важный подкатил и нам с три короба наплёл:
«Кальмаров, карпов, осетров, балык, шашлык могу достать!»
Он с нас собрал по пять рублей, ушёл и больше не пришёл,
Наверно, место позабыл, где мы его остались ждать!

Сержант нас гонит по домам, как вошь тифозная, пристал,
Но мы упёрлись: не уйдём, хоть режь, расстреливай, казни,
Нам говорили, здесь у всех душа и совесть — как кристалл!
Тот человек, что деньги взял, придёт, мы верим, черт возьми!

Мы на скамейках будем спать, а завтра утром — снова в бой!
Со свежих глаз сумеем все — и грудью встать, и лечь костями!
«А ну, мешочки, подъём!» — нам крикнет утром постовой.
Москва для нас — не ближний свет. А жрать-то надо, чёрт возьми...

1985

* * *

Я — кукла.
Я мордой кулак принимаю хитро́.
Опухло
Моё от пинков и ударов нутро.

Со мною
Мой ангел-хранитель, палач и партнёр,
Он роет
Копытами грязь — славный парень, майор.

С моей подрасстрельной статьёй я от вышки, от пули
Отмазан. Я куклой служу вот при этих ребятах,
Им ветры горячие душу прожгли и продули,
Они — моя высшая мера, мой крест и расплата.

За шею
Железный захват! Мне командуют: «Бей!»
Темнеют
Рубцы и мозоли на роже моей!

Он лупит
И слева, и справа, в охотку и власть!
Он любит
Подсечь и добить. Я не должен упасть!

В Анголах, Афганах ему куковать, мне — на досках, на нарах,
А нам бы с девчатами рвать васильки в чистом поле!
Соперник силён, но и я далеко не подарок,
Мы рубимся насмерть! Он честный, он всё мне позволил!

Сквозная
Дыра вместо сердца с душой у него.
Я знаю:
Мой шанс на побег — ноль, всего ничего.

Он в норме —
Глаза как репы, и оскалена пасть,
Он сдёрнет
Три шкуры с меня. Я не должен упасть!

Ещё полминуты! Я пойман на ложном замахе.
Тройной апперкот! Задыхаюсь, и солнце потухло!
Держусь! Устоял! На плечах голова, не на плахе!
День прожит, и шанс мой со мною. Я кукла...

1993

* * *

Ты бывший морпех, ты теперь городской глава,
Ты мэром назначен и тащишь свой тяжкий груз.
С секретной войны ты когда-то, живой едва,
Из Африки в гипсе вернулся назад, в Союз.

Пустыня отпела оставшихся там ребят,
И новое, юное племя, служивый люд —
Коллеги, что вместе с тобой за столом сидят,
Тебя, только свистни им, сукам, живьём сожрут.

Тыща вёрст до родного села.
Ты, как в детстве, летаешь во сне
Над рекой, где прозрачна вода и светла —
Каждый камешек виден на дне.

Ах, как ты нырял в неё, помнишь? — крутой обрыв,
Песчаный пригорок, — девчонки, разинув рты,
Глядят и галдят: «Берегись!» Ты легишь, легишь,
И брызги уже, словно пули, секут кусты!

Ты вырос. Ты в низких поклонах не гнул хребет, —
И честь, словно шпагу, чтоб ни было там, хранишь.
«Да где ж ты видал-то её?» — говорят тебе,
А ты только молча зубами в ответ скрипишь.

Ты закроешь глаза в тишине
На секунду, и снова с тобой
Золотые берёзы в закатном огне
И костёр над рекой голубой.

Твой шеф, твой хозяин, ворюга, подлец и скот,
Что может любого в упор наповал сразить
Звонком куда надо, тебя в кабинет зовёт
И мордюю будет об стол битый час возить.

Мол, как-то ты мало доходов в казну принёс,
Бюджет, не бюджет, поглядим, вот сюда ложи!
Ну, ладно, солдат, ну, чего ты воротить нос?
Что честно, что нет, дома мамке своей скажи!

... Хуже пьяной трясушки тоска
Сердце рвёт. А в родной стороне
Ждут тебя. Там светла и прозрачна река —
Каждый камешек виден на дне...

2005

* * *

Я хожу
по степи в печали,
Огоньки
светятся вдали.
Вот меня
девки повстречали
И в забой,
в шахту привели.

Там — ещё
четверо приبلудных
Спят в углу.
Клавка им орёт:
«Вас — лихих,
смелых, безрассудных,
В бой, в прорыв
Родина зовёт!»

Мрак в окне.
Клавка, словно кукла,
Вдаль глядит,
и в глазу — восторг:
Мол, рекорд
по добыче угля
Будет бить
Сашка, наш комсорг!

Вы ему
малость подмогнёте,
Будто он
выдал десять норм,
И у нас
будете в почёте,
И иметь
крышу и прокорм.

Мы в забой
 после двух бутылок,
В ночь пошли,
 мутные уже,
Кто-то вслед
 мне шепнул с носилок:
«Эй, братан,
 будь настороже!»

Клавка мне
 спела панихиду,
Подмигнув
 глазом голубым:
«Если ты
 станешь инвалидом,
Мы тебе
 грамоту дадим!»

Мне назад
 больше нету хода.
Ой, хрустит
 шейный позвонок!
На меня
 рушится порода,
И стоит
 в стороне Санёк.

Я лежу.
 Сашка, злой, суровый,
Мне в карман
 сунул три рубля:
«Ты шахтёр,
 а не хрен моржовый!
Встань, воспрянь,
 дай стране угля!»

Мы впотьмах,
впятером, зверея,
Грызли пласт
из последних сил.
«Эй, вы, там,
гаврики, быстрее!» —
Веселясь,
Сашка голосил.

Нас наверх
вынесли из шахты.
Все бегут
Сашку поздравлять:
«Есть рекорд!
Счастье! Ух, ты, ах, ты,
Брат ты наш,
Саня, так держать!»

Ой, ой, ой,
бедный я, несчастный!
Сашка — трус,
гнида и сморчок,
А ему
вымпел дали красный
И на грудь
вешают значок!

Мне дают
серебром полтинник:
«Пиво пей,
кушай винегрет!»,
А ему —
именной будильник,
Патефон
и велосипед!

На дворе —
 праздник Первомая.
Я вошёл
 в штопор и в пике,
Я вразнос
 с девками гуляю,
Водку пью
 в красном уголке!

Я башкой
 вдарил по баяну,
Мне тоской
 челюсти свело!
Клавка, тварь,
 мне бинтует рану:
«Ты чего?
 Всё идёт по плану,
Лес рубить
 время подошло!»

Я бегу
 вдаль во тьме кромешной,
Клавка вслед
 машет мне рукой:
«Не споткнись,
 друг ты мой сердешный,
Ты прости,
 Сашка — мой герой!»

Ой, ой, ой,
 синий, как из морга,
Лик луны
 замер над землёй,
Ой, ой, ой,
 я избил комсорга
На углу
 около пивной!

Вот меня
 в «воронок» сажают,
Ой, суров,
 грозен мой конвой,
Мне в пути
 косточки считает
Экипаж
 машины боевой!

Ой, ой, ой,
 слёзы прямо на пол
Ой, ой, ой,
 падают со щёк!
Я в тайгу
 еду по этапу,
А ему
 вешают значок!

Ой, скрипят
 кости на морозе,
И вообще —
 полная хана!
По прямой
 вдаль меня увозят,
Там, вдали,
 нету ни хрена!

Парни, вон,
 встав на перепутье
Возле рельс,
 выпили, поют.
«Эй, — кричу, —
 бдительными будьте,
Если к вам
 девки подойдут!»

2003

* * *

Ты напрасно его не трогай,
Пусть он просто помашет вслед.
На скамейке сидит Серёга —
Мой товарищ ушедших лет.

Колбасу тесаком кромсяя,
Он опёрся о край стола,
И от ножика тень косая,
Словно шрам, на висок легла.

Он башкою трясёт лохматой,
Он листву со скамейки смёл.
Он физтехи кончал, мехматы,
Он за школу играл в футбол.

А теперь он — мрачней могилы —
Под холодной кривой луной
Водку пьёт и воротит рыло
От любимой страны родной.

Он окурок бросает в урну —
Весь в трухе с головы до пят,
Он салют отдаёт Сатурну:
«Я тебя уважаю, брат!

На просторах твоих печальных
Мразь людскую поди увидь, —
Только скалы и лёд. Нормально!
Я хочу там до смерти жить!»

Злые ветры снуют проворно,
Воздух смертной тоской пропах
В этих дебрях дремучих, чёрных,
В этих старых глухих дворах.

И, шагать не желая в ногу,
Ровным строем по горло сыт,
На скамейке сидит Серёга
И клыком об стакан скрипит.

«Всё пропало, — он шепчет, — братцы!
Всё летит под откос, к чертям!
Я хочу в лопухах валяться,
Чем ходить по чужим костям!

Чем тебя, как барана шлёпнут,
Лучше водки налить в стакан, —
Лучше в ней, чем в крови, утопнуть, —
Вот поэтому я и пьян!»

Он не видит меня, хоть тресни,
Хоть ты сдохни, он всё забыл.
Он играл на гитаре песни,
Он у девок в почёте был.

А теперь изнутри изжога
Сердце, грудь ему, глотку рвёт.
... На скамейке сидит Серёга,
Смотрит в небо и водку пьёт...

1988

БАЛЛАДА О 1986 ГОДЕ,
КОГДА В СССР ИЗДАЛИ УКАЗ
О БОРЬБЕ С НЕТРУДОВЫМИ ДОХОДАМИ

*Всем бизнесменам страны Советов той
поры посвящается эта песня.*

Я в Крыму выходные провёл.
Море синее. Рай. Благодать.
Я в «Берёзке» добро приобрел,
Чтоб в краю кипарисов продать.

А в Уваровке мент тётё Маше клешнёй козырнул,
«Прочь, мамаша, с перрона, — сквозь зубы ей — внятно и кратко, —
Уберите укроп, здесь не рынок, кончайте разгул,
И прошу вас пройти на предмет составления акта!»

... Пульс, как дятел, стучит у меня,
Рожа белая, как простыня.
Я швейцарские франки, штук сто,
Сдуру, спьяну просыпал на стол.

Мой сосед по купе подмигнул: «Скоро еду в Париж»,
Я молчу пока — кто его знает, на что намекает?
«Может, надо чего?» — он пристал, я ответил: «Шалишь!
Я аванс получил, тридцать восемь рублёв, мне хватает».

Вот я в тамбур иду покурить,
Там шатание в массах, разброд,
Люди шепчут: «Как дальше нам жить?
Отбирают последний доход!»

В Малой Вишере мент заявился на хлебозавод,
Дядю Мишу свинтил после смены с буханкой ржаного:
«Ты не нас, — говорит, — обокрал, — весь советский народ!
Будет строг приговор и суров, помяни моё слово!»

Я в столице значительный чин.
У меня на лице сто морщин
В виде букв образуют узор,
Знак на роже: не пойман — не вор!

Брат-полярник мне пишет письмо: «Ты фарца, спекулянт!»
«Называй хоть горшком, только в печку не ставь!» — я ответил
И гуляю хожу, весь в раздумьях, по отчим полям,
Из червонцев бумажного змея пускаю на ветер.

Вот туристы залезли в вагон
И душевную песню поют.
Их не топчет судьба сапогом,
Дым костра создаёт им уют.

У меня с собой тоже рюкзак, там чудес невопрогляд,
Там не шило, не мыло, не соль, не сушёное мясо,
Я везу «Джи-ви-си семь шестьсот», неплохой аппарат,
И в кассетах кино, двести штук, для шахтёров Кузбасса.

От легавых почет мне и честь,
Будто я заместитель какой, —
Наша дружба крепка. Стимул есть.
Мой бумажник всегда под рукой.

А в Сухуми, я лично видал, милицейский патруль
Паралитика снял с раскладушки, и мордой — в крапиву:
«Топай лесом, браток, твой хозяин — кулак и куркуль,
Гад, подлец, — честь и совесть за прибыль отдал, за наживу!»

Власти рвутся в атаку, в прорыв,
Вредный сектор громят в пух и прах.
Я смеюсь: мой наличный актив
Два «лимона» в советский рублях.

Я прораб перестройки — в саду своём лямку тяну,
В жаркий полдень сок манго ведром достаю из колодца.
... А в Уваровке мент объявил тёте Маше войну,
В Малой Вишере мент дядю Мишу в браслеты закочал...

РАЗДЕЛ V

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

Две мои бабушки, Ольга Андреевна и Ксения Ивановна, много рассказывали мне о прошлых временах — о революции 1917 г., о до-революционной жизни в деревне, о войнах, в которых участвовали их отцы и деды.

Рассказчицы они были замечательные, умели заворожить, и многое из услышанного от них стало складываться у меня в рифмованные тексты. Я спрашивал у бабушек: «А вам что ваши бабушки рассказывали о той жизни?», они вспоминали вслух то, что не забылось, так, что у меня оно перед глазами стояло — конкретнее некуда. И все эти сказочные Иваны-дураки, скоморохи, вся эта голь перекатная, эти мои солдаты, вернувшиеся в родные сёла с разных войн, все персонажи давно минувших дней — они у меня как-то в крови, с детства. Казалось бы, где они и где мы сегодняшние, но мне всё равно, сколько лет прошло с тех событий на русской земле, которые меня волнуют. Для меня очевидна связь между тем, что было, и тем, что сейчас, поэтому я и включил в книгу этот раздел.

* * *

Глухомань дремучая давит, мучает,
Вот оно, поехало, понеслось!
В чашу непролазную, в темень тьмущую,
Наугад, без сил тащусь, на «авось».

Голого да босого, меня бросила
Вся честная братия, сдох мой конь,
Нет друзей-товарищей, но пока ещё
Глотка есть лужёная да гармонь!

Про житьё-бытьё пою,
Гоню беду,
По болотам шлёпаю,
Иду-бреду.

Никакой надёжи нет
На светлый путь,
Каждый рад-радёшенек
Мне рот заткнуть.

Вот раскрыл по-скорому в мою сторону
Челюсти скрипучие водяной, —
Захотел отужинать, чёрт контуженный,
Чем-то свежим, новеньким, в общем, мной.

Дети его малые, годовалые
«Папа, — воют, — миленький, жрать хотим!
В списках он не значится, что с ним нянчиться,
Мокрые, в аду потом не сгорим!»

Местным не перечь ты,
Эх, на кой я ляд
После пьянки с печки
Слез, пошёл гулять?

Всей толпой насели —
И азарт, и прыть!
Разобрался. Мне ли
Тихим, робким быть?

Рядом ведьма лешего брагой тешила,
Наливала горькую через край,
Я к ним — не с советами, а с куплетами,
«Эй, — кричу, — компания, подпевай!»

Резануло по уху зверю-олуху, —
Лучше пить без продыху, сладко спать,
И за корку лишнюю глотку ближнему,
За пятак, за гривенник разорвать!

Ведьма в ухо лешему
Хрипит навзрыд:
«Ну чего ты, врежь ему,
Поставь на вид!

Ножичком немножечко
Поковырай,
Каблуком под ложечку —
И к Богу в рай!

Хватит дурня миловать, вразумили ведь:
Время твоё кончено, сукин сын,
Разлетится надвое голова твоя,
И дружки не вступятся, ты один!

Отгулял весёлый сброд кочевой,
Всех в овраги, в омуты побросали,
Вроде как и не было ничего,
Вроде и не пели здесь, не плясали!»

Хоть шею мне намылили,
Кричу опять:
«Подпевайте, милые,
Кончайте спать!

Вам ли с вашим норовом —
Да по углам
Киснуть? Выше головы!
Бог в помощь вам!»

У болотной шушеры дыбом волосы:
«Эй, браток, заказывай костыли!
А чужому голосу не житьё в лесу,
Тиной мы и плесенью заросли!

Умный — за ушко тебя да солнышко,
Шустрый — так стреножат, чтобы в землю врос!
Буйные головушки — вон, на колышках,
Да ещё, вон, катятся под откос!»

Ветер, пьяный всмятку,
Мне намял бока.
У меня с устатку
Набекрень башка.

Страх на сердце скользкий —
Словно мох на пне.
Вот и смерть по-свойски
Подошла ко мне.

Подошла и пламенно обняла меня:
«Ты сюда к нам, выпивший, сам не свой,
Словно рыба в сети лез, вот и встретились,
Напоследок что-нибудь выдай, спой!»

Что ж, не ссорюсь с местными — тропы тесные,
Подыхать — так с песнями, слушай, тварь!
И с разбойным присвистом переливистым
Я ей спел, как раньше здесь пели встарь!

И у смерти волчий
С губ слетел оскал:
«Ты подумай, сволочь,
За живое взял!

Даже у меня, вон,
Грусть-печаль-тоска,
Эх, хорош ты, дьявол,
Что ж, гуляй пока!»

На судьбу не сетую. Что, вообще-то, я
В этих дебрях делаю, не понять,
Самому не верится — я проветриться
Просто вышел по лесу погулять.

Скуотица лютая — где тут люди-то?
Хоть бы кто откликнулся, чёрт побрал!
Всё вокруг повыжжено, эх, не вижу я,
С кем бы я на пару здесь спел-сыграл!

Пусть вокруг беснуются твари-чудища,
Пусть в лесу пути мои вкось и вкривь,
Звуки-то какие-то подаю ещё —
Значит, не в могиле я, значит, жив!

... Я к папане рóдному
Есть лапшу
Восвояси, дó дому
Не спешу.

Здесь я к свету вылезу,
Здесь пробьюсь,
Нет пути мне из лесу.
Остаюсь...

1985

* * *

С картой меченой в колоде,
С песней, с посвистом
Горе-горькое гуляет, бродит
По свету.

Вот оно с кривою рожей
Лунной полночью
Мне пришлось ломать, корёжить
Жизнь разбойничью.

Ох, ненастное вокруг,
Лихое времечко.
Налетели лучший друг
И два брательничка.

Намудрили, наплели,
Накуролесили.
За три метра от земли
Меня повесили.

Хоть мою проворно, ловко
Душу вынули,
Второпях петлю-верёвку
Не намылили!

На суку висеть, болтаться
Неудобно мне.
Помогите развязаться,
Люди добрые!

Старцы-странники прошли,
Посторонилися,
Побросали костыли,
Перекрестилися:

«Мы злодействами такими
Взбаламучены,
Но развязывать узлы мы
Не обучены!»

Девки мимо пробежали
В лес с корзинами,
Мои пятки щекотали
Хворостинами.

Говорили: «Мол, поплачет
Пусть его жена.
А хрипит в удавке, значит,
Так положено!»

Мне б хоть в землю, в прорубь, в клетку.
Боже, смилуйся!
Услыхал — гнилая ветка
Обломилася!

Я с бедою не в ладу,
Ох, дайте времечко, —
Друга лучшего найду
И двух брательничков!

1982

Со скамеек прыгнули
Маша с Дашей,
Вася шепчет в сторону:
«Нет, не зря
Я бродил, корячился.
Девки пляшут!
Нету в них отчаянья,
страха, зла!»

Свечи. Утварь всякая,
Чашки-ложки.
Петька польку брякает
На гармошке.

За окном морозная
Ночь глухая,
Вот и осень поздняя
Подступает.

Дождь уже от стужи стал
Злей, проворнее,
В сером небе кружатся
Листья чёрные.

Девки в погреб спрятались
от метели,
Ковыряют пальцами
в бочках мёд:
«Мы горячих бубликов
захотели,
Вася постарается,
принесёт!»

Девки смотрят в сторону
очумело:
«Съели мы, повыпили
всё подряд,
Нам для жизни хочется
опохмела.

Вася, мы уставшие.
Сбегай, брат!»

Парни, протрезвевшие,
на подмогу
Встали, трое, четверо,
и пошли,
Костылями грохая,
в путь-дорогу,
Чтоб в дороге выбросить
костыли.

Ливень, ночь холодная,
чёрт бы с нею,
Резвый, лёгкий на ногу,
заводной,
Вася впереди идёт,
крест на шее
И котомка тощая
за спиной.

Он морковкой хрумкает:
«Это дело,
Что сидеть над рюмкой вам
Надоело.

Если вместе по́ миру
В путь пошли вы,
Значит, вы не померли,
Значит, живы!»

1992

* * *

Эй, эй, вставайте, братцы,
Проснитесь, братцы, горят костры.
Эй, эй, пора нам браться,
Пора хвататься за топоры!
Нас мало вешали,
Мы живы, ежели,
Крепки оглобли, клыки остры.

Эй, эй, в подвал, в колодец,
Добром, боярин, пошёл в капкан!
Эх, зол честной народец,
И не от браги, от крови пьян,
Всех толстых — побоку,
И к ногтю, к обуху,
Всех мертвых — в сторону, в овраг, в бурьян!

Эй, эй, не можем, что ли,
Хоть раз в полвека, хоть как-нибудь,
Эй, эй, заветной воли
Отведать сердцем, нутром глотнуть?
Пусть морды виселиц
На нас окрысились,
Пусть наготове петля и кнут.

Эй, эй, не можешь драться —
Впотьмах, под стражей лежи и спи.
Эй, эй, вставайте, братцы,
Сосед соседа поторопи,
Чтоб хоть по лезвию
Гулять над бездною,
Но не под плетью, не на цепи!

Эй, эй, разиньте уши,
Беда подкралась на взмах руки,
Эй, эй, по наши души
Стучат копыта, звенят клинки.
Нас мало вешали,
Мы живы, ежели
Крепки оглобли, остры клыки...

1982

* * *

Что ж, вы, ребяташки, что ж, вы, хорошие,
По лесу, по свету прочь разбрелись?
К нам заворачивай, люди прохожие,
С нами гуляй-пляши, пой-веселись!

Все, кто живой ещё
После побоища, —
К нам, кто убитый, но не до смерти, —
Волчьими тропами,
Рысью, галопом ли,
С чёртом ли в ступе, прости, Господи!

Слово свободное, вольное, дерзкое
Жить разучилося в наших домах,
Конница царская, войско стрелецкое
Рядом без продыху рыщет впотьмах.

Нынче нельзя шагать
Нам ни вперёд, ни вспять —
Кровь, как трясина, вяжет ноги нам,
Нынче привычно нам
В лапы к опричникам,
Спать под конвоем, петь под ножиком!

Что ж, вы, товарищи, братья-друзья мои,
Больше не можете жить в полный рост?
Бейте по струнам влёт, пальцы упрямые,
Пусть будет короток путь на погост!

В холод ли, в оттепель
Смерть двери рвёт с петель.
Пой громче, друг, пока на воле ты!
Если, попав под плеть,
Мы не успели спеть,
Значит, и слёзы даром пролиты...

1982

* * *

Чтоб в песнях прославил я
Законы и правила,
Которыми жив острог,
Сосед мне пол-пряника
Принёс от начальника:
«Дерзай, чтоб скостили срок!»

Придумал куплеты я,
И твари отпетые
Мою оценили прить.
«Терпеть нам нельзя его, —
Сказали хозяева, —
Пускай перестанет жить!»

Солдатику бедному,
Юнцу неприметному
Служить палачом впервой.
Он в рай мне добро давал,
Повесить попробовал,
А я всё равно живой!

Когда прибежит беда,
Не ждал, заспешил в бега,
Забыв известить конвой,
И стражники-лодыри
Зевают до одури,
Не верят, что я живой!

Пусть лучшие самые
Сломались друзья мои
И встали ко мне спиной,
И вы, девки подлые,
За грош меня продали,
А я всё равно живой!

Мне лютого врага
Дурить любо-дорого,
Творить про себя молву,
Мне почести розданы
Кнутами и розгами,
А я всё равно живу!

Приятели временно
Припёрли к стене меня,
«Ну, что ж, ты, — сказали, — пой!»,
Ручищами резвыми
Вязали и резали,
А я всё равно живой!

По косточкам топая
Скоты узколобые,
Оскалясь, сомкнули строй,
С похмелья да сослепу
Слоняются по свету,
Забыли, что я живой...

1984

* * *

Гости в доме пьют-гуляют,
И Маруся, дочь купца,
Нежно Ваню обнимает,
Удалого молодца.

Гости скачут, словно бесы,
Хоть косою их всех коси.
Маня шепчет: «Ты из леса
Мне подснежник принеси».

Под гитару, под гармошку
Гости пляшут. Гнётся пол.
Посошочек на дорожку
Ваня принял и пошёл.

Ой, потеха! Девки млеют!
Стужа, холод на дворе!
Ой, послали дуралея
За цветами в январе.

Лес дремучий. Путь в тумане.
Уж и вовсе нет пути!
Ой, взаправду хочет Ваня
Ей подснежник принести.

Ой,хватило б только силы.
Маня шепчет у ворот:
«Что я, дура, натворила?
Он замёрзнет, пропадёт!»

Ой, бушует, завывает
Злая вьюга над землёй.
«Где он кружит, где плутает
Мой дружочек дорогой?»

Эй, ко мне напропалую
Жми, Ванюха, во всю прыть!
Заласкаю, зацелую,
Отогрею, будем жить!»

...Ваня вышел на равнину.
Вот и ветер поутих.
Снег по пояс, как тряси́на,
Ой, добраться б до своих!

Ой, забыться бы от боли
Да с Марусей сесть за стол!
...Он один был в чистом поле.
Он дороги не нашёл...

2003

* * *

Мы люди пропащие, бедные.
Семьсот в сундуке — и все медные.
Живём на отшибе, в глуши, впотьмах,
С пелёнок вязал и душил нас страх.

С похмелья бьём об пол башкой,
Под лавками сладко храпим,
А как там живут за рекой,
Не знаем и знать не хотим!

Не тратим мы времени попусту,
Гуляем уверенной поступью —
С ножами, с камнями за пазухой,
Эй, кто там кому шепчет на ухо?

Эй, кто там спиной на ноже
В овраге лежит, пьяный в дым,
А, может быть, мёртвый уже,
Не знаем и знать не хотим!

Плевать, что урядник наш глуп
И нравом известен крутым.
Кого он там душит в углу,
Не знаем и знать не хотим!

Эй, кто там с гармониями, с дудками,
С куплетами да с прибаутками?
У наших ребят руки чешутся —
Помочь им топиться и вешаться!

Мы чиним кривые плетни,
Замки день и ночь мастерим,
А кто там забитый плетьюми,
Не знаем и знать не хотим!

У нас на селе благодать.
Молчишь — значит, будешь живым.
А то, что не велено знать,
Не знаем и знать не хотим!

1983

* * *

Наизнанку, кверху дном
Вывернуты наши рты.
Мы на «ты» с самим царём,
Мы — придворные шуты.

Царь по-царски жизнь живёт.
Если что, то мы при нём,
И в лихой голодный год
Не подохнем, не помрём.

Царь давить врага горазд —
Грамотеев, мудрецов.
Всё, что на уме у нас,
Говорим ему в лицо.

Говорим: «Отец, живи
Двести лет и триста лет!»
Он сегодня рот кривит,
Завтра даст мешок монет.

По дорогам там и тут
Шляется острожный сброд.
Вон они — сюда идут
Из-за гор, лесов, болот.

Каждого честной народ
Вилами припрёт к стене,
В дудки, в гусли мордой ткнёт
И повесит на струне.

Мы поможем, подтолкнём.
Эй, с гармошкой, рот прикрой!
Не тебе играть с огнём!
Подышаешь — чёрт с тобой!

Каждый нынче — вор-подлец,
Всё продаст за сахар-мёд.
Вон, уже святой отец
С голодухи крест грызёт.

Хором Бога к чёрту шлём,
Возле плахи скалим рты.
Мы на «ты» с самим царём.
Мы придворные шуты...

1984

* * *

Ночь глухая, окаянная!
Стужа. Осень. Первый снег.
Голова больная, пьяная,
Эй, пустите на ночлег!

Чай, не в барские хоромы я
Постучался. Всем привет!
Гармонист я! «Мы знакомые», —
Чей-то голос мне в ответ.

«Ох, дымится та трава ещё,
Что в саду у нас пожгли!
Помнишь, как твои товарищи
За поживой к нам пришли?»

Мы смурные были, квёлые,
Нас кололи, как овец,
А ты песни им весёлые
Во всё горло пел, подлец!

Среди месива кровавого
Сладко спал ты, гад, храпя!
Молодого да кудрявого,
Мы запомнили тебя!»

«Да, дорожками окольными
Здесь разбойный люд гулял.
Я с людьми лихими, вольными
В чьих-то избах пировал,

Острый ножик не вытаскивал
Из кармана своего,
Пел, плясал, всего лишь навсегда
И не помню ничего!»

Мне в ответ: «Ори хоть до смерти,
Ты с ворами жил, как вор!
Здесь витает, прости, Господи,
Дух твой бесов до сих пор!

Полупьяный, полусонный ты,
Будь приметлив при ходьбе, —
В чёрной чаше злые омуты
Заскучали по тебе!»

Я тяну, толкаю, дёргаю
Двери, ставни. Нету сил!
Ладно, хватит, люди добрые,
Я и вправду всё забыл!

Ну их к чёрту, счёты давние,
Или нет на вас креста?
Ну, давайте, православные,
Отворяйте ворота!

Снова голос тихий, вкрадчивый
Не спеша берёт разбег:
«Вспять оглобли поворачивай,
Развесёлый человек!

Всё, что свято, пропил дочиста, —
Пьяный, трезвый, больше впредь
Не ходи к нам, коль не хочется
Вон на той ольхе висеть!»

Ой, трещит от страха-ужаса
От беспамьяства башка!
Лес дремучий. Листья кружатся.
Путь-дорога далека.

Светом солнечным не тронуты,
Ждут, готовят мне беду
В чёрной чаше злые омуты,
Я в них сгину, пропаду!

Был же, был я тихий, ласковый
В своей жизни кочевой,
Пел, плясал — всего лишь навсегда,
И не помню ничего...

1996

* * *

Звёзды — как поганки.
Месяц — гад кривой.
Я иду с гулянки
На кулачный бой.

Парни, вон, в потёмках
Встали, словно пни,
И не хлеб в котомках —
Камни, кистени!

Ветер звонким эхом
Просвистел, как кнут,
Эх, пошла потеха,
Бьют ребята, бьют —

По зубам ли, в лоб ли,
Одного другой
По горбу оглоблей
Да под дых ногой!

Чужаков — как грязи.
Я не слаб, не хил,
Я с размаху наземь
Семерых свалил.

Холод щёки колет,
Дуб башкой трясёт,
Над капустным полем
Кровь рекой течёт!

Нет парням покоя,
Рёв над полем, хрип,
Двух ли, трёх ещё я
Завалил, зашиб!

Да и нас утюжат,
И, проклятый, злой,
Чёрный ворон кружит
Над сырой землёй.

Мы близки к победе,
Лишь Петруха, псих,
С перепоя бредит:
«А за что мы их?»

Ой, какие песни
Хором голосить
Мы могли бы вместе,
Баб с ума сводить!»

Ветер гнёт крапиву,
Враг лежит пластом.
Мрак. Бурьян. Мы живы,
Мы домой идём.

Над болотом тучи.
Петька мрачен, тих,
Лишь под нос канючит:
«А за что мы их?»

Я врага жалею,
Сам себя стыжу.
До утра в тоске я
На печи лежу.

Пью рассол из банки.
День прошёл, другой.
Я иду с гулянки
На кулачный бой...

2002

* * *

Ой, злодейка-вьюга
Закусила удила!
Друг напротив друга
Три деревни, два села.

Сто на сто. Всё честно.
Жгуч мороз и ветер лют.
Девкам интересно.
Девки семечки грызут.

Ой, душа в полёте!
Ой, лежачего врага
По мордам молотит
Молодая мелюзга!

Ой, свистят на славу,
Как кувалды, кулаки,
Бой идёт кровавый
У излучины реки!

Мужики не помнят, почему, зачем сцепились,
Бьют друг друга, месяц, только Петька-гармонист
Развернул гармошку, из кустов каких-то вылез
И кричит народу: «Эй, народ, утомонись!»

Ой, гундосит сладко,
Ой, щекочет потроха
Петькина трёхрядка —
Золочёные меха!

«К чёрту, — он горланит, —
Вашу дурь и вашу спесь!
Чем бузить по пьяни,
Лучше спляшем прямо здесь!»

Эх, слинять ему бы,
Все пьяны в опилки, в хлам:
Ты с какого дуба
Рухнул на головы нам?

Прочь ползи отседа,
Польку бацай за пятак,
И отцы, и деды
Спокон веку жили так!

Вот и слов уж нету, только рык звериный, лютый!
Парни бьются насмерть, задыхаясь и сопя,
«Эй, — хрипят, мычат ему, — убогий, шибанутый,
Кто ты есть, чтоб ставить слишком много из себя!?»

Петька шепчет: «Боже,
Нам бы всё навек забыть,
Что ещё мы можем,
Окромя как морды бить?»

В небе, словно крендель,
Ясный месяц, сукин сын.
Петька спятил, сбрендил,
Против всех пошёл один!

«От тоски, от скуки,
Чем друг друга в ключья рвать,
Всех заставлю, суки,
Под гармошку петь-плясать!»

Вот уж не слабó мне
Вас разделить под орех!»
Он себя не помнит,
Он идёт один на всех!

Мужики замешкались: «А ну-ка ты поди-ка,
Он не трус, ей-Богу, хоть и псих, как ни крути,
Он нас, чёртов хлюпик, сбил с прицела, с панталыку,
Может, нам и вправду под гармошку в пляс пойти?»

В пляс, не в пляс, а всё же
Присмирели мужики,
Им уже по роже
Бить друг друга не с руки.

Вспомнили ребята:
Дел по дому — пруд пруди, —
Рванный, драный, мятый,
Добрый, злой — домой иди!

У Петрухи малость
Повылазил глаз на лоб,
Ох, ему досталось,
Он по-взрослому огрѐб.

За кустом телега,
Сам залезешь — увезут.
Он ползѐт по снегу,
Девки семечки грызут.

Мужик довольны: «Мы поцапались немножко,
Всѐ отбито — ребра, селезѐнки и сердца,
Но зато мы знаем: зазвучи она, гармошка,
Мы друг другу вышибем мозги не до конца».

По домам, по хатам
Через грязь, враскачку, вброд
Разбрелись ребята,
Отдыхать ушѐл народ.

Раскрасавец Пронька —
Шрам полметра на плече —
Дремлет потихоньку
На печи в параличе.

Шепчет, спину съёжил:
 «Хоть росточком я и мал,
 Руки-ноги тоже
 Кой-кому пообломал».

Он, клопов гоняя,
 Машет Клавдии, жене:
 «Ох, пожил не зря я
 Во родимой стороне!»

Сумрак злой и зябкий,
 Да в тумане плешь, прогал —
 Колька к мамке с папкой
 Кое-как приковывлял.

У него в кармане
 Острый ножик с кистенём:
 «Ничего, маманя,
 Мы своё ещё возьмём!»

Дядька Фрол, вояка,
 Синяки считать устал
 Да протезом брякать,
 Племяша к себе позвал.

Громыкнул бокалом,
 Вышил, салом закусил:
 «Мы им по сусалам
 Надаём, что будет сил!

Вот весна настанет,
 Будет снова враг разбит!
 Эх, душа воспрянет,
 Развернётся, полетит!»

Крепок спирт в бокале,
 Он допил его до дна.
 Презимовали.
 Вот и солнце, и весна!

Петькина гармошка
В стороне звучит, вдали.
Дядька Фрол в окошко
Племяншу кричит: «Пошли!»

Тот зевает, злится:
«А чего нам — сто на сто —
С чужаками биться
Ни за что и ни про что?»

Да и как-то тоже
Все вокруг мои дружки
Уж воротят рожи
От излучины реки!

Чем с размаху в брюхо
Да по рылу получить,
Лучше мне с Петрухой
На гармони вальс учить!

Ну скажи мне, дядя
Нам стоять в одном ряду
Вместе чего ради?
Я с тобою не пойду!

Сам с собой толкую,
Разобрать хочу, решить
Что ещё могу я,
Окромя как морды бить!»

Тот молчит, вздыхает: «Что ж, не хочешь, так не лезь ты
В дело наше свойское, а мне уже назад
Отступать негоже».
Вот на том же самом месте
Снова парни встали —
Пятьдесят на пятьдесят...

1999

* * *

Невесёлые нынче у нас
дела,
Страх с утра по деревне бегом
бежит —
Мимо смерть проходила и к нам
зашла,

Осмотрелась слегка и осталась
жить.

Ей никто не даёт
От ворот поворот,
Каждый — ходу
От беды, от греха —
Дома стынет уха!
Мы со смертью не спорили сроду!
Знает, помнит народ,
Что забот полон рот,
Полон дом, огород,
И карман, и живот,
Эх, авось пронесёт!
Выжидаем,
молчим,
ждём погоды.

Нет погоды. И ладно. Гуляем,
пьём.

А пока по деревне сто раз
на дню
Смерть вразвалку проходит с кривым
ножом —
Скоро, скоро работу начнёт,
резню!

* * *

Мы на марше, мы в строю!
Нам неведом страх в бою!
Есаулы-ротмистры
Для веселья-бодрости
Нам нальют-дадут
По сто грамм на грудь.
Веселей, ребята, в путь!

Левой, правой, раз, два, три!
Ветер глотку жжёт снутри!
Эй, не будем хмурыми,
В пляс пойдём под пулями!
Завтра будут злы
Чёртовы стволы!
Выше голову, орлы!

Командир наш, голова,
Хватит плетью баловать,
Не звени медалями,
Не таких видали мы,
Сами мастаки
Шкуры о штыки
В клочья изорвать, в куски!

Эй, голуба, не горюй!
Нам гореть в чужом краю!
Никуда не денешься,
Жизнь — копейка-денежка,
Ржавый грош-пятак,
Ерунда, пустяк,
Эй, ребята, шире шаг!

1986

* * *

В штабе с дружками
За семью замками
Горькую глушит главный генерал,
Топчут солдаты,
Бравые ребята
Землю сапогами. А один отстал.

В дождь-непогоду
Криком мутит воду:
«Впереди по ходу горная гряда!
Люди лихие,
Годые, чужие
Вас к себе не звали. Братцы, вы куда?»

Братцы вздохнули
И вперёд, под пули
С песней рванули. Горе — не беда!
Он до упада
Вдаль кричит: «Не надо!
Оглянитесь, гады!
Стойте, вы куда?»

Шлёпает войско
Поступью героической,
Входит по-свойски в сёла-города,
И не вяжет лыка,
И не кажет лика,
И не слышит крика:
«Братцы, вы куда?»

Всех окружили,
В землю положили
Каждый в могиле стигнул без следа, —
До поры не знали
Горя и печали,
Крика не слышали:
«Братцы, вы куда?»

1996

* * *

Ваня едет на телеге. У него похмелье,
Руки сводит, ноги сводит, и в глазах бело.
Он шатался, шлёпал по свету с родной артелью,
Только грош остался ржавый от поры былой.

Ваня пыльной пеленою окружён, окутан,
Сонно светит одинокая над ним звезда.
Он трясётся по ухабам, позабыл, откуда,
Он везёт, чего не знает, позабыл, куда.

Небо мутное вдоль тракта да земля пустая,
Волки воют да телега колесом скрипит.
Кляча квёлая, хромая головой мотает,
Ветром вбок её, к оврагу повело с копыт.

Свист разбойный, сумрак вечный на родном раздолье,
В рощах, в зарослях оборванный народец лих, —
Сброд на стрёме, наготове кистени и колья,
Ваня едет, как и ехал, наплевать на них!

Может, раньше он тут прыгал с головою в омут,
Может, с Машей целовался вон за той горой.
Едет Ваня на телеге, ничего не помнит,
Что вдали там — крест могильный или дом родной!

Рвали Ваню на кусочки, окунали в пекло,
С глаз долой — на смерть, на подвиг посылали вдаль,
Всё запуталось, смешалось, всё вокруг померкло,
Ваня воет на берёзы. У него печаль.

Ой, поникла, закружилась голова хмельная,
Пить охота, но горька в реке, черна вода.
Ваня едет на телеге, ни конца, ни края,
Он везёт, чего не знает, позабыл куда...

1990

* * *

Ой, ты, земля чужая,
Ваня своё отбыл.
Ваня с войны шагает,
Ваня врага убил.

Кровь
 присохла к ладоням,

Вот
 и кончен поход.

Ваня в ручье студёном
Руки об дно скребёт.

Ваня под птичий гомон
Звонко чеканит шаг.
Он не дошёл до дому,
Он завернул в кабак.

Ветер —
 злее, всё злее.

Ночь —
 темней, всё темней.

Ваня врага жалеет.
Ваня кричит: «Налей!»

Ваня костыль забросил.
Помнит, как шли снега,
Как отражалась осень
В синих глазах врага.

Зелье
горькое, злое.

Ваня —
хмурый, хмельной,

Хлещет, кричит: «За что я
Шёл на врага войной?»

Ночь, не видать дороги.
Холод. Ненастье. Мрак.
Ваня волочит ноги
Из кабака в кабак.

Ветры
встречные воют,

Ваня
руки к ручью

Тянет, кричит: «За что я
Жизнь положил свою?
Жизнь положил свою?»

1986

* * *

Он не шарамыжник, он купец.
У него деньжищ навалом.
Я летела птицей под венец.
Пряник на ходу жевал он.

Розы ставлю, астры на столы.
А в душе — полынь, репейник.
Ой, браслеты словно кандалы,
Ожерелье — как ошейник!

Я сижу, как дура, у окна.
Хоть бы уж сосед пришёл бы!
Мой опять уехал. Я одна.
А ему что в лоб, что по лбу!

Ой, проходит юность! Дни летят!
Холодна земля сырая!
Тучи, как солдаты, встали в ряд,
А вдали гармонь играет.

Там моя деревня, там родня,
В конуре кобель костлявый,
Там мой друг Петруха ждёт меня,
А я кофе пью с какавой!

К чёрту ожерелье и купца
С бородой колючей к чёрту!
Я в ночную мглу сошла с крыльца,
И сквозняк щекочет морду.

Плачу, полгорбушки на ходу
В тощую засунув торбу.
Ветер. Волки воют. Я иду.
А ему что в лоб, что по лбу.

Кругаля дала — опять скребёт
По сердцу тоска кинжалом.
И гадюкой серой жизнь ползёт,
И добра в доме навалом...

1988

* * *

Эй, народ честной,
Люди добрые,
С нами вместе пой
Песни бодрые.

Эй, помощнички,
Ну-ка, в очередь —
Остры ножики
Кровью потчевать!

Наш короткий сказ —
Вешай, режь, руби!
Третьи сутки казнь —
Аж в глазах рябит!

От заплечных дел
Спины ломит нам,
И душа, и тело
В оскоминах!

Где твой мил-дружок,
Красна девица?
Вон, у плахи лёг —
Чуть шевелится.

Жги его, руби,
Бей, чего теперь?
И, как в проруби,
Пропади в толпе!

Знай, за что дают
Злато-серебро,
Рожу с кожей
Сдёрни с черепа —

Камни-яхонты,
Бархат-шёлк, что хошь,
Одним махом ты
В сундуки сгребёшь!

Эй, мальчоночка,
Гни врага к земле
И тихонечко
Подтолкни к петле.

Ты один живой
Сын у маменьки,
В нечестивца свой
Тоже камень кинь!

Гольий-босый ты,
Хмель в головушке,
Выпей досыта
Вражьей кровушки,

Ну-ка, дай ещё
В темя, в край виска,
Раззудись, плечо,
Размахнись, рука!

Торопись, топор,
Поспешай, петля!
Кто убивец-вор,
Пой, пляши, гуляй!

Всех смутьянов в гроб —
С вашей помощью!
Я мозги сквозь лоб
Сапогом ищу!

Эй, ты, старый хрыч,
Не увиливай,
Ты не хнычь,
Ты петли намывливай!

Больше, милый мой,
Силы-резвости,
Зубы выломай
Зверю-нехристю!

Где твой мил-дружок,
Красна девица,
У чужих сапог
В струнку стелется,

У царя-отца
Под ботфортою
Огрызается
Рваной мордою!

Завтра кровь рекой
Хлынет сызнава,
Докажи, что свой —
Вздёрни ближнего!

Не разлей-вода
С государем мы,
Всласть живём, когда
Пахнет жареным.

Эй, народ честной,
Люди добрые,
С нами вместе пой
Песни бодрые.

Государю в смех
Бей, свои своих,
Вон, сначала тех,
А потом других!

Пусть местами нас
Поменяет царь
И от скуки враз
Оклемается.

Не повывелись
Люди с крепким лбом,
Возле виселиц
Вместе в пляс пойдём.

Вам и нам почёт,
Ну-ка, прочь, тоска,
Развернись, плечо,
Размахнись, рука!

1984

* * *

Кошки, псы дворовые
 спят в подвале,
 Дохнут под корягами
 караси,
 И навеки замерли,
 замолчали
 Соловьи-разбойники
 на Руси.

Голоса гнусавые
 по-над лесом,
 Вдоль обрывов бойкая
 болтовня —
 Этот роет мордою
 пыль и плесень,
 Тот ревёт и корчится
 на камнях.

Слово за слово прячется,
 Вот с ужимкой крысиною
 Род людской в яму пятится
 Бездорожьем, трясиною.

Ртом грызя перекошенным
 Пальцы нежные, белые,
 Шепчет царь: «Так положено,
 Ничего не поделаешь!»

Даже царь пейзажами
опечален, —

Жаль, что вид на мерина
некрасив,

Что на веки вечные
замолчали

Соловьи-разбойники
на Руси.

Царь по стенам корячится,
Тишина ему уши рвёт:
Где там с вилами прячется
Нечестивый честной народ?

Кто в потёмках, вон, сгорбился,
Бить наощупь приученный?
У людей нету голоса,
Значит, есть колья с крючьями...

1983

* * *

Ой, да навек уснул дремучий
Лес возле нашего села,
Ой, да крапивою колочей
К нам путь-дорога заросла!

В дальнюю даль по белу свету
Мчится, летит народ честной,
К нам, злым и хмурым, хода нету,
Нас объезжают стороной.

Ой, да в густые наши травы
Было кому навек упасть,
Ой, погуляли мы на славу,
Ой, поразбойничали власть!

Вор, проходимец и повеса
Здесь так и шёл вприсядку в пляс, —
Эх, за оврагами, за лесом
Путь проложили мимо нас.

Там слёзы горькие не льются,
Там с песней звонкой, удалой
Всадники смелые несутся
Вдоль по дороге столбовой.

Ой, высока же та крапива,
Ой, стебли спутались, сплелись!
Эй, кто-нибудь, сюда, мы живы!
Эй, люд проезжий, отзовись!

Эх, нам уже буянить-драться
Трезвым и тихим, не с руки,
Пришлых пугать, самим бояться, —
Ой, так и сохнем от тоски!

Братцы, сюда! Никто не слышит.
В поле затерян волчий след.
Ветер вдали кусты колыхет.
К нам никакой дороги нет...

1991

* * *

Спят буржуи вечным сном в могилах.
Надька бодрствует. За ней пришли.
Надька жмётся по углам уныло,
Узел тощий прячет в печь, в угли.

Понятые топчут пол, как в спячке.
Надька — первая из всех хапуг,
Брошка с яхонтом у ней в заначке
И подсвечников с резьбой семь штук.

Красотой её сражён до бреда,
Комиссар Серёжка в дурь попёр,
Он своим кричит: «Пошли отседа!
Грабишь вора — значит, сам ты вор!»

По вредителям шмалять ему бы,
А он Надьку, вон, ласкает, мнёт,
При свечах её целует в губы
И настойку из малины пьёт!

А она ему: «Давай-ка сядь-ка!»
И черешню ему в рот суёт.
Полюбила комиссара Надька,
Музицирует ему фокстрот!

«Ты чего от нас воротить рыло? —
Из ЧК пришёл мордастый хам, —
Гувернанткой у графьёв служила
Распрекрасная твоя мадам!»

«Ну вас в баню, подлецы, паскуды! —
У Серёжки разговор простой, —
Я у Надьки отымать не буду
Брошку с яхонтом и хрень с резьбой!»

Руки за спину ему — в два счёта!
И недолго совещался суд:
За берёзами вдали болото,
Комиссара на расстрел ведут!

«Есть и будет то, что раньше было, —
Он конвою, веселясь, орёт, —
Меня Надька при свечах любила,
Музицировала мне фокстрот!

Вас не любят, значит, жизнь — на ветер!
Вы не любите — так жить на кой?
Значит, нету вас вообще на свете,
Все вы мёртвые, а я живой!»

Пахнет травами земля сырая,
Где-то в роще соловьи поют,
За околицей гармонь играет,
Комиссара на расстрел ведут!

Держит «маузер» усатый дядька,
Ясный месяц, как индюк, надут,
На завалинке рыдает Надька,
Комиссара на расстрел ведут!

Порыдала, пригубила морса,
И чекист, вон, сам, как граф, на вид,
Утешать её, подлец, припёрся,
«Ты иди ко мне, мадам!» — кричит.

Пир горою, пироги в корзинке,
Оба-двое самогонку пьют,
А Серёжку по крутой тропинке
Под конвоем на расстрел ведут!

Ох, и шпарит за окном трёхрядка!
У чекиста жар и трепет, зуд.
Пляшет, прыгает, хохочет Надька,
Комиссара на расстрел ведут!

... Ох, чечёточку чекист отстукал,
И, обшарив с фонарём сундук,
Брошку с яхонтом уносит, сука,
И подсвечников с резьбой семь штук...

1996

* * *

Он землю родную оставить не в силах.
А ей — на чужбине искать новый дом.
У Керченской пристани в сумерках стылых
Они в целом мире — одни под дождём.

Последние части уходят из Крыма.
Никто никогда не воротится вспять.
И люди, бедою и ветром гонимы,
К причалам бредут среди пепла и дыма.
Эскадра на рейде. Пора отплывать.

Он мог бы, наверное, долю получше
Найти, и тоску, словно лёд, расколоть.
Она ему, тихо: «Прощайте, поручик,
Я всё понимаю. Храни Вас Господь!»

Отплыли. И явь позади хуже бреда.
И берег остался вдали, за кормой.
И красные будут всю ночь за победу
На площади пить и плясать под гармонию.

И кончится пир, и начнётся работа,
И будет похмелье, и грохот, и гам, —
Весёлые хлопцы, расстрельная рота —
Стуча сапогами, пойдут по домам.

И снежная крошка, и чёрные тучи
Над беглой эскадрой. И курс — на восток.
«Дай Бог уцелеть Вам, прощайте, поручик, —
Звучит напоследок, — храни Вас Господь...»

1995

* * *

Дом достроить не смог он;
Вон они под окном —
Трое в ряд — встали боком:
«Собирайся, пойдём!»

Ветер листья крутил
Над холодной рекой,
И уньлю курил
У калитки конвой.

В доме снег, в доме холод,
Да стрижи гнезда выют,
И земля вместо пола.
В доме люди живут.

Пёс вдогонку хрипел,
И под серой луной
Сапогами скрипел
У калитки конвой.

Эх, Сибирь, эх, Россия,
Пыльный тракт, как петля,
Да заборы кривые,
Эх, родная земля...

Ямы, пни тут и там,
Нет дороги домой.
И туман, и туман,
И конвой, и конвой...

...Хоть бы ветра глоток
Мчатся, мчатся — туда —
На восток, на восток,
Поезда, поезда.

Эх, тайга вековая,
Тьма и тьма, лес глухой,
Ни конца и ни края,
И конвой, и конвой...

1997

* * *

Ты послушай, дочь, как плачет ветер.
Твой дружок лучше всех на свете.
Значит, рядом с ним беда,
И везде, всегда
Ему первому — все палки-плети.

Никуда вам от судьбы не деться.
С кем другим бы сговориться-спеться!
Лучше плохонького взять,
С ним ходить-гулять
Да на лавке возле печки греться.

Ветер тихого его такого
С ног не свалит, не согнёт в подкову,
Далеко не унесёт
От твоих ворот,
Не утащит от крыльца родного.

Ох, судьба его ломает, скосит.
Разлетитесь вы, как листья в осень.
Твой красивый, молодой
В стороне чужой
Головы своей лихой не сносит.

Вот и осень за окном лютует.
По дружочку слёзы льёшь впустую.
Даже ветер не узнал,
Где он сгинул, где пропал,
Свою голову сложил лихую...

1993

* * *

Не скучай, народ, а ну! —
Под хмельные вина
Провожала на войну
Мать родного сына.

Сколько их на край земли
Увезли без счёта?
Годы долгие прошли.
Снова дома, вот он.

Где, какая там война,
Знать никто не знает.
Он на лавке у окна
Время коротает.

За столом сидит один,
Зубы сжал покрепче.
«Что с тобой, скажи, мой сын? —
Мать в сторонке шепчет, —

Почему твой чуб седой
И на лбу морщины?
Ты от браги сам не свой,
От тоски-кручины.

Сердце в ключья искромсал
Хмель острее сабли,
Ты б друзей своих собрал,
С ними пел, плясал бы!»

«Мать, о чём ты, не пойму, —
С кем мы раньше пели,
Все друзья в огне, в дыму
Сгинули, сгорели.

Мать, поставь свечу на стол.
... С гор туман спускался.
Целый взвод в атаку шёл.
Я один остался.

Я их вижу, как живых.
Эй, пехота, где ты?
Нет со мной друзей моих,
Значит, жизни нету».

... За окошком чёрный лес
Одурел от стужи.
Ветер, ветер, пьяный бес
Над погостом кружит.

Волки воют на луну
Да скрипит осина.
... Провожала на войну
Мать родного сына...

1995

* * *

Мы поутру, спозаранку
Встать на работу не можем.
В доме разруха и пьянка,
Грязь и разбитые рожи.

Дом стоит, словно призрак проклятый,
Окна, окна в снегу у него,
Словно уши, забитые ватой.
Мы не слышим вокруг ничего.

На завалинке девки зевают,
Парни сладко на стульях храпят,
Завывает метель, завывает,
Снегопад на дворе, снегопад!

Странное что-то такое
Слышали раньше, давно мы:
Где-то вдали за горою
Люди живут по-другому.

Вот и встали, пошли — двое, трое:
«Эх, одним бы глазком посмотреть,
Что и как там у них за горою,
С ними вместе хоть что-нибудь спеть!»

Им вдогонку орут: «Хватит, братцы,
Все помрем, всё, что было, не в счёт,
За каким тогда лешим стараться,
Если вьюга следы заметёт!»

Ветки еловые гнутся.
Ветер вопит, вяжет ноги.
Люди по снегу плетутся.
Люди бредут по дороге.

«Пусть он долог наш путь, нескончаем,
И уют позабыт, и покой,
Нам конец, если мы не узнаем,
Что и как там за этой горой,

Где живут по-людски, не по-волчьи,
И без подлой и пьяной возни,
Стиснув зубы, работают молча,
И где помнят себя, чёрт возьми!

Говорят, там весёлые песни,
Не смолкая, под солнцем звучат,
А у нас день и ночь, хоть ты тресни,
Снегопад, снегопад, снегопад!»

Месяц кривой и убогий
В сумраке тлеет и тает.
Люди идут по дороге.
Вьюга следы замечает.

Пятки, ступни сбиты, стёрты.
Глотки горят от изжоги.
Людям кричат: «Хватит, стойте!»
Люди идут по дороге...

2001

*С. Киреев (крайний справа) и его сибирская родня, 1972,
г. Прокопьевск Кемеровской обл.*

РАЗДЕЛ VI

В этот раздел вошли некоторые мои ранние песни.

* * *

То улицей, то площадью
Утюжу землю отчую,
Ищу дорогу ощупью,
По швам трещат мозги,
Дороженька неведома
В закате цвета вермута,
Душа в пучину ввергнута,
Ой, Боже, помоги!

А мне судьбой завещана
Душевнейшая женщина,
С рассвета и до вечера
Подохни, но лобзай!
И груз кристальной честности
До смерти на плече нести,
И стиснутые челюсти
Скрипят, как тормоза!

Шальная, бестолковая
Башка моя дубовая!
Лимитчик из Тамбова я,
Собачья моя жизнь!
Опять мы с Колькой в штопоре,
Шарфы и шапки пропили.
Менты во тьму протопали,
Махнули мне: «Держись!»

Забуду имя-отчество,
Вернусь, когда захочется,
Чтоб под кроватью скорчиться
От каблуков родни,
Вот звук чугунной поступи,
Собрать потом хоть кости бы,
Ох, Господи, ох, Господи,
Спаси и сохрани!

1979

* * *

Она держалась под руку,
Девчоночка зелёная,
Она проснулась поутру,
В него вполне влюблённая,

Ненужная, случайная,
Шальная, злая, вздорная,
Очнулась и отчалила
На все четыре стороны,

Ушла, сорвалась запросто,
Как лист осенний по ветру,
К востоку, к югу, к западу,
А, может, даже к полюсу.

Она ему оставила
Красивое презрение,
Исчезла, как растаяла
По щучьему велению —

Ненужная, случайная,
Шальная, злая, вздорная,
Проснулась и отчалила
На все четыре стороны.

А он, дурак, своей судьбой
Средь бела дня ограбленный,
Дурной тоской, хмельной тоской
Отравленный, — оставленный,

Забыть не мог печальную
Девчоночку зелёную,
Залётную, случайную,
В него вполне влюблённую,

Ту, что сорвалась запросто,
Как лист осенний по ветру,
К востоку, к югу, к западу,
А, может, даже к полюсу, —

Ненужная, случайная,
Шальная, злая, вздорная, —
Отчаянно отчалила
На все четыре стороны...

1977

* * *

У вас гулянка и народу полон дом,
И чашки прыгают, и стены — ходуном!
Я Вас любил, и вот стою, не чую ног,
Меня приятель приволок на огонёк.

А Вы сидите на диванчике,
Сосёте леденцы,
А стаканы вокруг стаканчики
Звенят, как бубенцы.

И кто-то рыжий из-под стула
Тянет голову к столу,
И я, печальный и сутулый,
Возле стенки жмусь, в углу.

Вы мне киваете: «Да-да, большой привет,
Ах, сколько зим ждала я, дура, сколько лет!
Ах, как бросалась к телефону, смех и грех,
Вон тот, под стулом, мне теперь милее всех!»

А я принёс Вам одуванчики,
Ромашки, васильки,
А Вы сидите на диванчике,
Зевая от тоски.

И Клавка, шустрая блондинка,
Руку жмёт мне под столом
И говорит: «Меняй пластинку!
Догулялся! Поделом!»

У ней, у Клавки, страсть, истома, жар в груди:
«А ну, давай, меня до дома проводи!
Тебя любили, чудака. Не твой тут бал.
Ты всё прощёлкал, проворонил, потерял...»

А Вы сидите на диванчике,
Гульба, бутылки в ряд,
А стаканы́ вокруг, стаканчики
Звенят, звенят, звенят.

И мне не с Вами — с душой-Клавою
Вдвоём куда-то вдаль
Шагать, и в сквере спать под лавкою,
С ноги ронять сандаля.

А Вы сидите на диванчике,
Жуёте шоколад,
А стаканы́ вокруг стаканчики
Звенят, звенят, звенят...

У Вас на шее шарф из шёлка,
И, с башкою набекрень,
Мне рыжий машет: «Что пришёл-то?»
И гитара — трень да брень.

А Вы сидите на диванчике,
Гульба, бутылки в ряд,
И стаканы́ вокруг стаканчики
Звенят, звенят, звенят...
Звенят, звенят, звенят...

1979

* * *

Я пришёл к ней — галстук в клетку
И рубаха в канарейках,
Мы гуляли по проспекту,
Целовались на скамейках.

Задыхаясь и стесняясь
Непривычных слов,
Я базарил в лоб, в глаза ей
Про свою любовь!

На одних подарках спятил,
Воровал три дня сверх плана
И долдонил ей, как дятел:
«Я хочу Вас неустанно!

Вам всё можно, Вам не сложно
Сгинуть насовсем,
Только прежде перережьте
Мне штук двадцать вен!»

Спазмы в горле, дрожь по скулам —
Вот засёк я взглядом цепким,
Как она в метро махнула
Документом милицейским! —

А потом по-обезьяньи
Улыбалась мне:
«Познакомь меня с друзьями,
Я своя вполне!»

Мы на катере катались,
И в пылу осатанелом
Обнимались, целовались,
Как родня перед расстрелом.

И под скрип зубов и вёсел
Встал я в рост, во всю длину
И за борт её я бросил
В набежавшую волну!

Там она, в реке глубокой,
Спит, как спящая царевна,
Разглядеть её в бинокль
Я пытаюсь ежедневно.

Ведь теперь я в пух и перья
Весь разбит тоской.
Дорогая, навсегда я
До конца с тобой!

Злая прихоть — в воду прыгать
Съела мой покой!
Дорогая, до конца я
Навсегда с тобой!

1980

* * *

У Женьки
С Преображенки
Такие в душе оттенки,
Что сам он
Готов хоть в саван,
Готов хоть под нож, хоть к стенке.

Вчера мы зверюгу-опера во мгле ночной отловили —
Он шьёт нам дела, как пуговицы. Но смотрим — не он, не тот!
Но, раз уж попался — вот тебе! Мы рыло ему набили,
Ведь мы же на зверя этого охотились целый год!

«Ребятки!
Включай обратку! —
Женёк призывал к порядку,
Не то ведь
Судьба отловит, —
Самих нас расплющит всмятку!»

Мы сделали то, что сделали, а нам бы его послушать,
Но ступор у нас, оскомина от всей его трескотни.
Пока мы до дома шлёпали, он нам проорал все уши:
«Конец нам, ребята, если мы такие же, как они!»

И через
Такую ересь
Ему кореша приелись,
И с нами,
С его братьями
Все песни его отпелись.

Эх, видно не зря в лице его нам жизнь подавала знаки.
Он в штопор от нас, в запой ушёл, а нам-то и впрямь капут,
А мы через год угробились в аварии, в автозаке —
В троллейбус какой-то врезались, когда нас везли на суд...

1981

* * *

По улице по Каланчёвской
Иду с растрепанной причёской,
Колочий дождь ко мне цепляется,
Шумит, бузит, как горький пьяница,

И по асфальтовым обочинам,
По тротуарам раскуроченным
Иду, пою, почти что трезвый я,
Мерцает месяц, словно лезвие,

Как будто дьявол взял под нож мою
Москву — старуху суматошную.
Эй, ты, кривая, злая, лютая,
Я молод, весел, я люблю тебя!

По улице по Каланчёвской
Иду походочкой нечёткой,
А в переулках с утра до ночи
Менты спуют — не все там сволочи,

Верчусь, как ключ в замочной скважине:
«Неужто, братцы, не уважите!
Светла печаль ночами летними,
Я вам налью, и вы налейте мне!»
Туман вдали, потёмки мутные,
Душа поёт! Девчата ждут меня!

По Каланчёвке, как под плёткою,
Бегу, скачу, стучу чечётку я!
Вверху блестит чего-то, светится —
Юпитер, Марс или Медведица,

Шарфом машу: «Эй, вы там, чудики,
Рули сюда на звуки музыки!
Я дам вам килек и горошечку
Под водку с пивом, под гармошечку!»

У трёх вокзалов, вон, веселие,
Я пью со всеми. В доле, в деле я!
Ура! Баланс держу упрямо я!
Бурлит красавица-Москва моя!
Поёт и пляшет, во хмелю хрипя.
Эй, ты, я вот он, я люблю тебя!

1979

* * *

Дождь-доходяга отморосил, от мира сего отцепился,
Вдаль по-пластунски уполз во тьму поздний, пустой трамвай,
В чёрное небо светофор дёрганным глазом впился,
И во дворе на скамейке спит мирный алкаш Николай.

Звёзды ведут хоровод над ним, и вороньё хохочет,
И дядя Вася — дворник, друг рядом присел на край.
Рогом ворочает в небесах месяц, начальник ночи,
Тихо вздыхает — он видит всё — светит: «Держись, Николай!»

Вот милицейский мотор хрипит, как человек в удавке,
Люди из окон глазеют вниз, слушают свист и лай,
Люди горды: мы не пьяны, мы не лежим на лавке,
Нас никуда не увезут. В общем, прощай, Николай!

«Не отдавайте его, он свой!» — галки, грачи кричали,
Он пропадёт — грянет ваш черед сгинуть ко всем чертям!
Люди под лампами пили чай, со смеху подыхали,
Гладили кошек, несли, смеясь, ложки к раскрытым ртам.

Ветер деревья ломает-гнёт, гложет кору и корни.
Снова машина рулит во двор, льётся из кружек чай.
Всех увезли. Нет никого. Лишь дядя Вася, дворник,
Возле скамейки скулит, как пёс: «Эх, Николай, Николай!»

1980

* * *

Снова кровь бурлит во мне, волнуется,
Снова март звенит ручьями тальми,
Но в окне напротив — через улицу —
Ты платком печально помахала мне.

Дождик потихоньку капает,
По щекам меня царапает.
Холодно сегодня очень мне,
Пропадаю на обочине!

Тыщу раз родня твоя удавится,
Но со мной не пустит на свидание.
Ты — в очках учёная красавица,
На гитаре шпарю в ресторане я!

Дождик, злой, холодный, капает,
Горло мне впотьмах царапает.
Эх, за что такие ночи мне,
Пропадаю на обочине!

Мне б любви и счастья хоть немножечко,
Ты со мной своё откуролесила,
Наглухо захлопнула окошечко,
Насовсем закрыла, занавесила!

Дождик прямо в душу капает,
Сердце мне, подлец, царапает.
Холодно, тоскливо мочи нет!
Пропадаю на обочине...

1977

* * *

Любовь у меня — хоть сейчас околеть, —
Не праздник души, а сплошная комедь.
Она — музыкантша, а я — чёрт-те что,
Шопен мне в мозги — как вода в решето.

Я хитрых полонезов не подберу,
Мне уличная лирика по нутру, —
Куплетов и частушек живой огонь,
А в вальсах и фокстротах я — ни в зуб ногой.

У ней — ноль эмоций, хоть насмерть забей, —
Ко мне самому и к гитаре моей,
И некто во фраке, в часах золотых
К ней ходит со скрипкой, задумчив и тих.

Я весь погас на холоде, как свеча,
Они же там гоняют Шостаковича,
Они пьяны от счастья прикарманенного,
А вовсе не от классика Рахманинова.

Они, вон, умом и душой глубоки,
По клавишам долбят в четыре руки.
А я у соседа вчера, как дурак,
Губную гармошку купил за трояк.

Приплясывает дождик по мостовой,
А я под фонарём стою, как часовой.
Дежурю до утра под окнами,
Увидели б вы — со смеху подошли бы!

1978

* * *

Путь-дорога далека.
Пропивай до пятака
Всё, что есть, и хоть слегка
Сердцем отогрейся!
В окна скалится беда,
По вагонам — чехарда,
И зарылись в никуда
Рельсы, рельсы, рельсы...

Пусть на самый страшный суд
На цепи приволокут,
Буду спать, пока дают,
Я на верхней полке.
Опостылело враньё
Про прекрасное житьё,
Нет людей, одно зверьё,
Волки, волки, волки...

Сотням душ прямой резон
Заглянуть за горизонт.
Лезем рогом на рожон,
В замогильный холод.
Частокол помятых морд,
Этот пьян, а этот мёрть,
И к губам кривым примёрз
Хохот, хохот, хохот...

Впереди тупик, завал.
Эх, гуляем, стар и мал!
Голос глотку разорвал,
Отсырела память.
Нам лететь сквозь шум и гром
Без оглядки, напролом,
И с откоса кувырком
Падать, падать, падать...

1977

* * *

Он модель собирал, он приклеивал к планеру крылья,
И пришли два седых старичка, и сказали: «Привет!
Нам известно — ты староста класса, ты Саша Васильев,
Был великим героем Степаныч — наш друг и твой дед.

Ты сидишь и заветы отцов изучаешь за партой,
А вредитель опять приготовил подлянку, шакал!
Покажи нам тайник, где хранятся секретные карты,
Их Степаныч тебе (ты не помнишь) для нас завещал!

Мы с ним вместе в таёжных лесах пожирали поганки,
Убегая от царских ищеек, от пули лихой,
Мы глотали шрифты, чтоб они не достались охранке,
И рабочих в литейных цехах поднимали на бой!»

И, приклеенный ус теребя невпопад, между делом,
Старичок, что помладше, в сторонке скрипел костылём,
А другой, что постарше, достал пистолет «Парабеллум»
И вздохнул: «Говори, где тайник, а не скажешь — убьём!»

«SOS! Измена! Враги!» — Саша чиркнул тайком, втихомолку, —
Он бумажный клочок, ощущая спиной два ствола,
Уронил у дверей, и соседка, смотревшая в щёлку,
Куда надо, пришла и записку с собой принесла!

Он три дня их водил и сказал, наконец: «Мы у цели!»
А потом закричал: «Смерть шпионам! Стоять! Руки вверх!»
Сто служебных собак из засады на них налетели
И отборных бойцов двести семьдесят пять человек!

Их приёмами самбо сразили, их бросили наземь,
Все признали шпионы — как спутник хотели сбивать,
Связь морским патрулям перерезать, чтоб не было связи,
И кремлевские звёзды с Царь-пушкой к чертям подзорвать!

Саша планер доклеил, и вот он летит над землёю —
Голубь мира, точь-в-точь, птица белая, вестник весны,
И легки на подъём наши танки, готовые к бою,
И всегда начеку пионеры советской страны!

1980

* * *

У неё беретик набекрень,
У неё косыночка в горошек,
Вот умчался поезд, как олень,
Вот перрон листвою запорошен.

У неё ненастная пора,
Снова уезжают мама с папой,
Снова коротать ей вечера
С плюшевым медведем косолапым,

Бабушкины сказки наизусть
Бормотать в потёмках до рассвета,
В сказках и стихах — печаль и грусть,
Если мамы с папой дома нету.

Не берут её на край земли,
Ей всего три года с половиной,
Маму с папой ветры унесли
В гости к кашалотам и пингвинам.

Даже ёлка хочет ей помочь,
Гладит по плечу мохнатой лапой.
Снова скорый поезд мчится в ночь,
Снова уезжают мама с папой...

1981

* * *

В ночь вцепилась лютой, мёртвой хваткой
Лихорадка, лихорадка,
И деревьям на ветру несладко,
Их колотит и трясёт,
И дрожит под колесом трамвая
Мостовая, мостовая,
И иду я, в пол-лица зевая,
Бестолковый пешеход.

Я вчера сказал: «Послушай, Зинка,
Ты глаза свои разинь-ка, —
Приволок тебе опять корзинку
Незабудок, васильков!»
А она дала мне пару пива
Непонятого разлива
И сказала нараспев, лениво:
«Не припомню, кто таков!»

И, в закатное уставясь солнце,
Три копейки сдав с червонца,
Показала своего знакомца
Со звездюю на груди;
Недожаренное чудо-юдо
Положила мне на блюдо:
«Ешь, — сказала, — и ступай отсюда,
И назад не приходи».

Мне сначала было просто дурно,
Но потом под звук ноктюрна

Я ответил ей вполне культурно:
«Исчезаю навсегда»,
И ничем уже себя не выдал,
Даже зуб ему не выбил,
А закрыл глаза и молча вышил
За героя соцтруда!

У него там коньяками пахнет
В чёрной «Волге» красный бархат,
Зинка плюхнется и в голос ахнет:
«Красотища! Красота!»,
А я отдел уже освоил винный,
Пью взахлёб с любой скотиной,
И, влюбившись в манекен витринный,
Ни жалею ни черта...

1979

* * *

Была инженершей, имела гроши,
Имела сплошное расстройство души,
Махнула рукой и ушла в торгаши,
Простилась с родною конторой, —
Маманя — в истерику, брат — на рога,
Мол, там до тюрьмы три неполных шага,
«Посодют, — кричат, — как ворюгу, врага
Тебя вместе с ихнею сворой!»

Меня же теперь уважает народ,
С большими людьми вожу хоровод,
Имею поклонников невпроворот,
Знакомых артистов навалом,
И даже районный наш о-бэ-хэ-эс
Недавно с портфелями наперевес
Сквозь щели и скважины лихо пролез
В подсобку ко мне за товаром.

Великую силу имею в руках —
Пять тонн дефициту держу в закромах,
А перед начальством ребяческий страх
В душе моей откувыркался:
Вчера я от общей душевной тоски
Профессору физики с правой руки
Мороженой рыбой разбила очки,
И он же еще извинялся!

Меня на всю жизнь заклеямили друзья,
В меня полюбовник стрелял из ружья,

Пытаясь уменьшить процентность жулья,
А бывший наш зам. по науке
Подумал и к нам притащился тайком, —
С задором работает, зло, с огоньком,
И только червонцы сплошным косяком
Плывут к нему в шустрые руки!

И полчища недругов нам — трын-трава,
Про нас не напрасно гуляет молва,
Что мы настоящие хозяева
По целому микрорайону, —
Вчера из секретного штаба майор,
В преддверии свадьбы, взволнован, хитёр,
Потупив немного застенчивый взор,
Ко мне приходил бить поклоны!

1981

С. Киреев, Подмосковьё, 1971

С. Киреев, 1979

С. Киреев, 1979

С. Киреев, 1979

Подмосковье — Сергей Киреев и Сергей Евсенок, 1973

РАЗДЕЛ VII

ПЕСНИ И СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

С. Киреев, 2010

* * *

Дмитрию Игнатьеву и Юрию Моисееву

Вроде банда на дно залегла, и привет вам — опять
По далёким дремучим окраинам — кражи, разбои.
Старший, главный у них смел и дерзок — Профессором звать,
Нам в отделе от них третий месяц ни сна, ни покоя.

Юра с Димой — два опера — в полночь, почти наугад
В старый брошенный дом к ним пришли, в неурочную пору,
Вон они — за столом вшестером в полном сборе сидят,
Скуку печат сивухой, о жизни ведут разговоры.

«Быстро встали! Пора! —
Юра сразу им — в лоб, — все на выход!»
«Что ж, привет, мусора, —
Им Профессор в ответ тихо-тихо, —

Вы пришли, ну, так что ж?
Тут сто лет от своих жди подмогу.
Хватит, братцы, хорош!
Ведь обоих завалим, ей-богу!»

И весёлым тигрёнком в печи трепыхался огонь,
И Профессор беспечно курил и качался на стуле,
И в открытую ржали шестёрки его, шелупонь,
И горела свеча, и дымилась картошка в кастрюле.

Юра резок в делах, ты его понапрасну не зли.
Вот Профессор стакан осушил и закашлялся глухо,
И к карману, где нож, вдоль бедра его пальцы ползли,
Втихаря, под шумок, там всегда у него выкидуха!

«Ты хоть понял, куда
Занесло вас, легавых? — спросил он, —
«Юра, Юра, беда,
Если ношу взвалил не по силам!»

Не мудри, не мути,
Топай лесом домой напрямую!
Я в законе почти,
Нынче-завтра меня коронуют!»

«Я тебе помогу, слышь ты? — Юра качнул головой, —
Будешь главным ферзём, а не мелкой какой-нибудь сошкой.
Получи!» — он как будто корону надел на него,
Он ему на башку нахлобучил кастрюлю с картошкой!

Он на шаг отступил, на Профессора глянул мельком,
Словно скульптор на статую — да, мол, хорошее дело! —
И вдобавок прихлопнул ещё сверху вниз кулаком,
Долбанул по короне по этой, чтоб крепче сидела!

И какой уж там смех!
Руки скрючены, рты пораскрыты.
«Дима, вяжем их всех!
Ну куда королю-то без свиты?»

«Все — в машину, в УАЗ!
Путь далек до тюрьмы, черт возьми вас!
Ваше право при вас —
Взять и закусь и пойло навынос!»

Ночь. Дорога. Туман. Вот и банда сдана под арест.
А на Юру потом накатили начальников свора:
«Как-то груб ты бываешь с людьми, типа, жалобы есть,
И вообще, говорят, твой Профессор — племяш прокурора!»

«Хрен тебе, а не премия, Юра!» — сказали ему,
Строгий выговор дали: «Иди, отдыхай понемножку!
Как такое понять — в ходе трапезы, в частном доме
Нацепить на башку человеку кастрюлю с картошкой!»

Лишь майор-замполит, бывший опер, смеялся в усы —
Он мораль Диме с Юрой, зевнув, прочитал, и при этом
Две поллитры поставил: «А всё-таки вы молодцы!
Будет случай — кунайте их рылом в бадью с винегретом!»

Он закуску припас,
Он сказал: «Буду пить до упада
За Россию, за вас,
Чтоб и впредь вам ловить этих гадов!

Чтоб родная страна
От жлобья, от ворья не страдала б,
Чтоб от страха она
Не тряслась. И чтоб не было жалоб...»

2018

* * *

Мы в село вошли без боя.
Гогот-топот, шум и гам!
Врассыпную — всё живое —
По задворкам, по углам.

Здесь у них врагам раздолье.
Здесь и Врангель, и Махно
Угощались хлебом-солью,
Пили сладкое вино.

Мы штыком их, пулей, пашкой
Из любых достанем дыр.
Ой, Ванюха бьёт с оттяжкой —
Наш любимый командир!

Он под вечер за свободу
Водку хлещет от души,
Он в окно кричит народу:
«Эй, народ, давай, пляши!»

...Ваня, милый, хватит, что ты?
Как плясать им? Ты же сам
Пол-села из пулемёта
Покрошил ко всем чертям.

И пацан, лихой и прыткий,
Что вчера нам хлеб носил,
Даже он, смотри, к калитке
Привалился и застыл.

Ваня спяну нос повесил:
«Мы тут были. Я три дня
С его мамкой куролесил.
Он похожий на меня!»

Он сивуху в печку вылил,
Вяжет в узел кочергу:
«Что мы, гады, натворили?
Я так больше не могу!»

Ну, чего ты, ляг, братишка,
Ты с устатку сам не свой.
Ты сегодня принял лишку,
Наш товарищ боевой!

Ты кончай врагам в угоду
Рвать тельняшку на груди,
Нас зовёт заря свободы,
Путь далёкий впереди!

Он проспался за сараем.
Утро. Закусь. Опохмел.
Мы коней своих седлаем!
Нам трубач подъём пропел.

Нам вдогонку поп похмельный
Бьёт, подлец, в колокола.
Он нас проклял. Ваня, стрельни!
Выстрел. Крик. И все дела.

Он со смеху умирает,
И красив он, и удал:
«Я не помню, что вчера я
С перепоею наболтал!»

Даль степная так и манит
Развесёлой синевой.
Ваня рядом, Ваня с нами —
Наш товарищ боевой!

1990

* * *

Я пирог доедала,
Я гоняла осу.
Он пришёл, пьяный, шалый,
И пенсне на носу.

Он красив и неистов,
Он с ума меня свел.
Он отряд анархистов
К нам в станицу привёл!

Белых — к чёрту и в шею,
Краснопузых — долой!
Он их всех веселее,
Он нарядный такой!

Он плечо мне щекочет
И от страсти горит,
И в окно среди ночи
Из нагана палит!

Я опухла от пьянки,
Я живу, не тужу,
По степи на тачанке
С ним в обнимку кружу.

Мы одни в поле чистом,
Счастье, радость и смех,
Я люблю анархиста,
Я счастливее всех!

Кони топчут колосья,
Я припала к ружью.
Наугад, на авось я
По станичникам бью.

В журавлиную стаю
Влёт луплю во хмелю.
С анархистом гуляю,
Анархиста люблю!

Мне буянить охота.
Мой любимый меня
Приучил к пулемёту,
Жаждой жизни пьяня.

С милым чёртом косматым,
Ох, и весело мне.
Мы в упор колошматим
По родной стороне!

Я в тачанке, как в кресле,
Как графиня, сажу.
Люди в щели залезли
И пускают слезу.

И дрожит, вон, понурый
Дуб у наших у ворот,
И кудахтают куры,
И строчит пулемёт!

У меня от печали
Прямо, как от петли,
В горле ком. Мы устали,
Мы с тачанки сошли.

Он на всех разливает.
Нет вокруг никого.
Дрожь вприпрыжку гуляет
По лицу у него.

Зенки мутные, злые,
На губах пузыри.
«Эй, друзья боевые,
Где вы, чёрт побери?»

Может, люди забыли
Путь-дорогу в дыму,
Или прочь укатили?
Ни хрена не пойму!»

«Где народ мой, Надюха?» —
Он совсем озверел,
Ложкой тычет мне в ухо,
Суп мой жрёт между дел.

Все убёгли, как зайцы,
Он заплёл мне косу, —
Перстень с камнем на пальце
И пенсне на носу!

День к закату плетётся,
Стихли гогот и лай,
И лежит у колодца
Старый дед Ермолай.

В нашей речке студёной
Рыба глохнет и мрёт.
Сам товарищ Будённый
В нас снарядами бьёт!

Ночь светла от пожара.
Васька, вор и шакал,
Адъютант комиссара,
Нас прикладом поднял!

Курим, ждём, дело к смерти.
Васька глазом кривым
Взад, вперёд крутит-вертит.
Мы у стенки стоим.

Нас разделяют чисто
В пух и прах, под орех.
Я люблю анархиста.
Я счастливее всех!

1987

* * *

Чёрный «маузер» в кулаке,
Об стакан звенит ствол стальной, —
На окраине, в кабаке
Загулял чекист молодой.

В куртке кожаной, в сапогах,
Он в углу сидит, в стороне,
И гуляет дрожь на губах,
И башка горит, как в огне.

У таких не стой на пути.
Вот сосед к нему сбоку сел:
«Всё забыто, брат, не грусти,
Будь здоров, румян, жив и цел!

Вон, смотри, чекист, степь вдали!
Ни крестов там нет, ни могил,
Вьюги белые замели
Кровь, которую ты пролил!»

Он к стене припал, взвёл курок,
Грусть-печаль его гнёт в дугу:
«Эх, кто рядом был — в землю лёг,
Я друзей забыть не могу!

Я им спирт в стакан наливал,
А потом в расход всех пустил,
Эх, я молодость промотал,
Эх, я жизнь свою загубил!»

«Эй, прощайте все!» — он шепнул,
У виска застыл ствол стальной,
И упал, и лёг, и уснул
Вечным сном чекист молодой...

1987

* * *

Не спи, солдат, не вешай нос, в ночное небо глядя!
Зима на Севере длинна, два года — долгий срок!
Мы пьём за дембиль, нам — домой, а ты опять в наряде,
А ты, как бобик в конуре, от холода продрог!

Стоять на страже, начеку — твой долг, твоя задача,
Пахать, как лошадь, мыть, мести, в строю смотреть вперёд,
Гараж старлею возводить, майору строить дачу!
Служи и смейся, молодец, кто весел, тот живёт!

Держись, салага, верь, братан, что будет всё, как надо,
Она взойдёт, твоя звезда, без понта, без балды!
Старлей с майором водку жрут до дрожи, до упада,
Глядишь, и кинут четвертак за все твои труды!

И ты с цветами типа роз, объятый жаром страсти,
Чтоб от печали и тоски не кашлять, не болеть,
По месту службы наведишь врачиху из санчасти
И под гитару ей всю ночь романсы будешь петь!

И в зной, и в стужу, при любом дожде и снегопаде
Держи, братишка, хвост трубой и рыло топором!
Не падай духом, не грусти, что ты опять в наряде,
В Россию верь, девчат люби, и будет всё путём!

2012

С. Киреев, 1976

С. Киреев, 1976

Мои армейские друзья, 1975

* * *

Боже, дурака прости —
Подыхал от старости,
Но хлебнул для храбрости
Сто пятнадцать грамм,
И галошей, валенком
Гражданам начальникам
Хлещет по хлебальникам:
«Я не верю вам!»

Он братву глазами ест,
Рвёт на окнах занавес:
«За нос водят с нами вас
Повар, санитар!
Мы при них, как конюхи,
Хватит, братья хроники,
Жарь, дуди в гармоники,
Раздувай пожар!»

Вся палата на уши
Поднялась, и надо же —
Тихий, скромный, набожный,
Озверел народ,
Для души, для тонуса
Развалил полкорпуса:
«Нам не надо тормоза!
Мы хотим вперёд!»

Старцы шизанутые,
Битые и гнутые,
Морды в майки кутая,
Приползли к вождям:
«Хватит нас обманывать,
Мы родились заново!
В общем, того самого,
Мы не верим вам!»

Главный врач нахохлился:
«Лучше бы вы сдохли все,
Жрали б свой горох в овсе,
Кости с чешуёй,
И вперёд не рапылись,
Вдоль по стенке двигались,
А уж кто на дыбу влез,
Так и чёрт с тобой!»

Граждане начальники
На пододеяльники
Положили пряники,
Плюшки, кренделя,
Трюфеля да трубочки,
А стукачу под тумбочку
В калорийной булочке —
Тридцать три рубля.

Но, за правду ратуя,
Голос — как по радио:
«Пропадает братия,
Дохнет по углам!
Эй, вы, там, гулящие
Власти предержажие,
Все ненастоящее,
Мы не верим вам!

К чёрту ваше логово,
Между вами дóговор,
Чтоб меня, убогого —
Рвать напополам,
Чтоб в одно мгновение
Сдохли боле-менее,
Кто имеет зрение!
Я не верю вам!»

Он медбрата-олуха
В подпол тащит волоком,
В лоб ему, как в колокол,
Вдарил не спеша
И лежит под деревом:
«Финиш! Смерть империям!
Ни на грош не верю вам,
Ни на пол-гроша!»

Вот ему под палкою
Натянули внаглую
Наволочку на голову!
Вот иглы — наголо!
В вену что-то серое
Впрыснули, не меряя,
А он опять не верует
Всем шприцам назло!

А вокруг него врачи,
Как на бочке обручи, —
В грудь вставляют, сволочи,
Через горло шланг!
... Он нутром нарушенным
Объявил за ужином:
«Смерть различным шушерам!
Я иду ва-банк!»

Он, таблетки треская,
Дверь открыл стамескою,
Вышел в степь донецкую
И пошёл в забой, —
К братьям-пролетариям
Прыгнул, как в аквариум,
Стоптаным сандалием
Машет: «Все за мной!»

Не пошло, не клюнули,
Подшли и плюнули,
В «воронок» засунули,
Дверью дали в лоб!
Он глазами волчьими
Смотрит в ясны очи им,
Челюстью ворочает:
«Буду рыть подкоп!»

... Спят курганы тёмные,
Солнцем опалённые.
Умоповреждённые
В богадельне спят.
Вот один ощерился (наш, тот самый),
С ближним возле двери сел:
«Брат, я им не верю всем,
Поднимай ребят!»

Август, 1991

* * *

А. Р.

Я по бегу мастер спорта.
У меня девиз — «Вперёд!»
Много — до хрена, до чёрта
Девочек на земле живёт.

Я на них расставил сети,
Я хочу запас копить.
Если ты живёшь на свете,
Ты обязан баб любить!

У меня — размах, масштабы:
Запад, Юг, Курилы, Крым!
Я хочу ходить по бабам!
Вот я и хожу по ним!

Я подошвы в грязь вонзаю,
Я в пути снежок леплю.
Может, я дебил, не знаю,
Но зато я баб люблю!

Не Шекспир, не Блок, не Пушкин,
Не завод любимый, нет —
Верные мои подружки —
Вот кому я шлю привет!

Я скажу опять и снова:
Духом ты и телом слаб,
И дела твои хреновы,
Если ты не любишь баб!

Я вдыхаю воздух горный.
Я на Эверест залез.
Я стою с трубой подзорной,
У меня от страсти стресс.

Вдалеке — страна родная.
Мне и тыща вёрст — не крюк.
Может, я debil, не знаю,
Но зато я девкам друг!

Я к ним на рысях спустился,
Чтоб союз сердец крепить.
Если ты на свет родился,
Ты обязан баб любить!

1988

* * *

Я хожу печальный по лесной тропинке,
Морда в паутине, в волосах репы,
Девки, я вас помню, Валька, Галька, Машка, Зинка,
Миленькие, родненькие вы мои!

Вас из института к нам в колхоз прислали —
Добывать картошку из сырой земли!
Вы её до ночи с фонарём искали,
Вы нас просто-напросто с ума свели!

Мы вас уважаем как подруг, как женщин,
Как людей, ей-Богу, вот вам крест, не вру!
Мы за вас различные напитки хлещем,
Маемся на холоде да на ветру!

Тучи, вон, на небе, как на роже пятна,
Это гнев природы, это знак — не спать,
Всю картошку в землю закопать обратно,
Чтобы вы приехали сюда опять!

Девки, мы вас любим, ну чего же боле?
Я всегда на стрёме, как солдат в строю,
Ездию на тракторе во чистом поле, поле,
Музыку, страдания про вас пою!

Не со мной, так с Колькой, молодым, кудрявым,
Будете под ручку совершать маршрут!
Приезжайте, девки, посмотреть пора вам, слышите,
Как у нас в деревне соловьи поют!

Мы за всё хорошее с душой, с отяжкой
Медовуху выхлебаем из бадьи.
Девки, мы вас ждём, Наташка, Машка, Дашка, Глашка,
Миленькие, родненькие, вы мои!

1985

* * *

Н. С.

Петь-плясать хочу. Рановато
Выпадать мне из ряда вон.
Не роняйте меня, ребята,
Я изранен со всех сторон!

Донесите меня до места,
Там приют мне, покой, почёт,
Там Танюха, моя невеста,
Подвенечное платье шьёт.

Взяли курс, донесли, струзили.
У Танюхи в глазах зима.
Чьи-то тени в углах застыли,
В зеркалах замерзает тьма.

И какой то кощей костлявый,
Окуная окурок в снесь,
Мне, усталому, для забавы
Серенаду свистит про смерть.

Страх, как в кресле, во мне расселся,
По извилинам скачет бред.
Где любовь, где сигналы сердца?
Ничего тут такого нет!

Я трясусь, словно мышь в капкане,
И раскормленный чёрный кот
Ковыряет меня когтями
И клыком по ковру скребёт.

Танька глазом вращает вяло:
«Вот такие, дружок, дела,
Я сто лет по тебе скучала,
Где ты был? Я сто лет ждала.

У тебя трудовая лямка
И по жизни расклад тяжёл:
Служба-дружба, гулянка-пьянка.
Ты сюда слишком долго шёл».

Я похмелье прогнал из мозга:
«А который сегодня год?»
Я руками хватаю воздух:
«Эй, Танюха, айда вперёд!»

В пыльных комнатах крик мой канул,
И пропал впереди просвет,
И кощей волокёт Татьяну
На подаренный мною плед.

Я спиною упёрся в угол.
Я шнурки завязать забыл.
Я в туман безвозвратно убыл,
Я иду из последних сил.

Даль ночная грохочет глухо,
И не видно в потьмах пути.
Я стремился к тебе, Танюха!
Я к тебе опоздал, прости...

1985

* * *

*И витает в воздухе понятие,
Что пройдёт ещё какой-то год,
И родное наше предприятие
Будут звать Киреевский завод.*

В. Ходулин

Я люблю завод, люблю страну мою,
А войду, бывает, в кабинет,
И сижу тихонечко, и думаю:
Может, я ... к, а, может, нет.

Можно важным чином быть, значительным,
Крупной шишкой, главным игроком,
Но при этом всё же исключительным,
Абсолютным, полным ...ком.

Чтобы мне безумьем, словно инеем,
Душу не сковало, как стекло,
Нарекать не надо моим именем
Ни завод, ни город, ни село,

И ни райский остров на экваторе —
Их там, словно семечек, не честь.
А вот лучше ковш на экскаваторе
Назовите, братцы, в мою честь!

Понимаю, дело это спорное,
Тут бы сообща помозговать.
А вообще и ленту транспортёрную
Можно мною запросто назвать, —

Да хоть гвоздь, хоть ножку табуретную,
Или даже чушку чугуна —
Что-нибудь простое и конкретное,
Мне не надо больше ни хрена.

Много на заводе всякой всячины,
Много превратилось в пыль и дым,
Много, братцы, нами накосячено.
Ничего, исправим, победим.

Словно Жучки, Бобики и Тузики,
Мы по жизни носимся гурьбой,
А душа, ребята, просит музыки —
Есть у нас Захариков такой!

Если что, найду в любой норе его
И заставлю снова и опять
На гитаре имени Киреева
Гимн заводу нашему сыграть.

Мы коньяк закусим сладким овощем.
Он меня возьмёт к себе в дуэт,
И никто не спросит нас с Петровичем,
...ки мы оба или нет.

2016

* * *

Город детства — вот он,
я сто лет здесь не был,
Вон плакат на стенке,
как на лбу печать,
Всё живое стёрлось
в порошок и пепел,
Одному тоскливо
на ветру стоять.

Вот к дружку Андрюхе
я приполз на брюхе,
Разузнал дорогу,
отработал след,
Но дружок-товарищ,
находясь не в духе,
Через дверь сказал мне,
что его здесь нет.

Вон гарцует Любка,
как гнедая лошадь, —
Я с ней жил три года,
я кричу ей: «Стой!»
А в ответ: «Пошёл ты,
господин хороший,
Знать тебя не знаю,
кто ты есть такой!»

* * *

*Участковым милицейским
инспекторам советской поры
посвящается эта песня.*

Мои полномочия
Весьма ограничены —
Хлебалом ворочая,
Ловить зуботычины.

Мне отроду дадены
Кривые дорожки,
Ухабы и впадины,
Пинки и подножки.

Участковый, простой старлей —
Вот я кто. Я со злом мириться
Не могу. Я и сам всё злей,
Я в советской служу милиции.

Теория с практикой
Одна вся и та же,
Мой путь — профилактика,
Любой это скажет.

Не бить, а воспитывать,
Внушать, а не драться,
Судьбу не испытывать,
За ствол не хвататься.

Потому-то вот и шпана
Вся вокруг надо мной глумится:
«Хочешь — пальцем нам из окна
Погрози, раз уж ты милиция!»

Шпана стала бандою.
При всём бы при этом
К чертям их, как гланды я,
Рванул бы, да где там?

В инструкции — тактика
Для нашего боя:
Сперва профилактика,
Потом остальное.

Я не лапчатый важный гусь,
Словно в петлях, в силках синица, я
Так и сяк трепыхаюсь, бьюсь,
Тяжко, трудно, но я милиция!

Они огрызаются,
Смеются в глаза мне,
А в сердце врезаются
Слова, словно камни:

Мы видим воочию —
Лопух ты и лапоть,
Твои полномочия —
Сидеть и не вякать.

Нету света в моём окне,
Я не знаю, кому молиться.
Только вера живёт во мне,
Что не зря я пошёл в милицию!

Любимая самая
До смерти, до гроба
Родная земля моя
И дурью, и злобой

Наполнена доверху.
Тоска меня точит.
Эх, дать бы тут шороху,
Да нет полномочий.

А мне бы под ёлкою
От Деда Мороза
Наган бы с дустволкою
От спазм, от невроза.

Скажу даже хуже я:
Хоть кобру ручную
Заместо оружия
В подарок приму я.

Я прошу. Молчат. Ни гу-гу.
Я на вверенном мне участке
Даже в рыло дать не могу
Подлецу, врагу для острастки.

Мои полномочия —
Смотреть, не встречая,
Я разнорабочая
Тварь ломовая.

То справки, то рапорты
Начальству ношу я,
У них двери заперты,
Нутром, нюхом чую —

Там рекою коньяк течёт,
Водка льётся и будет литься,
Хохот, звон, ты поди ещё
Разберись, кто из нас милиция!

Козлов отмороженных
Терпи до упора
Терплю — так положено,
Веду разговоры.

Я должен им уровень
Поднять понемножку,
Так надо — культуру им
Привить, как картошку.

«Не грабьте, товарищи!» —
Долдонь им, как дятел,
Да ты их ударь ещё,
Совсем, скажут, спятил?

Я читаю лекции им:
Труд любите, сейте и куйте!
Каждый бодрым будь, молодым,
И ещё, друзья, не воруйте!

Не где-нибудь на небе,
А здесь, на земле я
Однажды когда-нибудь
За глотку, за шею

Вот это мордастое
Отродье лихое
Возьму и сграбастаю
Железной рукою.

Не уйдёт никто. Всех порву.
А потом мои генералы
Скажут: «Нам тебя на плаву,
На виду держать смысла мало».

Особисты поднимут хай,
Замполит, как зверь, будет злиться:
«Дисциплина где? Отвечай!
Будь здоров, ковбой, и прощай».
... Я махну сто грамм невзначай:
«И тебе не хворать, милиция...»

2002

* * *

Сбыт наркотиков, кража, разбой, хулиганка, угон, —
Наконец-то мы взяли его. Будет строг приговор.
Можно выпить по сто. Доказательств — телега, вагон.
Но с арестом не очень спешит в этот раз прокурор.

Мы сидим за столом, как во сне.
«Всё забыть!» — вот такой нам приказ.
Наш герой будет вновь на коне.
Нам его выпускать через час.

Колыма по нём плачет, но наших полковников в транс
Ввёл, впечатал звонок из почти что космических сфер,
Из каких-то неведомых нам безвоздушных пространств,
Где и ходят, и дышат-то все на особый манер.

Впятером в кабинете сидим.
Холод, сумрак на сердце у нас.
Ничего мы не сделаем с ним.
Нам его выпускать через час.

Гений личного сыска, Серёга, застыл у окна:
«Я жены не видал десять дней, это всё, это край!
С новой силой разводом, как лезвием бритвы, она
Мне грозит: или я, или служба твоя, выбирай!»

Он по тылке себя долбанул,
Аж посыпались искры из глаз.
VIP-клиент наш за стенкой уснул.
Нам его выпускать через час.

Адвокат его ждёт — он не то, чтобы пешка в игре, —
Важный винтик, заклёпка, — сидит себе тихо в углу.
Дочь его, мы всё знаем, полгода сидит на игле.
Тот, что спит, и пихнул её, дуру, на эту иглу.

Гонорар — он, главное, чем жизнь:
Адвокат указал курс и путь
Чёрту нашему: «Дурень, очнись!
Всё, что ты подписал, позабуди!»

Он проснётся и скажет нам: «Арриведерчи, мерси!»
«Как же так? — напоследок дежурный вздохнёт, — Бог ты мой! —
Хорошо хоть, на нашем «Уазике», как на такси,
Нам обратно его не везти на Рублёвку домой!»

Нет десертов у нас в КПЗ.
Он на это плевал тыщу раз.
Он суфле, и желе, и безе
Будет трескать, подлец, через час.

Но однажды папаню его в свой черёд скovyрнут,
Как поганку с пенька: «Будь скромнее отныне и впредь!»
Только свистнуть собратьям — с костями любого сожрут,
Там у них на Олимпе грызния не на жизнь, а на смерть!

Вот и рухнет он вниз свысока,
И сыночку не скрыться от нас.
Он получит своё, а пока
Нам его выпускать через час...

2009

* * *

«Расскажи про войну, как там было» — «Да ладно, не к спеху, Подрастёшь, вот тогда...» Я подрост, и всё чаще мне снится, Как мой дед мне однажды друзей своих, юных морпехов Фотографию дал и сказал: «Посмотри на их лица».

Я узнал от него, как им дождь малевал небо в клетку, Как от минных разрывов ворочалось море во гневе, Как в глубокие рейды они уходили, в разведку, И как с ними на равных дрались егеря группы «Север».

Поле боя — прибрежные сопки, так было в ту зиму. В горных войнах они мастера, эти рослые фрицы. «Всё равно, — дед сказал, — на секунду, на миг впереди мы. Где морпех, там победа в бою — посмотри на их лица!»

«Эх, засада была — дед сказал, — нас лихая орава, Как лавина, накрыла в ту ночь, как волна с головою, Вон, смотри, мы на фото с моим старшиной — сбоку, справа, — Те, кто выжил тогда в той резне, из пятнадцати двое».

Немец Арктику нашу топтал, не сказать, чтобы долго, Пулю в лоб промеж глаз получая нередко, но метко, А потом уносился по снегу, как заяц от волка. Нет его, потому что морпехи ходили в разведку.

Ни штыка, ни ствола у меня. Всё равно я воюю. Те морпехи со мной. Им бы то, что сегодня творится Не видать никогда. Знаю, верю: успею, смогу я Выиграть бой, устоять, уцелеть. Я смотрю на их лица.

2008

* * *

Лёха сел случайно. Отсидел. В Москву приехал,
Суп спросил с форелью в привокзальном кабаке.
«Долго будет, парень!»
«Да и ладно, мне не к спеху.
Я пока газету читаю в уголке».

Вот к нему две шмары
Подгребли на пару:
Здрасьте, тары-бары, будем пить до дна, —
Всё при нас, ты глянь-ка, —
Будет пир, гулянка!
Клавка и Оксанка —
Наши имена!

Первый тост — за встречу,
За прекрасный вечер!
Фронт работ намечен, —
Можно так сказать, —
Будут танцы-шманцы.
Все у Лёхи шансы,
Если есть финансы,
Их обеих снять!

Лёха — самый добрый по всему родному краю,
Он не торговался, сразу «двушник» отстегнул,
Говорит: «Девчата, я Оксанку выбираю!
А тебе, Клавдия, — две поллитры на разгул!»

Он вскочил со стула,
И Оксанка скулы
Напрягла, моргнула
Как-то вбок: «Ты сядь!
Я полна страстями!
И бокал, как знамя,
Я хочу с друзьями
За тебя поднять!»

И из дальних, тёмных
Из углов укромных
Молодых, огромных
Привела парней
И хохочет борзо:
«Все свои, не бойся,
А от дружбы польза
И тебе, и мне!»

Парни скалят фиксы: «Нынче с заработком туго,
Помоги нам, Лёха, дай денег, стакан налей,
Мы культурно просим — как товарища, как друга,
Ведь должны же люди за других болеть людей!»

Что ж? Нормально — на-кось! —
Ящик водки, закусь, —
Если сикось-накось
Бизнес у ребят,
Им налить — святое!
И за Лёху стоя
Пьют, как за героя,
И ещё хотят!

Парни смотрят жадно:
«А деньжат, деньжат-то?
Лёха, ты же брат нам!»
«Есть же, есть пути!» —
Это девки встряли.
Но в ответ: «Едва ли.
На лесоповале
Платят не ахти!»

Вот Оксанка мечется, мотая мутной рожей,
В пляс пошла, споткнулась, лоб разбила об стакан!
Лёха на бинты порвал и скатерть, и одёжу,
Чтоб она, зараза, как бревно, вот так вот лёжа,
На рабочем месте не скончалась от ран!

Парни рвут подмётки:
«А ещё по сотке?»
И стальные нотки
В голосах сквозят:
«Помнишь? Мы же дружим!
Веселее! Ну же!»
И клыки наружу:
«Надо денег, брат!»

Лёха крикнул: «Хватит!
Не идёт, не катит!
Это ж просто начат
От балды шабаш!»
Парни брови хмурят:
«Помогай, в натуре,
А не то ты, дурень,
Здесь концы отдашь!»

Лёха стойку принял: пойте, трубы! Лейся, песня!
Но лихая нечисть налетела со спины!
Лёха крикнул, падая: «Ребята, так не честно!
Как же вы так можете, братишки, друганы?»

Лёхе из-за бабок
Нос сворочен набок.
Добрый — значит, слабый, —
Так выходит, что ль?
Нет, не так! — он бьётся,
Он в атаку рвётся:
Путь один — бороться!
К чёрту страх и боль!

Он стакан «Боржому»
Главному, старшему
Дал: «Мотай до дому,
Там с марухой пей!
Что мурло раззявил?
Я в боях без правил
На ковре оставил
До хрена людей!»

Лёху на паркете в развесёлом переплясе
Затоптали, суки, — вот такой вот он, финал,
Но и он хлебало кой-кому поразукрасил,
Даже, вон, Оксанка поимела свой фингал!

Вот она для вида
Поскулила, гнида,
У неё обида: все не так пошло!
Но зато отрада —
Что ментовка рядом,
Там сидит, кто надо,
Он накажет зло!

Вот явился «мусор»
И вращает усом,
Пучеглазый, вялый,
Как вареный рак:
«Эх, зачем ты, Лёша,
Дорогой, хороший,
Распрекрасный малый,
Завернул в кабак?»

Вот его закопали в железные браслеты:
Мол, зачем ты женщину при всех с торца урыл?
В ментовской сказали: «Тут вообще базара нету,
Их одних свидетелей почти что сорок рыл!»

Суд идёт. Все встали.
Прокурор вначале
Огласил детали,
А потом всё злей
Речь держал, всё строже
(Говорят, он тоже
Был к Оксанке вхожий
В юности своей).

Лёха шепчет: «Где я?»
Зал застыл, немея:
Жалко Алексея,
Сел за просто так.
И, хмельной немножко,
Дождь стучит в окошко:
«Эх, зачем ты, Лёшка,
Завернул в кабак?»

Пятерик впаяли — полноценный, полновесный!
Лёха в клетке, бледный, тихо шепчет у стены:
«Как же вам не совестно, ребята? Так не честно!
Как же вы так можете, братишки, друганы?»

Звуки до сознания долетают, как сквозь вату,
Дрожь в башке у Лёхи. Все сложилось у него:
Ближнему поможешь — будь на стрёме, жди расплаты,
Добрый — значит, слабый, да ещё и виноватый!
«Эй, страна родная, — Лёха шепчет, — ты чего?»

1996

* * *

Чувихи в нашем городе портовом
Порхают по панелям — прыг да скок!
А я — пацан в прикиде беспонтовом,
И я, как парус в море, одинок.

Шузы хочу с застёжками на шару,
Пенсне на фэйс и клифт для куражу,
Что б все с меня балдели, без базара.
И я по парку с пёрышком хожу.

И вот под кайфом, в травах по колено,
Бузует, словно трактор по жнивью,
Очкастый фраер в клифте от Кардена
И в шляпке от Версаче, мать твою!

Приплыли, чувачок! Твоя не пляшет!
Шузы на бочку! Живо! Раз-два-три!
И был туман густой, как простокваша,
И, чуть живые, тлели фонари.

Он встал, он лечит мбзги мне угрюмо,
Да, типа, ты пацан без тормозов,
Да как я среди ночи, сам подумай,
К марухе поканаю без шузов?

Он губы, гад, кривит, он зенки щурит
И косточки плюёт от алычи:
Мол, если ты, мятежный, хочешь бури (а ты хочешь),
Так на её, в натуре, получи!

И он достал брелок, нажал на кнопку,
И тут же из кустов, из-за бутра
Слетелись, как собаки на похлёбку,
В замызганных мундирах мусора!

Они меня копытами месили,
Ломали, суки, рвали на куски,
А соловьи на ветках голосили,
И фраер протирал свои очки.

... Я срок мотаю в зоне под Ростовом.
Они меня поймали на живца.
Как был я лох в прикиде беспонтовом,
Так я им и остался до конца!

Как палку, как полено об колено
Сломал подлец и хам мечту мою:
Гулять по жизни в клифте от Кардена
И в шляпке от Версаче, мать твою!

1999

* * *

Днём и ночью пахал, не бухал и не квасил.
Мы построили им космодром.
А они: «Денег нет, вот и едь восвояси,
Мы их после по почте пришлём!»

На меня кирпичи с верхотуры валились,
Мне сосуды микроб бороздил.
Я, спасибо врачу, из прострации вылез,
Силой воли инфаркт победил!

Эх, на попутке
Ехал я к Людке,
Вез незабудки,
Ландыши вёз
С листьями мяты
Вместо зарплаты,
Рёбра помяты,
Сердце — вразнос.

Я в сельпо умыкнул две расчёски и ленту,
Я платок ей примерил: идёт!
«Не грусти, мы поедем в Москву к президенту —
Бастовать возле Спасских ворот!»

Людка (вроде жены), хоть и баба простая,
А умеет копейку считать:
«Чем кормить-то тебя? Вся заначка пустая,
Будем щавель в лесу собирать!»

Что там, в заначке?
«Примы» полпачки,
Клещи, кусачки,
Дрянь, чепуха,
Что там в копилке?
Пробки, бутылки,
Стружки, опилки,
Пыль да труха!

Мы в лесу, с нами шурин, он в ёлках умело
Пнул поганку носком сапога
И сказал: «Забастовка — последнее дело,
Самый сладкий нектар для врага!

Если старт состоялся, и спутник на взлёте,
То и не хрена лясы точить,
Вон, в райцентре врачам тоже денег не платят,
Что ж теперь им, людей не лечить?»

Если ракета
Крутится где-то,
Дурь, что ли, это,
Страсть или блажь? —
Шурин мой Мишка
Скачет вприпрыжку:
«Знаю, в чем фишка:
Марс будет наш!»

Жарко спутнику в плотных слоях атмосферы, —
Он быстрее «Мерседеса» погнал
И антенной своей где-то возле Венеры
Ловит, сука, секретный сигнал!

А на воре, все знают, всегда, кроме шапки,
Корпус, нос, фюзеляж — все горит!
Если ты у ребят открысятничал бабки,
Значит, космос тебе не простит!

Спутник, как ворон, —
Вдаль по просторам,
(Сам-то не вор он), —
Знай, шебуршит!
Воры — в конторе,
Вот оно — горе!
Нет в этом хоре
Жизни, души!

Вот и волки вдали воют возле оврага,
И кобель с голодухи грызёт
Цепь стальную. И спутник горит, бедолага,
Нам обломок упал в огород!

Мне монтажник, мой друг, с Воркуты пишет, Колька,
Суть вопроса сумев ухватить,
Что Россия с колен встанет сразу, как только
По счетам будут люди платить!

Мелочь, детали, —
Так нам сказали,
Денег не дали —
Терпим. Шабаш,
Если по факту
В жизни, взаправду,
Нынче ли, завтра,
Марс будет наш!

2015

* * *

Я возьму за основу
Сероглазую Раю.
Я с ней выпью спиртного.
Я её уважаю.

Крепко сбитую стаю,
Сталь ствола нарезного
Уважать не желаю,
Не беру за основу.

1991

* * *

Нас резали ночью. Я к ближнему порту
Несусь, одурев, сквозь туман, темноту.
Пиратской посудыны тающий контур
Исчез за волной. Я один на борту.

На подлый их «SOS!» мы купились, как дети.
Нам матери наши, друзья и отцы
Крестов не поставят. Вчера на рассвете
Последние двое отдали концы.

Луна вдалеке чуть светит,
И ветер безумен, лих.
Я жив, и они ответят
За мёртвых друзей моих.

Они среди скал якоря поднимают.
Им праздник, потеха охотиться в штиль.
Вон, прямо по курсу, прямей не бывает,
Две лёгкие шхуны танцуют кадрили.

Тоска тяжела, словно туша свиная,
И ладно, я жив, я ещё не в раю.
Я должен их взять. Мне поможет, я знаю
Высокая палуба в ближнем бою.

Прощай же, мой порт, мой берег.
Я спятил! Они пьяны!
Поднять паруса! Я верю,
Что силы у нас равны!

Я знаю: мне точно хватит
Огня и свинца на них,
И чем они мне заплатят
За мёртвых друзей моих!

Нет, штиля не будет, ну, что вы там, где вы,
Мне ветер рубаху и волосы рвёт.
Глоток за удачу, за флот королевы!
Орудия к бою, и полный вперёд!

Удар! Абордаж! И башкою похмельной
Тряси не тряси, поздно в пьяном бреду
Кривляться и в колокол бить корабельный!
Я жив, я пришёл. Я с удачей в ладу!

Глядите, эй, вы, ошалело и косо
На шлюпки, на россыпь прибрежных огней.
Стоять! Да какие вы, к чёрту, матросы,
Клинки наголо! Я сегодня сильней!

Пируйте, морские крабы!
Они к вам в дыму, в огне
Летят головою за борт
Искать свой покой на дне!

... Всё тихо, и в сердце ни боли, ни дрожи,
И чёрный их флаг спущен мной и сожжён.
Весёлого Роджера рваная рожа
Рассыпалась в прах и исчезла, как сон.

Я снова на рифы несусь безрассудно,
Разбитой губой припадаю к кресту.
Второе под берегом спрятано судно.
Я помню про них. Я один на борту.

Мне ветер вдогонку воет:
«Куда ты, опомнись, псих!»
Теперь им понятно, кто я.
Я в порт не уйду без боя.
Я помню друзей моих!

1996

Течёт
в щели воздух синий,
А я
с крестиком в руке
В пыли
бьюсь, как в паутине,
На смерть
еду в воронке.

У них
бабы под гармошку
Кадриль
пляшут на столе
За хлеб,
студень и окрошку,
А мне
спать в сырой земле!

Нет, не спать!
Вон, заточка запрятана
Под скрипучую
ржавую жечь.
Пол шатается —
трещина, вмятина!
Процарапать!
Прорваться!
Пролезть!

Родной
город спозаранку
Погрыз
в пьянке, как в песке.
Васёк,
жми, крути баранку,
Прощай,
ездий в воронке!

Ему
руки-ноги свяжут,
Толкнут
к линии огня,
Его
Родина накажет,
Его
шлёпнут за меня.

Вот я в усмерть
горилки наклюкался.
Нет, не я его
в землю зарыл!
Он был свой,
но с легавкою снюхался!
Он рулить
не хотел,
но рулил!

1996

* * *

В этот сумрак, в этот холод —
Грустный, во хмелю,
У платформы «Серп и молот»
На скамейке сплю.

Осень, лужи, ветер в ухе,
Свист за упокой.
Я хочу своей Валюхе
Помахать рукой.

Я судьбу держал за горло,
Я на жизнь налёг.
Денег — тьма, здоровья — прорва,
Ничего не впрок.

У Валюхи то и дело
На душе тоска.
Вон, взяла, и заимела
Милого дружка.

Листья — птички-невелички —
Кружат над землёй.
Валька едет в электричке
Вместе с ним домой.

Я рукой машу вдогонку,
Я в тоску-печаль
Завернулся, как в пелёнку,
Я кричу: «Прощай!»

Ей веселье подавай-ка.
Я в делах, в бегах.
Куковать устала Валька
В четырёх стенах:

«Время подлое, лихое
На дворе опять —
Ты со мною под луною
Перестал гулять!»

Нету Вальки. Мир расколот.
Я в рукав скулю,
У платформы «Серп и молот»
На скамейке сплю.

Ветер листья обрывает
С тощего куста.
Холод. Улица кривая.
Полночь. Пустота...

1993

ПЕСНЯ
СОЗНАТЕЛЬНОГО
ПАЦИЕНТА

Мой диагноз родню поразил
Типа бури, внезапной грозы:
У меня истощение сил
С элементами лёгкой шизы.

А причина-то, в общем, проста,
Что мозги у меня кверху дном —
Это ширево, дурь, наркота,
Вот и сдали меня в жёлтый дом!

Я сперва скулил, как шавка
На цепи,
Но сказал сосед мой Славка:
«Не туши.

Мы не пашем, мы не сеем,
Ну, так что ж!
Есть ходы. Найдём, сумеем,
Всё, что хошь!»

Месяц, два — я здесь полностью свой,
Был и есть у меня карнавал!
Кайф, «колёса» всех видов и свойств
Я попробовал и перебрал!

Я всеяден. Лечи не лечи —
Я своё буду соло играть!
«Сложный случай, — сказали врачи,
Он не сможет уже завязать!»

Вот стою от всей толпы я
В стороне —
Сульфазинотерапия
Не по мне!

Но разведал про меня
Мой корешок:
Скоро будут применять
Электрошок!

Да и ладно, плевать, потерплю,
Ничего, что щекотно башке,
Мне ребята дадут коноплю,
И душа полетит налегке!

Надо морфий достать — не вопрос,
Тут такие спецы — ой-ё-ёй!
Я-то — валенок, лапоть, колхоз,
А у них кругозор — во какой!

Да, бывают перебои —
Вот стою
И на всю палату крою
Жизнь свою:

«Что-то в тумбочках, ребята,
Пустота,
Окромя денатурата —
Ни черта!»

Нам читает мораль не спеша
Медсестра. Мне-то что? Не в напряг!
Всё прекрасно в ней — мысли, душа,
И ресницы, и белый колпак!

Я влюбился в неё, мужики,
Я послал ей короткий сигнал —
Под пижамой принёс васильки,
Мне их Славка на морфий сменял!

В процедурной в полусне я
Свет гашу,
Мы шушукаемся с нею:
«Шу-шу-шу!»

У неё всё в том же ритме
Виражи,
«Если любишь, — говорит мне, —
Завяжи!»

Смех-то смехом, но вот он, прогресс:
Зуб даю, буду чист, как кристалл!
Я с иглы потихонечку слез,
Я в астрал выходить перестал!

Там, в астрале, и баб даже нет,
Ну и хрена ли мне в нём ловить?
Я иду к медсестре в кабинет,
Я найду, чем её удивить!

Стих ей в рифму, даже песню
Написав,
Я, как гордый буреветник
В небесах,

Слышу сердца зов пьянящий,
Вечный зов!
Нету в мире кайфа слаще,
Чем любовь!

Нет почётнее награды,
Что сказать?
Если любишь, значит, надо
Завязать!

Я окреп от женской ласки
Наяву!
Я в полёте, я в завязке,
Я живу!

... Выше голову, братишка,
Ё-моё!
Слезь с иглы, беги вприпрыжку
От неё!

И живи без дури, дряни,
Не тужи!
Не ходи по скользкой грани,
Завяжи!

1986

* * *

Нинка в шёлковой одеже
У окна хлебает чай.
Каждый день — одно и то же,
Хоть ложись и помирай.

Ветер шальный, злой, колючий,
Да печаль-тоска в груди.
Да всё тучи, тучи, тучи.
Всё дожди, дожди, дожди.

Мимо Нинкиной станицы
Колька-шофер проезжал.
Он зашёл воды напиться.
Он ромашку ей сорвал.

Ехал, ехал по дороге
Тыщу вёрст — устал в пути
И от Нинки-недотроги
Глаз не может отвести.

И они вдвоём в обнимку
Заплутали в трёх соснах.
Он глядел, глядел на Нинку,
Руки гладил ей впотьмах.

На скамейке в сельском клубе,
Отыскав в пути причал,
Колька грел её, голубил,
На ладошки ей дышал.

Он собрался незаметно.
Он поехал, порулил
В полумраке предрассветном,
Как от пристани отплыл.

Огонёчками мигая,
Он в окно махнул рукой:
«Будь здорова, дорогая,
Не печалься, я с тобой».

Время мчится, пролетает —
День, неделя, месяц, год.
Нинка сохнет и скучает,
У окна сидит и ждёт.

Омут чёрный, лес дремучий
За оврагом впереди,
Да всё тучи, тучи, тучи.
Всё дожди, дожди, дожди.

Пир горою у соседей.
Девки пляшут под баян.
«Ну, когда же ты приедёшь?» —
Нинка шепчет вдаль, в туман.

Он кормил её конфетой,
Со щеки стирал слезу:
«Я тебя по белу свету,
Как царевну, повезу.

Покажу тебе столицу
И другие города!»
... Он зашёл воды напиться.
Он уехал навсегда...

1995

* * *

Как дитя на конфетку,
Он глядел, — будто впрок —
На любимую Светку,
Наглядеться не мог:

«Дал же Бог нам с тобою!»
А потом в пять утра
Под ружьём его трое
Увели со двора.

И закрылись ворота.
Вот и все тут дела.
Лишь неделя — всего-то —
После свадьбы прошла.

Ворон дремлет на ветке,
В будке стрелочник спит.
Светка в синей беретке
На перроне стоит.

«Эй, не лезьте, соседи,
Отцепись ты, родня!
Он здесь мимо поедет.
Он увидит меня!»

Пролетают составы,
За вагоном вагон.
Ветер, дождь. «Эй, куда вы?» —
Светка шепчет вдогон.

Чтоб народ рядом с нею
Не ходил, не зевал,
Старшина в портупее
Кого надо позвал.

За зелёную рощу,
Вдаль её, в тишь да гладь
Увезли темной ночью
Жизни срок коротать.

Сладок завтрак у Светки,
Ей дают, вон, с руки
Порошки и таблетки
От печали-тоски.

... Всё завяло, прокисло,
Паханок дуба дал —
Тот, в Кремле. Светка вышла —
И опять на вокзал.

Там кассир, словно в клетке,
И спокоен, и сыт.
Светка в синей беретке
На перроне стоит.

Пролетают вагоны,
Скрежет, стук, дым и чад,
И вороны, вороны
Всё кричат и кричат.

Дождь холодный и редкий
В серой мгле моросит.
Светка в синей беретке
На перроне стоит...

1994

* * *

Месяц из-за облака вылез.
Я с друзьями горькую пью.
Мы среди берёз повалились.
Я один остался в строю.

Я развёл костёр на поляне,
Чтоб людей берёг от беды,
Типа, как маяк в океане,
Типа, свет далекой звезды!

Девки подошли, смотрят в оба,
Водят хоровод во хмелю,
У меня любовь к ним до гроба,
Я их больше жизни люблю!

Девки верещат: «Мы согласны
Быть с тобой один на один!
Огонёк в ночи — это классно,
Веселись, гуляй, сукин сын!»

Вон, уже Маруська, оторва,
Протоптав во ржи колею,
Тянет меня в лес: «Это здорово,
То, что ты остался в строю!»

«Я во всём селе королевна!» —
Слышу Зинкин крик из груди,
Зинка мне кричит: «Ты душевный!
Ты потом ко мне приходи!»

Ладно б, ты хромал на протезе,
Или слов не знал «I love you»,
В общем, шевелись, будь любезен,
Если ты остался в строю!»

Вот, собрав последние силы,
Мох пожрав во мгле, на мели,
Словно из болот крокодилы,
Парни к нам на свет приползли:

«Мы хлебали зелье из бочки,
Мы четыре дня не встаём,
Мы тут полежим в уголочке
И на фоне баб оживём!»

Мне на шею прыгнула Клавка:
«Ты как будто конь вороной!
Ты меня вези и не гавкай,
Песни мне душевные пой!»

Может, ты по дому скучаешь?
Ну и хрен с тобой, мать твою!
Ты у нас за жизнь отвечаешь,
Если ты остался в строю!»

«Он для нас с тобой лучший лекарь! —
Нинке шепчет Манька, — ты глядь,
Вот его какая опека —
В женщине любить человека,
И саму её уважать!»

Ах, как он к нам дышит неровно,
Он по съему стресса — король,
Он уважит всех поголовно,
Он исполнит главную роль!»

... Арии из опер, отрывки
Я под балалайку пою.
Я катаю баб на загровке.
Я один остался в строю.

Радости, любви — море, прорва!
Да уже и нет пьяных рыл!
Это хорошо, это здорово,
То, что я костёр запалил!

1997

Сергей Куреев

ЛЮДИ ИДУТ ПО ДОРОГЕ

<i>Концепция дизайна обложки</i>	С. Куреев
<i>Фото для обложки</i>	Л. Кикоть
<i>Вёрстка</i>	О. Лежнев
<i>Технический редактор</i>	П. Домбровский
<i>Выпускающий редактор</i>	О. Гражданкина

Книги: от рукописи до тиража
ИЗГОТОВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ
www.skifiabook.ru

Издательство «Скифия»
190003, Санкт-Петербург, 9-я Красноармейская ул., 3/7
тел. (812) 575-25-66
e-mail: skifiabook@mail.ru

Возрастная категория 12+
Подписано в печать 20.07.2018
Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Гарнитура Georgia. Объем 26 усл.-печ. л.

Отпечатано в типографии «Арт-Экспресс».
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, 17, корп. 3.